

ST. PETERSBURG STATE UNIVERSITY

GERMAN PHILOLOGY
IN ST. PETERSBURG
STATE UNIVERSITY
VII
DISCURSIVE ASPECTS
OF LANGUAGE PHENOMENA

Collection papers

Edited by: *Sergey T. Nefedov, Irina E. Ezan*

St. Petersburg University Press
2018

Deutsche
Philologie
VII

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

НЕМЕЦКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ

VII

ДИСКУРСИВНЫЕ АСПЕКТЫ
ЯЗЫКОВЫХ ФЕНОМЕНОВ

Под редакцией *С. Т. Нефёдова, И. Е. Езан*

ИЗДАТЕЛЬСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

УДК 81.42
ББК 81.2Нем
Н50

Рецензенты: д-р филол. наук, проф. *С. В. Буренкова* (Омский гос. техн. ун-т);
д-р филол. наук, проф. *Е. Г. Хомякова* (С.-Петербург. гос. ун-т)

*Рекомендовано к публикации
научной комиссией филологического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета*

Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. Вып. VII: Дискурсивные аспекты языковых феноменов: сб. ст. / под ред. С. Т. Нефёдова, И. Е. Езан. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. — 194 с.

В сборнике обсуждается широкий круг вопросов, посвященных дискурсивным аспектам языковых феноменов в синхронии и диахронии. Проблематика вошедших в сборник научных статей тесно связана с актуальными для современной лингвистики вопросами теории и методологии дискурса. Предметом разноуровневого лингвистического анализа стали литературно-художественный, научный, общественно-политический, религиозный, эпистолярный и другие типы дискурса.

Издание предназначено в первую очередь для филологов-германистов, а также для лингвистов широкого профиля, интересующихся вопросами дискурсивного анализа.

**УДК 81.42
ББК 81.2Нем**

© Санкт-Петербургский
государственный университет, 2018

© Авторы, 2018

ДИСКУРС В ФОКУСЕ ЛИНГВИСТИКИ

Настоящий, седьмой выпуск кафедральной серии «Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете» посвящен проблемам дискурса и дискурсивной методологии анализа лингвистических объектов. Само понятие *дискурс*, пришедшее в лингвистику из смежных гуманитарных дисциплин (постструктуралистской философии, семиотики, социальной психологии, литературной критики), лишь постепенно и с оглядкой на собственно языковедческую проблематику осваивается лингвистами. Бурная популярность и даже в некотором смысле мода на дискурс 1980–1990-х годов в зарубежной, а десятилетием позже и в отечественной лингвистике имели скорее негативный эффект: безоглядное употребление этого термина «для красного словца» в массе лингвистических работ привело к эклектизму и размыванию терминологических границ выражаемого им понятия, за которым и без того тянулся шлейф многозначности из разных национальных школ и сфер гуманитарного знания. В этом контексте актуально звучат слова известного немецкого лингвиста, представителя дескриптивного направления дискурс-анализа Инго Х. Варнке, которыми он начинает одну из своих работ по дискурсу: «Отнюдь не очевидно, что дискурсивный анализ следует относить к кругу задач лингвистики. Уже общая размытость понятия *дискурс* порождает принципиальные сомнения относительно возможностей его языковедческого применения. <...> Дискурс и дискурсивный анализ были, есть и останутся многозначными понятиями, которые, по крайней мере, на первый взгляд, являются непригод-

ными в качестве адаптивных теоретических разработок для лингвистики, постоянно стремящейся к точности»¹.

Можно, кроме того, присоединиться и к последующим рассуждениям Инго Х. Варнке о том, что те же самые упреки в полной мере относятся ко всем базовым понятиям лингвистики, не менее многозначным и расплывчатым, чем *дискурс*: понятию слова, предложения или текста. Разные толкования дискурса, приводящие к некоторому теоретическому хаосу в дискурсивно-аналитических исследованиях по лингвистике, на практике являются отражением сложившихся здесь общих норм ведения научной профессиональной коммуникации. При этом общепринятые этико-исследовательские стандарты, как известно, во многом определяются в лингвистике, как и в других гуманитарных науках, плюрализмом мнений и стремлением на основе интеграции с другими научными дисциплинами уточнять некоторые общие для них понятия через их проверку и верификацию в приложении к собственным объектам. Заметим, что последнее составляет необходимое условие и движущую силу прогресса знания в любой научной дисциплине.

Проблемы лингвистического анализа в категориях дискурса заключаются, конечно, не в многозначности самого термина *дискурс*, а в том, насколько точно (применительно к стоящим перед исследователем целям) этот термин используется в конкретном исследовании, насколько полно осознается многоаспектность и гетерогенность охватываемых данным понятием феноменов, лишь частично являющихся чисто языковыми объектами. Нужно понимать, что дискурсивная методология и ее понятийный аппарат позволяют представлять в категориях дискурса не только и даже не столько собственно языковые объекты, а проективно, в опоре на язык, два других, с необходимостью сопутствующих употреблению языка пространства: уровень когнитивной репрезентации наших знаний, идейно-идеологических позиций, общественных и личных систем ценностей, с одной стороны, и социально-ком-

¹ Ср.: «Es liegt keineswegs nahe, Diskursanalyse als linguistische Aufgabe zu verstehen. Schon die allgemeine Unschärfe des Begriffes Diskurs lässt grundsätzliche Zweifel an Möglichkeiten einer sprachwissenschaftlichen Aneignung aufkommen. <...> Diskurs und Diskursanalyse waren, sind und bleiben vieldeutige Konzepte, die zumindest auf den ersten Blick als anschlussfähige Entwürfe für stets um Präzision bemühte Linguistik ungeeignet sind» [1, S. 221].

муникативный уровень принципов, стратегий, стандартов и типичных целеустановок вербального взаимодействия в рамках тех или иных коммуникативных практик — с другой. Основная задача лингвиста, как она видится авторами настоящего тематического сборника, состоит в том, чтобы, твердо опираясь на языковой фундамент дискурсов как «определенных совокупностей тематически и функционально объединенных текстов» [2, S. 14], выявлять и описывать индикаторы этих двух уровней дискурсивно-текстовых формаций. Искомым результатом такого изучения языковых единиц, по мысли авторов сборника, следует считать теоретические обобщения о том, как селективное употребление языка в проекции на дискурсивные нормы различных коммуникативных практик (литературно-художественных, общественно-политических, научно-исследовательских, регулирующих трудовые отношения и т. д.) становится источником развития и постоянной динамики бытующих в них систем знаний и коллективно выработанных нравственно-этических, идейных, теоретических, мировоззренческих и т. д. позиций участников дискурса. Абсолютно неоспоримым преимуществом дискурсивно-аналитического подхода становится, таким образом, расширение возможностей для интерпретации семантики и функций языковых единиц, а значит, их более полное описание за счет анализа в контексте указанных выше дискурсивных измерений.

Именно с указанных теоретических позиций авторы сборника обсуждают дискурсивные аспекты разноформатных и разноуровневых языковых единиц и их дискурсивно-ориентированные категории. В целом сборник сформирован из научных статей сотрудников кафедры немецкой филологии СПбГУ: проф. Г. А. Баевой, проф. С. Т. Нефедова, проф. К. А. Филиппова, доц. Л. Ф. Бирр-Цуркан, ст. преп. И. А. Вороновской, доц. Л. Н. Григорьевой, доц. И. Е. Езан, доц. Е. А. Ковтуновой, доц. К. В. Манеровой, доц. А. В. Мельгуновой, доц. К. Р. Новожиловой, асп. Е. С. Степанова, ст. преп. Н. С. Супоницкой; в него входят также статьи коллег из РГПУ им. А. И. Герцена — проф. Е. А. Гончаровой и проф. В. А. Андреевой.

Композиционно сборник делится на две части. Первая объединяет статьи, посвященные лингводискурсивной методологии и транстекстовому анализу дискурса в общем плане, вторая — статьи, обращенные к внутритекстовому анализу дискурсов разной тематико-функциональной направленности.

Первая часть начинается с обзорно-аналитической статьи *С. Т. Нефёдова*. В ней представляются и критически оцениваются основные дискурсивные подходы в гуманитарных науках, идеи которых послужили источником формирования лингвистически ориентированных направлений дискурс-анализа. Основное внимание в данной статье уделено сложившимся в немецкоязычном социокультурном пространстве школам дискурс-анализа и дескриптивно ориентированным подходам в немецкой лингвистике. Кроме того, в статье особо акцентируются объяснительный потенциал дискурсивной методологии и ее значение для лингвистического анализа.

В статье *Е. А. Гончаровой* рассматриваются дискурсивные параметры стиля. Объектом филологической интерпретации становятся релевантные стилистические маркеры отдельных видов надындивидуальных, а также индивидуальных дискурсивных практик.

Эмпирической основой статей *В. А. Андреевой* и *К. Р. Новожиловой* послужили тексты литературно-художественного дискурса. В статье *В. А. Андреевой* показано, как дескриптивные секвенции реализуют свой нарративный потенциал в художественных текстах. Учет фактора взаимодействия дескриптивной риторической стратегии и нарративной стратегии в рамках текстового целого позволяет автору статьи расширить представления о статусе и функциях дескриптивных включений. В определенной мере данную тематику продолжает статья *К. Р. Новожиловой*, сосредоточенная на анализе нарративного дискурса в целом. Отдельно автор рассматривает событийный и дискурсивный виды информации, источником которых является референтная ситуация.

В статье *К. А. Филиппова* и *Л. Н. Григорьевой* речь идет о становлении учебно-грамматического дискурса в эпоху Просвещения. Особое внимание уделяется сопоставительному изучению данного дискурса в диахронии, а также формированию терминологического аппарата грамматики. Материалом исследования для авторов послужили грамматические труды *И. К. Готшеда*, *И. К. Аделунга* и *М. В. Ломоносова*.

Статья *И. Е. Езан* и *Е. А. Ковтуновой* посвящена анализу современного немецкого политического дискурса, а именно предвыборного агитационного дискурса. Дискурсивному анализу подвергается корпус текстов листовок немецких политических партий, созданных во время предвыборной кампании 2013 года.

Во вторую часть сборника вошли статьи, в которых проводится внутритекстовый анализ конкретных типов немецкоязычных дискурсов в синхронии и диахронии. Исторические тексты составили эмпирическую базу исследований *Г. А. Баевой* и *Л. Ф. Бирр-Цуркан*. В статье *Г. А. Баевой* представлен подробный анализ дискурсивных маркеров как средств актуализации устной рецепции в произведениях средневековой немецкоязычной литературы. *Л. Ф. Бирр-Цуркан* исследует особенности и функции обращения в эпистолярном дискурсе ранненовонемецкого периода.

И. А. Вороновская изучает функционирование дискурсивных маркеров на примере паратекстов — авторских предисловий к немецкоязычным монографиям по лингвистике. *Н. С. Супоницкая* на материале немецкоязычных лингвистических статей анализирует языковые средства скрытой эгореферентности в проекции на общепринятые стандарты научного дискурса и соответствующую коммуникативную практику.

Анализ религиозного дискурса представлен в статье *К. В. Манеровой*. В работе дается сравнительная лингвистическая характеристика немецких и русских фразеологизмов религиозной тематики. Лингвистический анализ дискурсивных функций фразеологизмов автор приводит с привлечением модели многоуровневого лингводискурсивного анализа DIMEAN, разработанной немецкими лингвистами *Ю. Шпицмюллером* и *И. Варнке*.

А. В. Мельгунова в своей статье обращается к описанию современного медиадискурса, при этом особое внимание уделяет лексическим особенностям дискурса рынка труда. Продолжает анализ дискурса СМИ *Е. С. Степанов*. Он изучает вопросы функционирования прецедентных имен в немецкоязычных массмедийных текстах.

Статьи настоящего сборника могут быть полезны в преподавании лингвистических дисциплин, таких как дескриптивный дискурс-анализ, стилистический и историко-диахронический анализ текстов, функционально-коммуникативная грамматика, лингвистика текста и политическая лингвистика. Надеемся, что представленный в сборнике дискурсивный ракурс рассмотрения языковых единиц, а также анализ транстекстовых и внутритекстовых категорий разных типов дискурса внесет определенный вклад в развитие отечественной лингвистики дискурса.

Литература

1. *Warnke, I. H.* Diskurs // Handbuch Sprache und Wissen / Hrsg. E. Felder, A. Gardts. Berlin; Boston: de Gruyter, 2015. S. 221–241.
2. *Busse, D., Teubert, W.* Ist Diskurs ein sprachliches Objekt? Zur Methodenfrage der historischen Semantik // Begriffsgeschichte und Diskursgeschichte. Methodenfragen und Forschungsergebnisse der historischen Semantik / Hrsg. D. Busse, F. Hermanns, W. Teuberts. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1994. S. 10–28.

I. ЛИНГВОДИСКУРСИВНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ И ТРАНСТЕКСТОВЫЙ АНАЛИЗ ДИСКУРСА

УДК 811.112.2

С. Т. НЕФЁДОВ

Санкт-Петербургский государственный университет

ДИСКУРС: НАПРАВЛЕНИЯ, ШКОЛЫ, МЕТОДОЛОГИЯ ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА

Ключевые слова: дескриптивный анализ дискурса, критический дискурс-анализ, материально-языковой уровень дискурса, когнитивный уровень дискурса, коммуникативно-интеракционный уровень дискурса.

В статье представлен аналитический обзор наиболее влиятельных направлений и подходов в изучении дискурса как многомерного когнитивного, коммуникативно-интеракционного и языкового феномена, выделяемого применительно к практикам социального взаимодействия. При этом в фокусе рассмотрения находятся те аспекты дискурсивной проблематики, которые прошли проверку временем и оказались востребованными в лингвистически ориентированном анализе дискурсивных формаций текстов в немецкой лингвистике. При характеристике представленных подходов акцентируются наследование научных традиций дискурсологии, а также привносимые теоретические инновации в толкование дискурса и в интерпретацию взаимодействия его основных измерений, соотносенных с коллективным сознанием (знанием), социальной коммуникацией (коммуникативными практиками) и языком (тематическими и функциональными совокупностями текстов).

S. T. NEFEDOV

St. Petersburg State University

DISCOURSE: RESEARCH APPROACHES, ACADEMIC SCHOOLS, METHODOLOGY OF DISCOURSE ANALYSIS

Keywords: descriptive discourse analysis, critical discourse analysis, linguistic discourse dimension, cognitive discourse dimension, interactional-communicative discourse dimension.

This paper presents an analytical review of the most influential concepts and approaches in the study of discourse as a multidimensional cognitive, interactional and linguistic phenomenon in relation to the practices of social interaction. Thereby those aspects of the discourse theories are highlighted which have passed the test of time and are proved to be in demand in the descriptive-oriented analysis of discursive formations in German linguistics. The characteristic of these approaches focuses

on the succession of the scientific traditions in the discourse analysis and on the theoretical innovations introduced in the interpretation of the relationship of the basic discourse dimensions correlated with the collective consciousness (the knowledge), social communication (the communicative practices) and language (the text thematic and functional formations).

Вводное замечание

Полвека истории дискурсивного анализа в гуманитарных науках не привели к консолидации мнений в единую и стройную теорию. Как и прежде, в этой сфере царят безграничный плюрализм теоретических позиций, конкуренция подходов, скрытая борьба направлений за признание в интеллектуальной среде. Поэтому применительно к целям и задачам лингвистики представляемый аналитический обзор наиболее влиятельных концепций дискурс-анализа может содействовать лучшему пониманию современного состояния дискурсивно-ориентированных исследований и более эффективному внедрению дискурсивной методологии и категорий в повседневную практику лингвистического анализа.

1. Этимология термина *дискурс*. Узкое понимание дискурса

Этимологически слово *дискурс* восходит к латинскому глаголу *discursare*, который вошел в широкое употребление, по-видимому, из военной сферы и первоначально означал «совершать неожиданные, хаотичные рейды по стране», «рассредоточиваться», «разбегаться», «носиться туда и сюда» [37, S.222]. Такого рода повторяющиеся, в известной мере хаотичные физические перемещения в пространстве были метафорически переосмыслены в отношении коммуникативно-речевых действий и по аналогии перенесены на особые способы использования языка. С этих позиций объясняет «дискурсивный» характер речи, например, немецкий литературовед У. Япп, который связывает дискурс с движением мысли и речи в разной перспективе «при рациональном обсуждении положений дел или проблем в реагирующей, аргументативной форме»¹.

¹ Ср.: «...die im Hin- und Herlaufen des Redens vollzogene rationale Erörterung von Sachverhalten und Fragestellungen in einer argumentativ verantworteten Form» [27, S.227].

Дискуссия по поводу какой-либо проблемы, предмета или события, при которой речевые субъекты постоянно возвращаются к обсуждению одной и той же темы с разных сторон, может проходить в разных коммуникативных формах. Если такого рода дискуссия имеет место в канонической ситуации синхронного присутствия говорящего и собеседника во времени и пространстве, то это диалог (о понятии «каноническая ситуация» см. [33, S. 288; 12, с. 3]). Соответственно, в такой интерпретации понятие дискурса оказывается в значительной мере синонимичным понятию диалога. Поэтому не случайно исходно, при зарождении дискурсивного анализа в 70-е годы XX века, в англо-американской лингвистике дискурс понимается как устная речь, диалог.

Дискурс как разнонаправленная дискуссия и критическое рассмотрение некоторого проблемного вопроса или объекта может осуществляться и в письменной монологической форме, и тогда это рациональное рассуждение (ср. немецкое обозначение *Abhandlung*). В этом последнем узком смысле дискурсом является, например, трактат Рене Декарта «Рассуждение о методе» (*Discours de la méthode*, 1637).

Указанные выше самые узкие значения термина *дискурс*, весьма близкие к исходному этимологическому смыслу этого понятия, как будет показано в дальнейшем, отнюдь не доминируют в современных дискурсивных исследованиях, а само понимание дискурса претерпело в них существенную эволюцию. Кратко остановимся на основных направлениях дискурс-анализа.

2 . Четыре основные научные традиции понимания дискурса

2.1. Дискурс в англо-американской традиции конверсационного анализа

Дискурс в рамках конверсационного анализа трактуется в узком смысле как диалогическая речь, разговор в естественных ситуациях общения. Своими истоками это направление дискурс-анализа восходит к теориям американских социологов Г. Гарфинкеля и Х. Сакса [22; 35]. Базовыми категориями в этих теориях, согласно немецкому германисту П. Ауэру, являются понятие *индексальности*, т. е. языкового и неязыкового маркирования контекстуальной соотношенности и обусловленности значения употребляемых слов

и выражений, и понятие *рефлексивности*, или фиксированности в употребляемых языковых средствах оценочной в широком смысле позиции речевого субъекта по отношению к социальной действительности [15, S.131–151]. С помощью данных понятий представители конверсационного анализа стремятся выявить устойчивые модели (англ. *patterns*), лежащие в основе естественных диалогов как результата взаимодействия участвующих в интеракции субъектов. При этом акцентируется именно социальная и интеракциональная составляющая диалогического общения: не просто диалог как таковой в естественной «канонической» ситуации, а в контексте межличностного взаимодействия.

Хотя в англо-американской терминологии данный подход принято именовать дискурс-анализом (*discourse analysis*), в лингвистиках других языков он называется по специфическому предмету изучения — описанию разных аспектов диалогического взаимодействия в контексте межличностного общения; ср. в отечественной лингвистике обозначение «конверсационный анализ», а в немецкой лингвистике — «*Gesprächs- und Konversationsanalyse*».

В рамках современного конверсационного анализа, как он, например, проводится в работах фрайбургского профессора П. Ауэра [14; 15], исследуются записи естественных диалогов в специальной транскрипции для их детального анализа на микро- и макроуровнях. К числу таких подлежащих изучению аспектов чаще всего относят:

- грамматическую или прагматическую организацию диалогов в проекции на смену коммуникативных ролей интерактантов; тематическое развертывание диалогических высказываний с выделением интеракциональных и тематико-семантических схем;
- коммуникативные стратегии и правила интеракционального взаимодействия;
- имплицитную информацию и роль общих фоновых знаний при интерпретации диалогического взаимодействия;
- социальную стратификацию диалогических высказываний, в том числе конфликт социальных регистров речи и т. д.

Таким образом, в конверсационном анализе понятие дискурса отождествляется с понятием текста, а именно диалогического текста. Сама дискурсивная методология имеет дескриптивный, ярко выраженный лингвистический характер. Причем конверсацион-

ный анализ как индуктивный метод рассмотрения в перспективе от эмпирических данных к теоретическим обобщениям, занимаясь мельчайшими деталями использования языка вплоть до длительности пауз и силы акцентов, дает точную, надежно верифицируемую информацию о многоуровневой организации диалогов и о способах прагматической интерпретации диалогических взаимодействий при учете всех основных параметров контекстуализации коммуникативного события.

2.2. Этико-прагматический подход: теория «равноправной дискуссии» Юргена Хабермаса

Предлагаемое в подзаголовке русскоязычное название теории дискурса известного немецкого социолога Ю. Хабермаса (в немецком оригинале — *die Theorie des «herrschaftsfreien» Diskurses*) не претендует на абсолютную точность перевода, но наиболее полно передает центральную идею этой теории. Следует заметить, что по своей дискурсивной методологии Ю. Хабермас относится к числу ярких представителей так называемого «критического дискурс-анализа» (о котором подробнее пойдет речь ниже), наряду с другими известными дискурсологами Германии и Австрии, такими как У. Маас, Ю. Линк, З. Егер, Р. Водак. Согласно Ю. Хабермасу, дискурс — это открытое публичное обсуждение («*Diskurs als Debatten in der Öffentlichkeit*») некоторой социально значимой проблемы, направленное на достижение взаимопонимания «спорящих» и отстаивающих свою позицию сторон (контрагентов) через обмен мнениями на основе морально-этического принципа равноправия². Языковым коррелятом такого «критического обсуждения», естественно, выступают устные и письменные тексты.

В своей теории Ю. Хабермас исходно опирается на философию языка и теорию речевых актов Дж. Остина и Дж. Сёрля и понимает дискурс как последовательность коммуникативных действий, составляющих определенный способ социального взаимодействия субъектов в рамках той или иной коммуникативной практики. При этом в обобщающих дискурсивную методологию обзорах часто

² Ср.: Ein Diskurs ist «verständigungsorientiertes kommunikatives Handeln, das Dissens über einen oder mehrere Geltungsansprüche in der Kommunikation überwindet. Er ist die durch die Argumentation gekennzeichnete Form der Kommunikation... in der problematisch gewordene Geltungsansprüche zum Thema gemacht und auf die Berechtigung hin untersucht werden» [24, S. 130].

отмечается, что теория Ю. Хабермаса несет на себе печать утопического идеализма, поскольку, по сути, предполагает идеализированную коммуникацию, при которой обсуждение «спорной темы» и притязаний субъектов на правоту всегда должно происходить на основе принципа равноправия, без подавления позиции другого авторитетом, более высоким социально-ролевым статусом или каким-либо другим преимуществом, кроме убеждающей силы самих аргументов; ср. [30, S. 159].

Собственно лингвистический анализ текстов дискурса, естественно, в этой теории не предполагается, а сама материально-языковая форма дискурсов принимается по умолчанию. В центр внимания выдвигается идейно-идеологическое измерение дискурсов, т.е. когнитивно-концептуальный уровень коллективно создаваемых, воспроизводимых и изменяемых смыслов и их взаимодействие с социальными структурами общества. Именно с этих позиций теория дискурса Ю. Хабермаса в значительной мере тяготеет к особому направлению в дискурсологии — критическому дискурс-анализу.

2.3. Критический дискурс-анализ

Критический дискурс-анализ (*critical discourse analysis*) — это одно из самых влиятельных направлений среди современных теорий дискурса. Он не является принадлежностью какой-либо отдельной национальной научной школы и существует в форме многообразных параллельных подходов, сложившихся вокруг таких знаковых фигур в дискурсологии, как Н. Фэйерклау [19], П. Бурдьё [3] или Т. ван Дейк [18]. В немецкоязычном социокультурном пространстве видными представителями критического дискурс-анализа являются, как уже упоминалось, Р. Водак [38] и З. Егер [26].

Р. Водак исследует тематически связанные совокупности текстов общественно-политического характера, имеющих заметное влияние на общественное сознание в определенный временной период. В такого рода дискурсивных образованиях ее интересуют прежде всего два уровня организации: уровень представленных содержаний (обсуждаемых тем) и коммуникативно-стратегический уровень аргументативных структур. Эти уровни, по Р. Водак, формируют — благодаря использованным для их реализации языковым средствам — воздействующий потенциал дискурса, и в том

числе влияют на системы ценностей и поведенческие нормы представителей социальных групп и общества в целом.

В свою очередь, З. Егер, вслед за М. Фуко, ставит цель выявить взаимосвязь и взаимовлияние между социальным действием, мышлением и языком/речью в конкретных социоисторических контекстах, которые можно обнаружить только при анализе широких дискурсивных образований. Тематически связанные тексты и части текстов он называет «дискурсивными фрагментами» («Diskursfragmente»), а тематически соотнесенные «дискурсивные фрагменты» образуют, по З. Егеру, «дискурсивные ветви» («Diskursstränge»).

Несмотря на иногда весьма существенные различия в теоретических позициях, большинство теорий критического дискурс-анализа фокусируется на смысловом поле содержаний, коллективно создаваемом и изменяемом в процессе взаимодействия в той или иной коммуникативной практике. Это смысловое поле является своего рода проекцией некоторой социальной реальности, отражающей определенную перспективу рассмотрения социальными субъектами событий, положений вещей, процессов и т. д. [6, с. 10].

Дискурс, таким образом, рассматривается на когнитивном уровне как социально организуемый феномен, который фиксирует в упорядоченных системах смыслов коллективное знание о мире, его отдельных фрагментах. Смоделированные посредством языка структуры знания с элементами власти и доминирования, социального неравенства и дискриминации, идейного и идеологического контроля и т. д. оказывают обратное воздействие на социальные структуры общества и идеологические позиции субъектов коммуникативных практик. Конечная цель критического дискурс-анализа состоит в том, чтобы при учете социального, исторического, политического, культурного и другого контекста вскрыть заложенное в «отношениях между знаками, значениями и контекстуальными условиями, задающими семиотическую структуру дискурса» [20, р. 5], злоупотребление властью, социальным положением, идеологическими установками и пр. Все эти формы социального доминирования становятся возможными благодаря «вживлению» через языковое формулирование устойчивых стереотипов превосходства, идеологических догм, интересов определенных социальных групп.

Таким образом, критический ракурс в обсуждаемом дискурсивном направлении и его название в гуманитарных науках связаны прежде всего со стремлением исследователей вскрыть негативное влияние («власть языка», по М. Фуко) на коллективное и индивидуальное сознание социальных субъектов через формируемые при использовании языка структуры знания, системы ценностей, социальные стереотипы неравенства и превосходства, устоявшиеся в обществе предубеждения.

2.4. Понятие дискурса во французской лингвосомиотической школе. Концепция Мишеля Фуко

С французской лингвосомиотической школой (весьма условное название) обычно связывают таких известных и разносторонних по своим исследовательским интересам ученых-гуманитариев, как Р. Барт, Ж. Женнет, Ж. Деррида, А.-Ж. Греймас, М. Фуко и др. Всех их объединяет общий подход к анализу культурных артефактов, к которым, без сомнения, в первую очередь принадлежат тексты, как к семиотическим системам упорядоченных смыслов. При этом роль языковых знаков, языка и существующих на их основе коммуникативных практик оценивается по их функции в создании сложных структур знания и систем ценностей, коллективных идеологий и картин мира, теоретических позиций и точек зрения, а также по их вкладу в сохранение, воспроизводство и изменение данных смысловых систем.

На указанной теоретической платформе стоит и французский историк, культуролог и философ М. Фуко, идеи которого о дискурсе оказали и продолжают оказывать существенное влияние на современные направления дискурс-анализа. Создал ли он цельную теорию дискурса? На этот вопрос все чаще отвечают отрицательно; см. об этом со ссылками на других исследователей, например, в работе Х. Куссе [31, S. 106]. Но это ни в коей мере не меняет теоретической значимости идей М. Фуко о материальной стороне дискурсов, их социальном бытовании, коммуникативном и когнитивном измерении, а также о целях самого анализа дискурсов. Именно базовые теоретические позиции М. Фуко стали отправной точкой практически всех современных дескриптивных (лингвистически ориентированных) и так называемых критических подходов в дискурс-анализе.

Существует огромная литература, причем в разных областях гуманитарного знания, в которой детально разбирается и критически оценивается вся концептология М. Фуко (см., например, [32; 34]). Поэтому отметим лишь самые основные моменты в дискурсивном подходе М. Фуко, получившие продолжение и развитие в современном лингводискурсивном анализе.

Естественно, никакой лингвистики в прямом смысле в концепции М. Фуко не следует искать. Это скорее новая философия языка — дискурсивная. Язык в форме текстов как «культурно-исторических артефактов» формирует материальную сторону дискурсов и обеспечивает динамику смыслов в «дискурсивных формациях». Именно эта динамика и движущие силы и условия ее порождения интересуют М. Фуко. С лингвистической точки зрения динамика смыслов в дискурсивных формациях обеспечивается через выбор языковых средств и связанную с ним возможность изменять кодирование содержания дискурса в определенной оценочной, идеологической, теоретической и прочей перспективе. Основная цель дискурс-анализа, по М. Фуко, состоит в выяснении того, как функционируют «дискурсивные формации», при каких условиях и на каких принципах, чтобы обладать способностью создавать, хранить и изменять социально релевантные структуры знания, а через них — и структуры общества. При этом упорядоченные системы знаний, представленные в текстах, рассматриваются не как зеркальное отражение ситуаций, положений дел, событий, т. е. «слепки» некоторых фрагментов мира, а как коллективно формируемые в дискурсивных практиках и обладающие поэтому изменчивостью в соответствии с меняющимися обстоятельствами. Причем общепринятые нормы, выработанные коллективно в ходе исторического развития «дискурсивных практик», имплицитно регулируют, как и о чем нужно и можно высказываться, кто уполномочен это делать. Дискурсивизация структур знания, систем оценок и ценностей, социальных стереотипов поведения, идейно-идеологических диспозиций и т. д. всегда сопряжена, по М. Фуко, с отстаиванием групповых и/или личных интересов, с осуществлением власти и доминирования.

Как будет показано ниже, многие из этих идей М. Фуко были восприняты различными направлениями дискурсивного анализа, получившими распространение в немецкой лингвистике.

3. Дискурсивный анализ в немецкой лингвистике

Изначально изучение дискурса в Германии было ориентировано на критический дискурс-анализ (см. об этом выше в подразд. 2.3). Теоретической доминантой этого направления в дискурсологии, как уже было отмечено, является интерес к когнитивному уровню дискурса: к социально бытующим системам знаний и оценок, к формирующимся и изменяющимся дискурсивным позициям определенных общественных групп, институтов, органов власти, партий, отдельных влиятельных личностей. Во главу угла у многих представителей критического дискурс-анализа была поставлена идея М.Фуко о «власти дискурса», его «руководящей и направляющей роли» в жизни общества и на этой основе сфокусированы морально-этические (см. о теории Ю.Хабермаса подразд. 2.2) и идейно-идеологические аспекты функционирования дискурсов в коммуникативных практиках (см. о подходе Р.Водак и З.Егера в подразд. 2.3).

Дискурсивная концепция М.Фуко оказала существенное теоретическое влияние не только на критический дискурс-анализ, но и на дескриптивно-ориентированные лингвистические подходы к анализу дискурса. Это влияние можно свести к двум основным моментам:

- к сходному толкованию принципов организации дискурсов как тематической и/или функциональной сопряженности текстов, бытующих в определенном социальном историко-культурном пространстве;
- к общей цели дискурсивного анализа, который должен быть направлен на выявление того, как при употреблении языка и благодаря языку формируются коллективная идейная позиция, восприятие объектов, положений дел, ситуаций и событий, т.е. создается некая социальная реальность смыслов, обладающая потенциалом воздействия на деятельность социальных субъектов.

Остановимся на наиболее влиятельных лингводискурсивных подходах в современной немецкой лингвистике.

3.1. Концепция «исторически обусловленной семантики дискурса»

Семантическая интерпретация элементов дискурса является базовой в любом лингводискурсивном исследовании [21, S. 29–30]. При этом дискурсивно-семантический анализ может проводиться

на разных уровнях структурной организации языка: на уровне слова (Wortsemantik), предложения (Satzsemantik), текста (Textsemantik) и собственно дискурса (transtextuelle Semantik) [Там же]. Дискурсивный ракурс означает здесь выявление тех смысловых «приращений», которые идут «от дискурса» и возможны только благодаря дискурсу как целому.

На этих исходных теоретических основаниях в 80–90-е годы XX века сложилась старейшая школа дискурсивной лингвистики в Германии — «историческая семантика дискурса». Она сформировалась вокруг целого ряда немецких лингвистов из Гейдельбергского и Мангеймского университетов, таких как Д. Буссе, В. Тойберт, Ф. Херманнс, и поэтому носит условное название «гейдельбергско-мангеймской исследовательской группы» («die Heidelberg-Mannheimer Forschergruppe») [16, S. 8–10; 30, S. 164–166].

Основная научная гипотеза представителей «исторической семантики дискурса», подлежащая аргументации и верификации через эмпирический материал, заключается в том, что динамика изменений в коллективном сознании тех или иных социальных групп общества объективируется и фиксируется в изменениях значений концептуально важных (ключевых) слов и выражений некоторого предметно-тематического дискурса, которые можно наблюдать и выявлять на протяжении определенного среза времени. В этой связи Д. Буссе пишет об «историческом развитии коллективного сознания, воплощаемом в языке» («eine sich sprachlich manifestierende kollektive Bewusstheitsgeschichte») [17], а Ф. Херманнс — об «истории менталитета» («Mentalitätsgeschichte») [25].

Выявление смысловой динамики в значениях слов и выражений осуществляется при этом в опоре на контекстуально-семантический метод анализа дискурсивных репрезентаций с учетом временной перспективы. Это позволяет описать содержательно-смысловые изменения ключевых слов и обозначаемых ими понятий, а тем самым и динамику в представлениях социокультурного сообщества / его отдельных групп. В целом данная методика включает четыре основных этапа:

- выделение корпуса текстов, манифестирующих определенный предметный срез (тематическую область) некоторой социально-коммуникативной практики;
- дискурсивно-семантический анализ базовых понятий и систем понятий (Begriffe und Begriffssysteme) данной предмет-

- но-тематической области через контекстуальный анализ обозначающих их слов и выражений;
- выявление смысловой динамики в значениях базовых слов и выражений, приобретенных ими в дискурсивном функционировании;
 - аналитические выводы по результатам анализа эмпирического материала о движущих факторах и процессах в историческом развитии «коллективного сознания» в данной предметной сфере.

Благодаря контекстуально-семантическому анализу слов и высказываний с ними и когнитивно-семантическому (дискурсивному) анализу манифестируемых ими понятий и положений дел в их актуально-ситуативной данности можно реконструировать, кроме того, имплицитное знание, т. е. прямо не утверждаемую, но подразумеваемую информацию об устойчивом мнении некоторой сложившейся в социальной группе идейно-идеологической ориентации, интеллектуальной диспозиции и т. д. на определенном историческом срезе, в данном социальном институте или социальной группе.

Вклад представителей «гейдельбергско-мангеймской группы» состоит в том, что они первыми в немецком языкознании подвели под дискурсивный анализ лингвистическую основу и показали один из путей рассмотрения языковых фактов в дискурсивной перспективе.

3.2. Лингводискурсивный анализ «дюссельдорфской школы» во главе с Георгом Штётцелем

К «дюссельдорфской школе» лингводискурсивного анализа относят целый ряд исследователей (М. Юнг, М. Венгелер, К. Бёке и др.), объединенных вокруг их научного руководителя и наставника — Георга Штётцеля, профессора Университета имени Генриха Гейне в Дюссельдорфе. Объектом их анализа стали тексты общественно-политических дискурсов разных временных периодов, существующие в открытом социокультурном пространстве Германии. Коммуникативно-смысловой доминантой таких дискурсов является наличие контroversы (Kontroverse), разногласий во взглядах, и их публичное критическое обсуждение, при котором разные мнения противопоставляются друг другу и каждый из контрагентов приводит аргументы в пользу своей точки зрения.

Один из представителей данной исследовательской школы, М. Юнг, понимает под дискурсом, вслед за Д. Буссе и В. Тойбертом, «конкретный корпус» текстов/высказываний и предлагает, как и З. Егер, дифференцировать дискурсы функционально, в соответствии с коммуникативными сферами, и далее, по коммуникативным практикам в рамках определенной сферы, — на субдискурсы, в которых он на следующем этапе классификации выделяет жанровые типы текстов/высказываний. При этом, в отличие от Д. Буссе и В. Тойберта, которые определяли дискурс текстоцентрически, М. Юнг трактует текст исключительно в когнитивно-содержательном аспекте как «совокупность (смысловых) отношений между тематически связанными комплексами высказываний» («Diskurs als die Gesamtheit der Beziehungen zwischen thematisch verknüpften Aussagekomplexen») [29, S. 461].

Одной из главных целей анализа в исследованиях представителей «дюссельдорфской группы» исходно является, как и у Д. Буссе и В. Тойберта, рассмотрение лексического состава, типичного для определенного типа дискурса и выражающего центральные понятия этого дискурса. Но они ориентируют свой семантико-контекстуальный анализ не на выявление диахронической динамики в значениях слов и выражений, а на их роль в структурах аргументации и в формировании топоса/топосов дискурса [28, S. 153].

Под топосом, как известно, понимают в дискурсологии общие темы и общее консолидированное мнение, которые считаются важными и разделяются определенной социальной группой / всем обществом на каком-то временном отрезке. Топос как общеизвестное и общепринятое содержание объективируется в текстах дискурса через тематически маркированные лексемы, ключевые слова, устойчивые метафорические и фразеологические выражения. По сути, это общие места, темы, общая проблематика дискурса определенного типа. Причем топос и аргументация тесно связаны друг с другом, поскольку каждый аргумент, согласно теории аргументации, содержит и должен опираться хотя бы на одно общепринятое допущение [1, с. 448–450]. Совокупность таких общих коллективных допущений, рассыпанных по текстам дискурсивной формации, составляет коллективное знание, принимаемое как само собой разумеющееся и по умолчанию не подлежащее оспариванию в некотором дискурсивно объединенном сообществе.

Таким образом, анализ топоса и структур аргументации позволяет выявлять типичные дискурсивные позиции акторов дискурса и скрытые системы коллективного знания, коллективных оценок, идейно-идеологических позиций, разделяемых той или иной социальной группой. В отличие от критического дискурс-анализа представители «дюссельдорфской школы» на широком и разнообразном эмпирическом материале разрабатывают и оттачивают методы собственно лингвистического анализа дискурсов.

3.3. «Ольденбургский проект» лингводискурсивного анализа текстов

В конце 1990-х годов в Ольденбургском университете федеральной земли Нижняя Саксония под руководством профессора Клауса Глоя была сформирована рабочая группа исследователей, поставившая цель переосмыслить имеющиеся и найти новые подходы к анализу дискурсов социально-ориентированных коммуникативных практик. Исследования проводились под общей тематикой «Морально-этические дискурсы: практики публичного решения конфликтов» («Ethik-Diskurse: Praktiken öffentlicher Konfliktaustragung») [23, с. 4]. Что касается исходного понимания дискурса, то «ольденбургская группа» в основе своей ориентирована на точку зрения представителей «гейдельбергско-мангеймской школы» Д. Буссе, В. Тойберга, Ф. Херманнса и др. (см. выше, подразд. 3.1), а в более широкой теоретической перспективе — на идею М. Фуко о дискурсах как тематических и функциональных совокупностях текстов, являющихся коррелятами дискурсивных (социальных) практик. Дискурс трактуется как «гипертекст» (Hypertext), и тем самым акцентируются диалогические интертекстуальные связи отдельных текстов, входящих в дискурсивную формацию. Сходство с позицией Д. Буссе и В. Тойберга обнаруживается не только в понимании дискурса как пространства многомерных, нелинейных связей текстов, образующих «сеть» (Netz), но и в ярко выраженном текстоцентрическом подходе, при котором всегда анализируются целостные тексты, даже если семантико-тематическая связь устанавливается с отдельным высказыванием какого-то текста; ср. [17; 25].

Следует подчеркнуть, что дискурсивная методология получила известное развитие в рамках «ольденбургского проекта». Во-первых, пожалуй, впервые была четко обозначена позиция, что дискурсы не являются лингвистическими единицами и не за-

мыкают структурный ряд «фонема — морфема — слово — предложение — текст». В отличие от перечисленных лингвистических единиц дискурсы не обладают качеством структурной стабильности, так как один и тот же текст или текстовое высказывание могут входить в разные дискурсивные формации. Поэтому дискурсы трактуются ольденбуржцами как «динамические образования коммуникативных практик», языковые корреляты соответствующих практик. Дискурсы, по К. Глюю, — это «индикаторы исторически конкретных, социальных состояний, мироощущений (менталитета) участников дискурса в рамках определенных коммуникативных практик [23, S. 8]. Во-вторых, в данном подходе большое место занимает когнитивно-психологическая составляющая в интерпретации дискурса. Это проявляется, в частности, в том, что в качестве базовых дискурсообразующих категорий рассматриваются когнитивные категории рецептивности (*Rezeptivität*) и рефлексивности (*Reflexivität*), а сам процесс конституирования дискурса рассматривается как ментально-психологический процесс. В самом общем виде этот процесс описывается как актуализация когнитивно-семантической цепи текстов при восприятии актуального текста, поскольку сознание всегда соотносит поступающую информацию с уже имеющейся информацией о том или ином предмете или событии, полученной из ранее услышанных и прочитанных текстов. Поэтому в понимании представителей «ольденбургской группы» дискурс — это объект, который является результатом анализа, и одновременно объект, который конституируется через восприятие на основе актуализации когнитивных связей как определенных реакций на прежние, выраженные в предтекстах смыслы.

В лингвистическом плане в работах данной исследовательской группы значительное место уделяется фразеологическим и — шире — идиоматическим выражениям, метафорике, прототипической семантике языковых выражений. Сравнение языковой структуры текстов и селективного отбора языковых единиц в них позволяет реконструировать дискурсивные позиции, взгляды, идейно-идеологические предпочтения участвующих в дискурсе акторов и описать процессуальную динамику соответствующей социально-коммуникативной практики.

3.4. Многоуровневая модель лингводискурсивного анализа Юргена Шпитцмюллера и Инго Варнке

В настоящее время предложенная Ю. Шпитцмюллером и И. Варнке [36, S. 121–201] модель лингводискурсивного анализа представляет собой наиболее полную и системную разработку в германистике, получившую широкое применение в практике дескриптивно ориентированных исследований дискурсов различного типа. Исходно предлагается различать три соотнесенных друг с другом уровня анализа: транстекстовый, уровень акторов и интратекстовый (*trans-textuelle Ebene, (Ebene der) Akteure, intratextuelle Ebene*) [36, S. 201]. При этом каждый из уровней предполагает открытый список феноменов одного (сходного) понятийно-смыслового ряда, подлежащих рассмотрению в зависимости от интересов конкретного исследователя и стоящих перед ним задач. Транстекстовый уровень лингводискурсивного анализа, судя по потенциальным объектам изучения, перечисляемым Ю. Шпитцмюллером и И. Варнке в правой стороне схемы, таким как идеология, ментальность, символы социальной культуры, фреймы, топос, интертекстуальность и др., касается когнитивного измерения дискурса, уровня дискурсивных смыслов, их формирования и восприятия. Соответственно, здесь в первую очередь должны быть задействованы методы когнитивной лингвистики, фреймовой семантики, теории контекстуализации и теории интертекстуальности. Интратекстовый уровень обращен к собственно материально-языковой стороне дискурсов и предполагает анализ разноструктурных единиц языка в перспективе «от дискурса» и «в дискурсе» с привлечением в том числе методов традиционных и относительно новых интегративных лингвистических дисциплин. И наконец, уровень акторов — участников дискурса мыслится как связующее звено между описанными выше двумя уровнями, поскольку он частично, эксплицитно или имплицитно, пересекается с ними по объекту и предмету изучения. В целом же уровень акторов затрагивает коммуникативно-интеракционное измерение дискурса, т. е. пространство коммуникативных практик с дискурсивными и интеракционными ролями участников (*Diskurspositionen, Interaktionsrollen*) и коммуникативными формами и типами общения (*Kommunikationsformen, Handlungsmuster, Medialität*).

Таким образом, в рассматриваемой модели лингводискурсивного анализа дискурсы предстают в виде многомерных и многоуров-

невых образований, в которых объемная матрица дискурсивной формации создается взаимодействием и пересечением когнитивного, коммуникативно-интеракционального и материально-языкового измерений дискурса как определенного среза социальной практики.

4. Значение дискурсивного подхода для лингвистики

Границы понятия *дискурс*, подобно расширяющейся Вселенной, стремятся в неуловимую бесконечность, охватывая целые коммуникативные практики, открытые и количественно неопределенные совокупности текстов, любые концептуальные пространства порождения конструирующих и изменяющих социальную реальность смыслов.

Несмотря на размытость и девальвацию понятия *дискурс* в современных гуманитарных науках, оно по-прежнему входит в «топлист» самых востребованных операционных понятий при анализе разнообразных семиотических систем, в том числе знаково-символических, таких как естественный человеческий язык. Теоретическая живучесть и популярность идей дискурса в лингвистике коренится в самих характеристиках этого гетерогенного феномена, а они конгруэнтны современной антропоцентрической парадигме и входят в матрицу когнитивно-коммуникативных исследований принципов взаимодействия людей, использующих язык в различных сферах социальной жизни; о координатах современной лингвистической парадигмы (см. [2; 4; 5; 7]).

Естественно, возникает закономерный вопрос: что конкретно дает лингвистике новая дискурсивная методология с ее ускользающим от формализации объектом и весьма разноплановым и часто далеким от лингвистики предметом? Самый важный и основной вклад дискурсивно-аналитического подхода в собственно лингвистический анализ, по-видимому, состоит в том, что понятие *дискурс* позволило поставить в центр лингвистических исследований социальное измерение текстов и их составляющих вплоть до минимальной билатеральной единицы — морфемы. Социальные параметры жизни общества и различных его групп, организаций, институтов присутствуют в актуальном значении структурных единиц языка в «снятом виде» и поддаются восстановлению через контекстуально-семантический анализ. При этом учет при дискурсивно-

ориентированном рассмотрении таких предельно малых единиц, как морфема, аргументируется тем, что дискурсивная (т.е. транстекстовая, выходящая за пределы отдельного текста) семантика иерархически нижестоящих единиц выявляется на фоне вышестоящих единиц, например дискурсивная семантика слова в проекции на его вклад в смысл предложения, текста, дискурса [21, S. 29]. Соответственно, это означает, что все структурные единицы языка как элементы текстов и их тематических, функциональных, коммуникативно-медиальных и т.д. совокупностей обладают социально маркированными характеристиками. Такие характеристики являются результатом селективного выбора тех или иных языковых средств при наличии альтернативных способов выражения денотативно-предметных содержаний и отражают смысловую перспективу рассмотрения социально значимых объектов, тем, событий, фактов. И более того, выбранная речевым субъектом перспектива никогда не бывает чисто индивидуальной, а в той или иной мере отражает его принадлежность к определенной социальной группе: языковой, культурной, профессиональной, идейно-идеологической, неформальной и т.д. На примере текстов научного лингвистического дискурса этот ракурс анализа был применен автором настоящей статьи к некоторым малочастотным типам языковых средств (интеррогативным и императивным структурам, формам прошедшего времени), а также к средствам эпистемической модальности, актуализирующим социально-коммуникативное измерение профессионального взаимодействия и идейно-теоретическую позицию исследователя [8–11]. В более общем плане можно, таким образом, утверждать, что через употребление языка в определенном дискурсивно-текстовом пространстве может быть познан «человек в языке» [13].

Именно по этой причине, как представляется, понятие *дискурс* приобрело такую колоссальную востребованность в сформировавшихся в последние десятилетия лингвистических дисциплинах, поставивших задачу объяснить на основе интегративной методологии, как и для чего люди используют язык в различных сферах социальной жизни, чтобы продвигать свои личные и коллективные интересы. К таким дисциплинам относятся в первую очередь теория речевых актов, лингвистическая прагматика, конверсационный анализ, лингвистика текста, историческая семантика, корпусная лингвистика и др., эмпирической основой исследований

в которых часто выступают дискурсивные формации текстов, объединяемых тематически и функционально. При этом разное понимание дискурса ориентировано в этих лингвистических дисциплинах на их собственные задачи рассмотрения ресурсов языка и научные традиции толкования этого понятия, сложившиеся в разных национальных школах дискурсивного анализа.

Литература

1. *Алексеев, А. П.* Аргументация // Эффективная коммуникация: История, теория, практика: словарь-справочник / отв. ред. М. И. Панов; сост. М. И. Панов, Л. Е. Тулина. М.: Агентство «КРПА Олимп», 2005. С. 448–450.
2. *Алифиренко, Н. Ф.* Современные проблемы науки о языке: учеб. пособие. 2-е изд. М.: Флинта; Наука, 2009. 416 с.
3. *Бурдье, П.* Социология социального пространства: пер. с фр. / общ. ред. Н. А. Шматко. СПб.; М.: Институт экспериментальной социологии; Алетейя, 2005. 288 с.
4. *Варшавская, А. И., Кожокина, А. В.* От языка человека к человеку в языке // Язык человека. Человек в языке / под ред. А. В. Зеленщикова, Е. Г. Хомяковой. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2012. С. 7–23.
5. *Демьянков, В. З.* Доминирующие лингвистические концепции конца XX века // Язык и наука конца XX века. М.: Институт языкознания РАН, 1995. С. 239–320.
6. *Йоргенсен, М. В., Филлипс, Л. Дж.* Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр, 2004. 336 с.
7. *Маслова, В. А.* Современные направления в лингвистике: учеб. пособие. М.: Академия, 2008. 272 с.
8. *Нефёдов, С. Т.* «Нарративный запрет» в лингвистическом дискурсе // Научное мнение. 2014. № 9. С. 9–19.
9. *Нефёдов, С. Т.* Темпоральная периферия научного текста (ненарративные функции перфекта и претерита) // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2015. № 1. С. 114–123.
10. *Нефёдов, С. Т.* Функциональный потенциал вопросительных структур в научных лингвистических текстах // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Серия 2. Языкознание. 2015. № 4 (28). С. 65–74.
11. *Нефёдов, С. Т.* Дискурсивные функции модальных слов в научной аргументации // Университетский научный журнал. 2016. № 21. С. 34–42.
12. *Падучева, Е. В.* Эгоцентрические валентности и деконструкция говорящего // Вопросы языкознания. 2011. № 3. С. 3–18.
13. *Язык человека. Человек в языке / под ред. А. В. Зеленщикова, Е. Г. Хомяковой.* СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2012. 240 с.

14. *Auer, P.* On the Prosody and Syntax of Turn-Continuations // Prosody in Conversation. Interactional Studies / eds E. Couper-Kuhlen, M. Selting. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P.57–100.
15. *Auer, P.* Sprachliche Interaktion. Eine Einführung anhand von 22 Klassikern. 2., aktualisierte Aufl. Berlin; Boston: de Gruyter, 2013. 290 S.
16. *Bluhm, C., Deissler, D., Scharloth, J., Stukenbrock, A.* Linguistische Diskursanalyse: Überblick, Probleme, Perspektive // Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht. 2000. Vol. 86. S. 3–19.
17. *Busse, D.* Historische Semantik. Analyse eines Programms. Stuttgart: Verlag Klett-Cotta, 1987. 334 S.
18. *Dijk, T. van.* Discourse and Power. New York: Palgrave MacMillan, 2008. 289 p.
19. *Fairclough, N.* Critical Discourse Analysis. London: Longman, 1995. 265 p.
20. *Fowler, M.* Language in the News: Discourse and Ideology in the Press. London: Routledge, 1991. 254 p.
21. *Gardt, A.* Diskursanalyse. Aktueller theoretischer Ort und methodische Möglichkeiten // Diskurslinguistik nach Foucault. Theorie und Gegenstände / Hrsg. I. Warnke. Berlin; New York: de Gruyter, 2007. S. 23–48.
22. *Garfinkel, H., Sacks, H.* On Formal Structures of Practical Action // Theoretical Sociology / eds J. C. McKinney, A. Tiryakian. New York: Appleton-Century-Crofts, 1970. P.337–366.
23. *Gloy, K.* Ethik-Diskurse: Praktiken öffentlicher Konfliktaustragung. Skizze eines Forschungsvorhabens. Oldenburg: Universität Oldenburg, 1998. 146 S.
24. *Habermas, J.* Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1995. 605 S.
25. *Hermanns, F.* Sprachgeschichte als Mentalitätsgeschichte. Überlegungen zu Sinn und Form und Gegenstand historischer Semantik // Sprachgeschichte des Neuhochdeutschen. Gegenstände, Methoden, Theorien / Hrsg. A. Gardt, K. Mattheier, K. Reichmann. Tübingen: Niemeyer, 1995. S. 69–101.
26. *Jäger, S.* Kritische Diskursanalyse. Eine Einführung. 2. Aufl. Duisburg: DISS, 1999. 258 S.
27. *Japp, U.* Der Ort des Autors in der Ordnung des Diskurses // Diskurstheorien und Literaturwissenschaft / Hrsg. J. Fohrmann, H. Müller. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1988. S. 223–234.
28. *Jung, M., Wengeler, M.* Wörter — Argumente — Diskurse. Was die Öffentlichkeit bewegt und was die Linguistik dazu sagen kann // Sprache — Sprachwissenschaft — Öffentlichkeit / Hrsg. G. Stickel. Berlin; New York: de Gruyter, 1999. S. 143–171.
29. *Jung, M.* Linguistische Diskursgeschichte // Öffentlicher Sprachgebrauch. Praktische theoretische und historische Perspektiven. Georg Stötzel zum 60. Geburtstag gewidmet / Hrsg. K. Böke, M. Jung, M. Wengeler. Opladen; Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 1996. S. 453–472.

30. *Konerding, K.-P.* Diskurslinguistik — eine neue linguistische Teildisziplin // Sprache / Hrsg. E. Felder. Berlin; Heidelberg: Springer Verlag, 2009. S. 155–177.

31. *Kuße, H.* Kulturwissenschaftliche Linguistik. Eine Einführung. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2012. 319 S.

32. *Raffnsøe, S., Gudmand-Høyer, M., Thaning, M. S.* Foucault. Studienhandbuch. München: Fink, 2011. 398 S.

33. *Redder, A.* Kohärenz und Kohäsion // Text- und Gesprächslinguistik. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung. 1. Halbband. Berlin; New York: de Gruyter, 2000. S. 275–294.

34. *Ruoff, M.* Foucault-Lexikon. Entwicklung — Kernbegriffe — Zusammenhänge. Paderborn: Fink, 2013. 261 S.

35. *Sacks, H.* A Note on Methodology // Structures of Social Action / Hrsg. M. Atkinson, J. Heritage. Cambridge: University Press, 1984. S. 21–27.

36. *Spitzmüller, J., Warnke, I. H.* Diskurslinguistik. Eine Einführung in Theorien und Methoden der transtextuellen Sprachanalyse. Berlin; Boston: de Gruyter, 2011. 236 S.

37. *Warnke, I. H.* Diskurs // Handbuch Sprache und Wissen / Hrsg. E. Felder, A. Gardt. Berlin; Boston: de Gruyter, 2015. S. 221–241.

38. *Wodak, R.* Aspects of Critical Discourse Analysis // Zeitschrift für Angewandte Linguistik. 2002. Vol. 36. S. 5–31.

References

1. Alekseev, A. P. Argumentatsiia [Argumentation]. *Effektivnaia kommunikatsiia: Istoriia, teoriia, praktika. Slovar'-spravochnik*. Ed. by M. I. Panov; comp. M. I. Panov, L. E. Tulina. Moscow, Agentstvo «KRPA Olimp» Publ., 2005. S. 448–450. (In Russian)

2. Alifrenko, N. F. *Sovremennye problemy nauki o iazyke: ucheb. posobie [Modern problems of the science of language]*. 2nd ed. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2009. 416 s. (In Russian)

3. Burd'e, P. *Sotsiologiia sotsial'nogo prostranstva [Sociology of Social Space]*. Transl. from French, ed. by N. A. Shmatko. St. Petersburg, Moscow, Institut eksperimental'noj sociologii, Aleteiia Publ., 2005. 288 p. (In Russian)

4. Varshavskaia, A. I., Kozhokina, A. V. Ot iazyka cheloveka k cheloveku v iazyke [From the Language of Human to the Human within the Language]. *Iazyk cheloveka. Chelovek v iazyke*. Eds A. V. Zelenshchikov, E. G. Khomiakova. St. Petersburg, Filologicheskii f-t SPbSU Publ., 2012, pp. 7–23. (In Russian)

5. Dem'iankov, V. Z. Dominiruiushchie lingvisticheskie kontseptsii kontsa XX veka [The Dominant Linguistic Theories of the Late 20th Century]. *Iazyk i nauka kontsa XX veka*. Moscow, Institut iazykoznaniiia RAN Publ., 1995, pp. 239–320. (In Russian)

6. Iorgensen, M. V., Fillips, L. Dzh. *Diskurs-analiz. Teoriia i metod* [Discourse Analysis. Theory and Method]. Kharkiv, Gumanitarnyi tsentr Publ., 2004. 336 p. (In Russian)
7. Maslova, V. A. *Sovremennyye napravleniia v lingvistike: ucheb. posobie* [Modern Trends in Linguistics]. Moscow, Akademiya Publ., 2008. 272 p. (In Russian)
8. Nefedov, S. T. «Narrativnyi zapret» v lingvisticheskom diskurse [Narrative Prohibition in Linguistic Discourse]. *Nauchnoe mnenie*, 2014, no. 9, pp. 9–19. (In Russian)
9. Nefedov, S. T. Temporal'naia periferiia nauchnogo teksta (nenarrativnye funktsii perfekta i preterita) [Temporal Periphery of the Scientific Texts (non-narrative functions of Perfekt and Präteritum)]. *Vestnik of Sankt-Petersburg University. Seres 9. Filology. Vostokovedenie. Journalism*, 2015, no. 1, pp. 114–123. (In Russian)
10. Nefedov, S. T. Funktsional'nyi potentsial voprositel'nykh struktur v nauchnykh lingvisticheskikh tekstakh [On Functional Potential of Interrogative Structures in Academic Linguistic Discourse]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, 2015, no. 4 (28), pp. 65–74. (In Russian)
11. Nefedov, S. T. Diskursivnye funktsii modal'nykh slov v nauchnoi argumentatsii [The Discursive Functions of Modal Words in the Scientific Argumentation]. *Universitetskii nauchnyi zhurnal*, 2016, no. 21, pp. 34–42. (In Russian)
12. Paducheva, E. V. Egotsentricheskie valentnosti i dekonstruktsiia govoriashchego [Egocentric Valence and Deconstruction of the Speaker]. *Voprosy iazykoznanii*, 2011, no. 3, pp. 3–18. (In Russian)
13. *Iazyk cheloveka. Chelovek v iazyke* [The Language of Human. The Human within the Language]. Eds A. V. Zelenshchikov, E. G. Khomiakova. St. Petersburg, Filologicheskij f-t SPbSU Publ., 2012. 240 p. (In Russian)
14. Auer, P. On the Prosody and Syntax of Turn-Continuations. *Prosody in Conversation. Interactional Studies*. Eds E. Couper-Kuhlen, M. Selting. Cambridge, Cambridge University Press, 1996, pp. 57–100.
15. Auer, P. *Sprachliche Interaktion. Eine Einführung anhand von 22 Klassikern. 2., aktualisierte Aufl.* Berlin, Boston, de Gruyter, 2013. 290 S.
16. Bluhm, C., Deissler, D., Scharloth, J., Stukenbrock, A. Linguistische Diskursanalyse: Überblick, Probleme, Perspektive. *Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht*, 2000, vol. 86, S. 3–19.
17. Busse, D. *Historische Semantik. Analyse eines Programms*. Stuttgart, Verlag Klett-Cotta, 1987. 334 S.
18. Dijk, T. van. *Discourse and Power*. New York, Palgrave MacMillan Publ., 2008. 289 p.
19. Fairclough, N. *Critical Discourse Analysis*. London, Longman, 1995. 265 p.

20. Fowler, M. *Language in the News: Discourse and Ideology in the Press*. London, Routledge Publ., 1991. 254 p.
21. Gardt, A. Diskursanalyse. Aktueller theoretischer Ort und methodische Möglichkeiten. *Diskurslinguistik nach Foucault. Theorie und Gegenstände*. Hrsg. I. Warnke. Berlin; New York, de Gruyter, 2007. S. 23–48.
22. Garfinkel, H., Sacks, H. On Formal Structures of Practical Action. *Theoretical Sociology*. Eds J. C. McKinney, A. Tiryakian. New York, Appleton-Century-Crofts, 1970, pp. 337–366.
23. Gloy, K. *Ethik-Diskurse: Praktiken öffentlicher Konfliktaustragung. Skizze eines Forschungsvorhabens*. Oldenburg, Universität Oldenburg, 1998. 146 S.
24. Habermas, J. *Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns*. Frankfurt/M., Suhrkamp, 1995. 605 S.
25. Hermanns, F. Sprachgeschichte als Mentalitätsgeschichte. Überlegungen zu Sinn und Form und Gegenstand historischer Semantik. *Sprachgeschichte des Neuhochdeutschen. Gegenstände, Methoden, Theorien*. Hrsg. A. Gardt, K. Mattheier, K. Reichmann. Tübingen, Niemeyer, 1995. S. 69–101.
26. Jäger, S. *Kritische Diskursanalyse. Eine Einführung*. 2. Aufl. Duisburg, DISS, 1999. 258 S.
27. Japp, U. Der Ort des Autors in der Ordnung des Diskurses. *Diskurstheorien und Literaturwissenschaft*. Hrsg. J. Fohrmann, H. Müller. Frankfurt/M., Suhrkamp, 1988. S. 223–234.
28. Jung, M., Wengeler, M. Wörter — Argumente — Diskurse. Was die Öffentlichkeit bewegt und was die Linguistik dazu sagen kann. *Sprache — Sprachwissenschaft — Öffentlichkeit*. Hrsg. G. Stichel. Berlin, New York, de Gruyter, 1999. S. 143–171.
29. Jung, M. Linguistische Diskursgeschichte. *Öffentlicher Sprachgebrauch. Praktische theoretische und historische Perspektiven. Georg Stötzel zum 60. Geburtstag gewidmet*. Hrsg. K. Böke, M. Jung, M. Wengeler. Opladen, Wiesbaden, Westdeutscher Verlag, 1996. S. 453–472.
30. Konerding, K.-P. Diskurslinguistik — eine neue linguistische Teildisziplin. *Sprache*. Hrsg. E. Felder. Berlin, Heidelberg, Springer Verlag, 2009. S. 155–177.
31. Kuße, H. *Kulturwissenschaftliche Linguistik. Eine Einführung*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 2012. 319 S.
32. Raffnsøe, S., Gudmand-Høyer, M., Thaning, M.S. *Foucault. Studienhandbuch*. München, Fink, 2011. 398 S.
33. Redder, A. Kohärenz und Kohäsion. *Text- und Gesprächslinguistik. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung*. 1. Halbband. Berlin, New York, de Gruyter, 2000. S. 275–294.
34. Ruoff, M. *Foucault-Lexikon. Entwicklung — Kernbegriffe — Zusammenhänge*. Paderborn, Fink, 2013. 261 S.
35. Sacks, H. A Note on Methodology. *Structures of Social Action*. Eds M. Atkinson, J. Heritage. Cambridge, University Press, 1984. S. 21–27.

36. Spitzmüller, J., Warnke, I.H. *Diskurslinguistik. Eine Einführung in Theorien und Methoden der transtextuellen Sprachanalyse*. Berlin, Boston, de Gruyter, 2011. 236 S.

37. Warnke, I.H. Diskurs. *Handbuch Sprache und Wissen*. Hrsg. E. Felder, A. Gardt. Berlin, Boston, de Gruyter, 2015. S.221–241.

38. Wodak, R. Aspects of Critical Discourse Analysis. *Zeitschrift für Angewandte Linguistik*. 2002. Vol. 36. S. 5–31.

Нефёдов Сергей Трофимович

профессор кафедры немецкой филологии СПбГУ, доктор филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Nefedov Sergei Trofimovich

Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University,
Doctor of Philological Sciences
Address: 7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: nefedovst@gmail.com

ДИСКУРСИВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ СТИЛЯ

Ключевые слова: стиль, текст, тип текста, дискурс, дискурсивное пространство, дискурсивная практика, стилистический маркер, функциональный стиль, письменная и устная речь, индивидуальный стиль.

В статье рассматриваются параметры стиля, позволяющие говорить о дискурсивной природе этого феномена языка и речи. На конкретных примерах показываются релевантные стилистические маркеры отдельных видов надиндивидуальных (этнокультурных, функционально-стилевых и медиальных), а также индивидуальных дискурсивных практик. Интерпретируются механизмы стилистической «макроорганизации» разных типов текстов, зависящие от дискурсивного пространства, в котором эти тексты производятся и воспринимаются, то есть от упорядоченной системы ментальных связей и поведенческих отношений внутри некоего национального и социально-культурного сообщества.

E. A. GONCHAROVA

Herzen State Pedagogical University of Russia

DISCURSIVE PARAMETERS OF STYLE

Keywords: style, text, text type, discourse, discursive space, discursive practice, stylistic marker, functional style, written and oral speech varieties, individual style.

The article dwells on the parameters of style, causing the discursive nature of this phenomenon both in language and in speech. Illustrative examples are used to show the stylistic markers, relevant for certain kinds of both supra-individual (ethnocultural, functional style and medial), and individual discursive practices. The mechanisms of the stylistic “macro-organization” of various text types are interpreted as dependent on both the discursive space, in which these texts are generated, and the behavioral relations within a certain national and cultural space.

1. Методологические основания изучения дискурсивной природы стиля

Стиль открывает все новые свои стороны в качестве объекта научного изучения для современной лингвистики, развитие которой проходит в условиях новой интегральной парадигмы, предполагающей выходы за границы рассмотрения языка «в самом себе» и изучение его коррелятивных и релятивных отношений с человеком как потребителем языка в процессах когниции и коммуникации.

Представляя собой в самом общем виде способ совокупного вербального и невербального выражения некоего содержания, избираемый носителями/-ем языка при создании устных или письменных высказываний, стиль имеет ряд в чем-то схожих, а в чем-то отличающихся друг от друга определений, фиксируемых отечественными и зарубежными лингвистическими энциклопедическими изданиями [9, с., 494–495; 12, с. 507–513; 15, S. 651–652]. Сами авторы дефиниций поясняют, что невозможность однозначного определения понятия *стиль* обусловлена его многомерным характером и выдвиганием на передний план разных аспектов научного анализа этого феномена у отдельных исследователей. Тем не менее все определения стиля позволяют, на наш взгляд, выделить такие его стороны, которые можно считать концептуально-смысловым базисом концепта *стиль*.

Сущность этого базиса состоит в следующем. Стиль как таковой и стилевые элементы рождаются вследствие когнитивных и речевых действий по отбору, сочетанию, переосмыслению и преобразованию средств того или иного языка, а также иных семиотических кодов, которые совершает: либо 1) этнокультурное и социальное сообщество в определенный период своего существования; либо 2) некая общность носителей языка внутри этого сообщества, возникающая на базе повторяющихся и исторически закрепляемых в общественном сознании ситуаций речевого общения со сходными познавательными и /или коммуникативными интересами, целями и установками ее участников; либо 3) каждая отдельная языковая личность. В процессе и результате подобных когнитивных и речевых действий возникает некий (коллективный или индивидуальный) «модус формулирования», или стиль, свидетельствующий о характере взаимодействия с языком отдельных его пользователей, которые «приспосабливают» средства общенационального языка к конкретным ситуациям и целям своей познавательной, практической и коммуникативной деятельности [4; 3, с. 10–33]. Названные выше способы целенаправленного использования языковых средств человеком (из них два коллективных и один индивидуальный) можно назвать тремя главными уровнями речевой актуализации стиля.

Как видим, во всех своих концептуальных составляющих стиль насквозь функционален, так как он, во-первых, представляет собой способ выражения определенного когнитивного и коммуникатив-

но-прагматического содержания, соотносительный с другими способами выражения, которые служат для схожих целей речевого высказывания. Во-вторых, в основе этого способа выражения лежат когнитивные и речевые операции, совершаемые носителем/ями языка со знанием круга функциональных особенностей нужных ему/им языковых средств.

Далее, стиль — это абсолютно и безусловно антропоцентрическая категория, так как во внутренней форме терминологических словосочетаний «способ выражения» или «модус речевого формулирования» содержится прямое указание на человека как самостоятельную языковую личность и в то же время члена определенной этнокультурной социальной общности в функции потребителя языка. Будучи антропоцентрически обусловленной речезыковой категорией, стиль также и «субъектен», поскольку принадлежит к главным «сигналам» становления и развития человеческой личности — независимо от характера либо конформистского, либо творческого отношения речевого субъекта к языку и его стремления быть в своих речевых предпочтениях или похожим на других, или «не таким, как все».

И наконец, стиль принадлежит к ряду дискурсивных по своей сути явлений, так как отбор и комбинирование языковых средств диктуются потребностями создаваемого человеком высказывания (текста), которое, в свою очередь, соответствует условиям некоего «дискурса» как коммуникативного события, участвующего «во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [1, с. 136–137]. Именно стилистические элементы целостного текстового высказывания нередко становятся индикаторами определенного вида дискурса и его экстралингвистического фона (личностных и социальных характеристик участников коммуникации, их когнитивных и коммуникативно-прагматических установок и целей, характера отношения друг к другу и к ситуации общения и др.) [6, с. 19–24].

Покажем с помощью конкретных примеров появление маркеров стиля на всех трех выше названных уровнях его речевой актуализации и прокомментируем их функциональную, антропоцентрическую и дискурсивную природу.

2. Этно- и социально-культурная детерминация стиля

Изучение стиля на уровне дискурса (в аспекте стилистических коннотаций отдельных лексико-семантических единиц и стилистического модуса целостных текстовых высказываний) позволяет получить дополнительные сведения об особенностях надындивидуальной социально-речевой практики, обусловленных действием идеологических и культурно-исторических тенденций в определенный период развития национально-языкового сообщества.

Так, вся вторая половина XX века была отмечена, как известно, существованием на территории современной Германии двух государств с различным общественно-политическим строем: ФРГ и ГДР. Это стало причиной появления и дальнейшего обособления двух автономных *дискурсивных пространств* на базе общего национального языка. Под дискурсивным пространством в данном случае имеется в виду упорядоченная система ментальных связей и поведенческих отношений внутри некоего социально-культурного сообщества, определяющая особенности межакционального взаимодействия членов этого сообщества в разных видах их деятельности, включая и деятельность речевую. Дискурсивные пространства двух германских государств характеризовались существенными различиями не только в политических и житейских взглядах, но и в речевом поведении граждан, что позволило даже в свое время говорить о двух «разных немецких языках» (*die deutsche Sprache der DDR* и *die deutsche Sprache der BRD*).

Отличались дискурсивные пространства ГДР и ФРГ прежде всего наличием собственных социальных и политических реалий, а также ценностных представлений, языковая фиксация которых, как правило, получала стилистические коннотации не только в лексических номинациях соответствующих концептов, но и в композиционно-смысловой структуре определенных видов текстов.

Р. Райер, одна из авторов и издателей книги «*Von 'Buschzulage' und 'Ossinachweis'*», изданной в объединенной Германии в 1996 году и имеющей дискурсивно значимый подзаголовок «*Ost-West-Deutsch in der Diskussion*», приводит большое число подобных стилистически отмеченных словоупотреблений в двух разных социально-политических немецкоязычных дискурсах: «*Der Westdeutsche ging in den Supermarkt, erhielt dort einen Plastikbeutel, um sein soeben gekauftes Grillhähnchen zu verstauen. Wenn er in den*

Urlaub fuhr, benutzte er den *Flieger* und erfuhr an der Algarve, dass ein *Astronaut* erfolgreich in den Weltraum gestartet war. Der Ostdeutsche hingegen erledigte seine Einkäufe in der *Kaufhalle* und brachte sich seine *Plastetüte* selbst mit, um den *Broiler* nach Hause zu transportieren. Wenn er seinen Urlaub zwar nicht an der Algarve, sondern in Bulgarien oder am Balaton verbrachte, benutzte er das *Flugzeug* als Verkehrsmittel und erhielt dort eventuell die Nachricht, dass ein *Kosmonaut* die Erde umkreist» [17, S. 42] (здесь и далее выделено мной. — *E. Г.*).

Согласно наблюдениям другого известного немецкого лингвиста, П. Поленца, одни и те же лексические единицы вызывали в языковом сознании граждан ФРГ и ГДР разные ассоциации и получали в их речи разные стилистические коннотации («*andere Konnotationen, Voraussetzungen oder Implikationen*»). Автор называет среди подобных слов, например, такие как *planen, Markt, sanieren, Eigentum, privat, gesellschaftlich, sozial* и мн. др. [16].

Р. Райер отмечает также, среди прочего, несовпадающие в двух германских государствах нормы речевого построения таких общепотребительных типов текста, как «договор» (*Vertrag*), «аттестат» (*Zeugnis*), «торжественная речь» (*Festrede*). Кроме того, в дискурсивном пространстве ГДР бытовали не известные жителям ФРГ типы текстов «представление к награде, к повышению в должности» (с семантико-стилистической модификацией лексемы *Eingabe* в обозначении типа текста) или «дневник бригады» (*Brigadetagebuch*) [там же]. Сюда же мы можем отнести и такой, например, тип текста, как «(социалистическое) обязательство бригады» (*Brigadeverpflichtung*).

В качестве показательного материала для изучения дискурсивной природы стиля может послужить такой тип текста, как анекдот. Как известно, за каждым типом текста стоят, если воспользоваться словами Ю. С. Степанова, относящимися к дискурсу как таковому, «особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, в конечном счете — особый мир», в котором действуют «свои правила истинности, свой этикет» [11, с. 40]. Все это в совокупности создает «стилистический модус текста», который сигнализирует об особенностях транспозиции языковых единиц из системы языка в систему текста на основе производимых речевым субъектом операций по их отбору, комбинации и интеграции в единое текстовое целое, диктуемых целями познания и общения.

Анекдот как никакой другой тип текста впитывает в себя живые речевые формы, эксплицитные и имплицитные смыслы, характерные для той дискурсивной формации, или дискурсивного пространства, в котором он бытует. Поэтому ему свойственны на уровне и текстового целого, и отдельных его структурных компонентов разнообразные стилистические коннотации, в первую очередь эмоционально-оценочные, ассоциативно-стилистические и социально-стилистические. В разгадывании подобных коннотаций реципиентами с разным объемом «фоновых знаний» о дискурсивном пространстве, стоящим за анекдотом, и разным чувством юмора и заключается вся «соль» этого типа текста (ср. [3, с. 145–176]).

Проведенное нами в свое время исследование анекдотов на материале немецкого языка [7, с. 269–280] показало, что по формированию самого фонда анекдотов, по их тематике и персонажам ГДР была более близка к СССР того времени (несмотря на разные государственные языки и определенные различия в национальной ментальности), чем к ФРГ. Это объясняется близостью дискурсивных пространств ГДР и СССР, в основе которых лежал общий социалистический общественный строй с похожей системой социально-культурных, поведенческих и человеческих отношений. Для жителей обеих стран «смеховой антимир», создаваемый композиционно-стилистической текстовой формой анекдота, служил средством противостояния миру официальных догм социалистического государства (ср. [10, с. 8]). В этом смысле анекдот можно рассматривать как текстовый знак социальной и культурной идентификации граждан названных государств со специфическим стилистическим модусом формулирования, в меньшей степени зависимым от национальной и языковой границы, чем от дискурсивного пространства, в котором анекдот возникает.

Поясним наш тезис на примере следующего известного в свое время в ГДР анекдота:

Frage: Wie lange dauert es, bis man seinen Trabbi bekommt?

Antwort: 5 Tage — einen Tag für die Anmeldung, drei Parteitage und einen Tag für die Abholung [14, S. 12].

Текст имитирует композиционно популярную в анекдотах и ГДР и СССР форму устного диалога (ср. так называемые вопросы к «армянскому радио»), для понимания юмористической ситуации

которого требуется определенная коммуникативная и стилистическая компетентность. Слушатель должен знать как минимум, что слово *Trabbi*, отмеченное функционально-стилистической коннотацией *umgangssprachlich* («разговорный»), называет модель культового малолитражного автомобиля — символа неосуществленной «всеобщей моторизации» в ГДР; что словом *Parteitag* (варьированный повтор слова *Tag*) здесь обозначается партийный съезд конкретной правящей партии — СЕПП, очередность которого составляла приблизительно 4 года.

Приведенный пример показывает, что лингвостилистическая интерпретация анекдота невозможна без учета действия «текстовой экспансии», которой подвержен этот тип текста, иными словами, без учета его принадлежности к определенному дискурсивному пространству. В этом пространстве действуют особые механизмы стилистической «макроорганизации» текстов, зависящие от состояния общественного сознания, общих социально-политических и культурно-исторических приоритетов, общих ценностей, норм речевого поведения и др.

3. Стиль как индикатор функционально-коммуникативного и медиального аспектов формулирования текста

Феномен стиля помогает углубить наши представления и о специфике дискурсивных практик, возникающих в разных функциональных сферах ментально-речевой деятельности и коммуникации внутри одного и того же национально-языкового сообщества (деловое общение, наука, массмедийная коммуникация, религия, неофициальное общение, литературно-художественное творчество и др.). Для подобных дискурсивных практик в стилистике существует традиционное терминологическое обозначение «функциональный стиль» (*Bereichsstil, Funktionalstil, der funktionale Stil*). В качестве основания для понимания функционального стиля как дискурсивной практики может послужить следующее высказывание известного немецкого стилиста В. Зандерса: «Da bestimmte Kommunikationssituationen sich häufig wiederholen und durch diese Rekurrenz auch in ihrem sprachlichen Ablauf historisch verfestigt sind, haben sich für spezielle Anwendungszwecke und -bereiche Stereotype, d. h. weitgehend automatisierte, entindividualisierte Sprachgebrauchsmuster herausgebildet, die infolge ihrer gesellschaftlichen Sanktionierung

einerseits obligatorisch, andererseits erwartbar werden. Solche thematisch, funktional und sozial bestimmten „Sprachhandlungsschemata“ bedingen eine entsprechende Auswahl und Kombination der Sprachmittel» [19, S. 102].

Согласно научным наблюдениям многочисленных отечественных и зарубежных лингвистов, функциональные стили как дискурсивные практики характеризуются не только тем, что они представляют собой некие, как пишет В. Зандерс, «общественно санкционированные» ментально-речевые стереотипы, или «схемы речевого поведения», соответствующие целям коммуникации и особенностям речевого общения. Они реализуются, как правило, определенными, регулярно используемыми в них совокупностями типов текстов, которые отличаются, в свою очередь, стилистически релевантными (для данной сферы речевого общения) признаками. Так, например, в сфере официально-делового общения интенсивно используются разные подвиды договора, деловое письмо, положение-инструкция; в научной коммуникации — такие виды текстов, как научная статья, научный доклад (отличающиеся от аналогичных видов текстов в журналистике), монография, диссертация, автореферат диссертации. Религиозное речевое общение протекает с помощью не употребляемых в иных коммуникативных сферах текстах молитвы, проповеди и др. (см. [3, с. 69–110]).

В основе самих типов текстов также лежат определенные, дискурсивно значимые нормы речевого формулирования. Представление о существовании этих норм позволяет лингвистам говорить о наличии «прототипов» — эталонов, которые существуют в языковом сознании каждого из авторов, намеревающегося создать текст, реализуясь в конкретных функционально-коммуникативных ситуациях с помощью избираемой речевым субъектом совокупности языковых и невербальных средств. При этом лингвостилистические элементы, которые принадлежат к структуре и семантике прототипа как «образцовой» текстовой системы, могут варьироваться речевым субъектом в разных комбинациях в зависимости от коммуникативно-речевой «жесткости», или каноничности, предъявляемой культурно-речевым сообществом к соответствующему функциональному стилю или типу текста, а также поведенческих, когнитивных и/или аффективных установок автора текста.

Поэтому научная интерпретация лингвостилистических признаков, как текстового прототипа, так и его конкретных коммуникативно-речевых актуализаций, невозможна без учета их «лучевой» дискурсивной направленности, определяемой целым комплексом коррелятивных и релятивных связей текста. На первом месте среди подобных связей стоит соотносительность целостного речевого высказывания с системой и структурой языка формулирования (в нашем случае немецкого), с функционально-коммуникативной сферой употребления (функциональным стилем), с ментально-речевым текстовым прототипом, с участниками коммуникативно-речевой ситуации (автором — субъектом речевого воздействия и читателем/слушателем — объектом речевого воздействия). Каждый из названных видов дискурсивных, по своей сути, связей может и должен углубляться и уточняться по отдельности и в их взаимообусловленности в процессе лингвостилистического анализа текста.

Так, например, при рассмотрении коррелятивно-релятивных проекций стиля на участников ситуации речевого общения важную роль приобретает сопутствующий анализ «социального статуса» адресанта и адресата текста, а также намеренного или неосознанного выражения автором речевого высказывания своей социальной и коммуникативной позиции в обществе и в момент речевого высказывания [8]. Последнее зависит, в свою очередь, от сферы коммуникации и от используемого типа текста (см. примеры):

(1) *Sehr geehrter Herr Winter,*

als Mitarbeiter Ihres Unternehmens gratulieren wir Ihnen herzlich zum 50. Geburtstag und danken Ihnen für die Einladung zum Betriebsfest!

Wir alle hoffen, dass Sie noch lange die Firma zu weiteren Erfolgen führen werden.

Hierzu alles Gute, Glück und Gesundheit!

Ihre ...

(2) „Alter schützt vor Torheit nicht!“

Lieber Franz,

ich hoffe, dass dieser Satz stimmt — auch für dich. Denn was wäre das

Leben ohne zeitweilige Unvernunft? Langeweile, nichts als Langweile! Der Reiz des Lebens besteht doch gerade darin, die ausgetretenen Pfade hin und wieder zu verlassen, dem Alltagstrott zu entfliehen und ganz Neues zu erleben. Dazu ist man nie zu alt. Auch mit 60 darf es keinen Stillstand geben.

Verstehe das Zitat also nicht als Warnung. Im Gegenteil: Ich wünsche dir zu deinem 60. Geburtstag den Mut zu vielen, vielen Torheiten!

Herzlichst

dein ... [13, S. 85–86]

Два приведенных выше текста относятся к текстотипу «поздравление с днем рождения»: первое — (полу-)официальное, второе — фамильярно-дружеское. Поздравления содержат ряд коммуникативно-прагматических установок (выражение расположения к адресату и пожелание ему блага) и лингвостилистических признаков (точное называние повода написания сообщения, сугубо положительный аффективно-оценочный тон предложений, персональные обращения к адресату, субъективно-модально акцентированное выражение семантики футуральности: *wir alle hoffen, noch lange, zu weiteren Erfolgen* в примере (1); *ich hoffe, ich wünsche dir* в примере (2), общих для этого типа текста.

В то же время модус формулирования в каждом из текстов имеет ряд специфических черт, что вызвано в первую очередь разным социальным статусом адресата и адресанта текстовой информации и характером их отношения друг к другу.

В примере (1) реализован «статусно-маркированный» вид комплексного речевого акта с социально-ролевым отношением адресанта и адресата: «глава фирмы — подчиненные» и «восходящим статусным вектором говорящего»; ср. [8, с. 119]. К лингвостилистическим элементам актуализации этого вида социально-ролевых отношений между автором и читателем относятся вежливо дистанцированное обращение *Sehr geehrter Herr Winter*, автономинация *Mitarbeiter Ihres Unternehmens*, предложение *Sie... die Firma zu weiteren Erfolgen führen werden*.

Текст примера (2) представляет собой «статусно-нейтральный» вид комплексного речевого акта [8] с объединяющим адресанта и адресата фамильярным отношением «друзья». Это отношение позволяет автору второго поздравления выбрать более непринуж-

денный способ речевого поведения со стилизацией текста в духе устного высказывания, построенного с помощью средств экспрессивного синтаксиса. К сигналам, указывающим на это отношение, принадлежат следующие стилистические элементы: риторические вопросы и восклицания; нарушение грамматической рамки предложения (*dieser Satz stimmt — auch für dich*); метафоры (*die ausgetretenen Pfade (des Lebens), Alltagstrott*); афоризм *Alter schützt vor Torheit nicht!* в сильной позиции начала текста, эмоционально усиленный в концовке текста с помощью лексических повторов (*Mut zu vielen, vielen Torheiten*) и др.

Ко второму аспекту дискурс-анализа стиля как надындивидуального модуса формулирования можно отнести и научную интерпретацию таких двух видов дискурсивной практики, как устная и письменная речь, представляющих собой две *медиально* зависимые системы реализации языка в ментально-речевой деятельности человека. Стиль и медиальная (устная или письменная) форма речевого высказывания входят в логическое отношение конъюнкции, так как стилистическая специфика высказывания (текста) всегда вытекает в том числе из устного или письменного способа передачи нужной информации [5, с. 14]. Важно и то, что обязательным экстралингвистическим фоном устного и письменного текста служит разная для обоих случаев прототипическая коммуникативная ситуация, которая связана с общей интенциональностью производимого высказывания и требует от членов языкового сообщества следования определенным моделям речевого поведения, если они заинтересованы в разрешении проблем когниции и коммуникации.

Так, человек, действующий в условиях деловой коммуникации, прибегает в первую очередь к письменно фиксируемым текстам, рассчитанным на более долгий срок существования, охват большей аудитории и более высокую степень легитимности, чем в случае устного высказывания (ср.: *Что написано пером — не вырубишь топором; Слово не воробей, вылетит — не поймаешь* и др.). Это вытекает из основных целей официально-делового общения: регулирование общественных взаимоотношений (торговых, политических, дипломатических и др.), а также закрепление в сознании людей социально значимых событий и норм поведения (например, через тексты конституции, законов, государственных указов, приказов, общественных договоров и т. д.).

Для научной коммуникации «не спонтанное», подготовленное и обдуманное письменное текстовое высказывание является базовой формой речевой актуализации совместного «разумного размышления» (первоначальное значение латинского слова *discursus*) по поводу какой-то общей для автора и читателя темы. С его помощью научное сообщество осуществляет разветвленный, ретро- и проспективно направленный диалог-анализ идей и мнений, протяженный во времени и допускающий разное число и разный контингент участников, обладающих, однако, необходимой предметной компетентностью.

Главная дискурсивная особенность модуса формулирования в устном речевом высказывании состоит в спонтанности его порождения и в необходимости непосредственного, параллельного (визуального или слухового) контакта речевого субъекта с партнером по коммуникации. От речевой активности последнего во многом зависят выбор и комбинирование лингвостилистических элементов в устном высказывании инициатора диалога, его коммуникативно-прагматическая динамика и завершение. Будучи ограничен возможностями кратковременной памяти, слушатель не способен мгновенно воспринять и дискурсивно «обработать» значительный объем устно передаваемой информации. Но коммуникативно-прагматическая роль «со-беседователя», «со-участника» устного диалога позволяет ему в режиме минимального временного разрыва дискурса уточнять отдельные аспекты реплик другого с помощью междометий, переспросов, аффективных уточнений, за счет чего и «разрыхляется» синтаксическая структура устного высказывания как такового, и возрастает функциональная роль отдельной синтагмы в качестве прагматического фокуса текста. Э.Г.Ризель и Е.И.Шендельс называли подобное лингвостилистическое явление термином «Lockerung, Auflockerung der Struktur» [18, S. 142].

4. Дискурсивные параметры индивидуального стиля

Понятие *индивидуальный стиль* характеризует сложные корреляции между языковой личностью и текстом и, далее, дискурсом. Любой текст дуален по своей природе. С одной стороны, он представляет собой (универсальный) инструмент, позволяющий любому человеку на основе знания и использования языка принимать

участие в процессах когниции и коммуникации. С другой — текст является актуализацией индивидуального комплексного ментально-речевого действия конкретной языковой личности с соответствующим объемом языкового знания и стилистической палитры выражения. Иначе говоря, текст как антропоцентрическая система сочетает в себе черты общего / «объективного» и частного / «субъективного».

От характера взаимодействия этих двух сторон текста зависит «определенность» выражения в тексте индивидуального стиля, изучение которого невозможно без обращения к понятию *коммуникативное пространство* (языковой личности). Под «коммуникативным пространством» мы, вслед за Б. М. Гаспаровым, в самом широком смысле понимаем «мысленно представляемую среду, в которой говорящий субъект ощущает себя всякий раз в процессе языковой деятельности и в которой для него укоренен продукт этой деятельности» [2, с. 295–296]. Понятие *коммуникативное пространство* тесно смыкается с понятием «дискурсивное пространство» (текста). Оно позволяет лингвисту-интерпретатору выйти за пределы знаковой фиксации текста, имеющей начало и конец, и рассматривать целостное речевое высказывание «в событийном аспекте», или «погруженным в жизнь» (Цит. по: [1, с.136–137]), иными словами, в его «дискурсивной открытости».

Коммуникативное пространство каждой языковой личности зависит прежде всего от ее «социального статуса», от того круга (неречевых и речевых) действий, которые она совершает наиболее часто, а также от объема и характера возникающих при этом контактов. Например, круг действий и приоритетных межперсональных отношений бизнесмена отличается от деятельности и видов социальных связей ученого и / или преподавателя, а формы проявления коммуникативной активности и тех и других иные, чем у политика или журналиста.

Коммуникативно-речевые действия, в свою очередь, производятся на основе тех совокупностей типов текстов, с помощью которых языковая личность удовлетворяет свои когнитивные потребности, интересы самореализации и общения с другими. Так, для духовно богатого человека, обладающего фантазией и творческими способностями к креативному использованию языка, главной формой познания мира и себя в «мире других» становится художественный текст, где этот мир приобретает черты

нереального рационально-чувственного образа. Индивидуальный стиль «художника слова» — как оставляемый в виде текста след его коммуникативно-речевой самореализации в специфическом когнитивном и коммуникативном пространстве — не может не отличаться от речевого стиля человека, не использующего язык в поэтической функции.

Но и языковая личность, укореняющая продукт своей языковой деятельности в «реальной», а не в художественно преобразованной коммуникации, реализует свое право на активное отношение к языку. Она тоже имеет свой собственный индивидуальный стиль, проявляющийся, среди прочего, в постоянном повторении излюбленных слов и грамматических конструкций в текстах, которые речевой субъект производит в разное время и с разной целью; в «нарушении» композиционно-архитектонических норм конвенционального типа текста; в использовании «альтернативных» слов, окказионализмов и грамматических форм и т. д. Появление подобных речевых сигналов свидетельствует о том, что индивидуальный модус формулирования, как и текст, на уровне которого он получает свои очертания, дискурсивно открыт. Он проецируется на определенные экстралингвистические факторы, связанные с особенностями протекания речевого общения (ситуацию, социальные и коммуникативные роли участников, характер их отношения к предмету коммуникации и друг к другу), на «формы жизни», реализуемые с помощью текстов, а также на ментальное и коммуникативное пространство погруженного в эти «формы жизни» активного субъекта.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.
2. Гаспаров, Б. М. Язык. Память. Образ: Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 348 с.
3. Гончарова, Е. А. Theorie und Praxis der Stilanalyse. М.: Академия, 2010. 352 с.
4. Гончарова, Е. А. Стиль как антропоцентрическая категория // Слово, предложение и текст как интерпретирующие системы. Studia Linguistica. 8. СПб.: Тригон, 1999. С. 146–154.
5. Гончарова, Е. А. Медиальный аспект модуса формулирования текста как проблема стилистики // СТИЛ. Вып. 7. Белград, 2008. С. 11–20.

6. Гончарова, Е. А. Стиль как выражение релятивных и коррелятивных отношений в тексте // Вопросы филологии. №1 (53). М.: Изд-во ИИЯ; ИЯ РАН; РАЛН, 2016. С. 19–24.

7. Гончарова, Е. А., Кесслер, К. Опыт дискурсивного анализа текста «анекдот» (на материале его использования как формы коммуникативного взаимодействия в ГДР и СССР) // *Studia linguistica*. XXII. Язык, текст, дискурс. Современные аспекты исследований. СПб.: Тригон, 2013. С. 269–280.

8. Карасик, В. И. Язык социального статуса. М.: Гнозис, 2002. 333 с.

9. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.

10. Седов, К. Ф. Основы психолингвистики в анекдотах. М.: Лабиринт, 1998. 64 с.

11. Степанов, Ю. С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип причинности // Язык и наука конца XX века. М.: Наука, 1995. С. 33–71.

12. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта: Наука, 2003. 695 с.

13. Briefe gut und richtig schreiben! Mannheim: Dudenverlag, 2002. 862 S.

14. Die besten Witze aus der DDR. Wien: Verlag Carl Ueberreuter, 2010. 168 S.

15. Lexikon der Sprachwissenschaft / Hrsg. H. Bußmann. Stuttgart: Alfred Kröner Verlag, 2002. 783 S.

16. Polenz, P. von. Die Sprachrevolte in der DDR im Herbst 1989. Ein Forschungsbericht nach drei Jahren vereinter germanistischer Linguistik // *Zeitschrift für germanistische Linguistik*. 1993. H. 3. S. 127–149.

17. Reiher, R. Ein Ossi — ein Wort; ein Wessi — ein Wörterbuch. Zur Bewertung von Sprache und Sprachverhalten der Deutschen Ost und West // Von Buschzulage und „Ossinachweis“. Ost-West-Deutsch in der Diskussion / Hrsg. von R. Reiher und R. Läzer. Berlin: Taschenbuch Verlag, 1996. S. 32–54.

18. Riesel, E. G., Schendels E. I. Deutsche Stilistik. Moskau: Verlag Hochschule, 1975. 316 S.

19. Sanders, W. Linguistische Stilistik: Grundzüge der Stilanalyse sprachlicher Kommunikation. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1977. 201 S.

References

1. Arutyunova, N. D. Diskurs [Discourse]. *Lingvisticheskij encyklopedicheskij slovar*. Moscow, Sovetskaya ehnciklopediya, 1990, pp. 136–137. (In Russian)

2. Gasparov, B. M. *Iazyk. Pamiat'. Obraz: Lingvistika iazykovogo sushchestvovaniia* [Language. Memory. Image: Linguistics existence]. Moscow, Novoe literaturnoe Obozrenie, 1996. 348 p. (In Russian)

3. Goncharova, E. A. *Theorie und Praxis der Stilanalyse*. Moscow, Akademiya, 2010. 352 p. (In Russian)

4. Goncharova, E. A. Stil' kak antropotsentricheskaja kategorija [Style as an anthropocentric category]. *Slovo, predlozhenie i tekst kak interpretiruyushchie sistemy* [Word, sentence and text as interpreting systems]. *Studia Linguistica* 8. St. Petersburg, Trigon Publ., 1999, pp. 146–154. (In Russian)
5. Goncharova, E. A. Medial'nyi aspekt modusa formulirovaniia teksta kak problema stilistiki [The medial aspect of the mode of text formulation as a problem of style]. *STIL*, iss. 7. Belgrad, 2008, pp. 11–20. (In Russian)
6. Goncharova, E. A. Stil' kak vyrazhenie relatiivnykh i korreliativnykh otnoshenii v tekste [Style as an expression of relative and correlative relationships in the text]. *Voprosy filologii*, no. 1 (53). Moscow, Izd-vo IIIa; IIa RAN; RALN, 2016, pp. 19–24. (In Russian)
7. Goncharova, E. A., Kessler, K. Opyt diskursivnogo analiza teksta «anekdot» (na materiale ego ispol'zovaniia kak formy kommunikativnogo vzaimodeistvii v GDR i SSSR) [Experience discursive analysis of the text “anecdote” (on the basis of its use as a form of communicative interaction in the GDR and the Soviet Union)]. *Studia linguistica XXII. Iazyk, tekst, diskurs. Sovremennye aspekty issledovaniia*. St. Petersburg, Trigon Publ., 2013, pp. 269–280. (In Russian)
8. Karasik, V. I. *Iazyk sotsial'nogo statusa* [The language of social status]. Moscow, Gnozis Publ., 2002. 333 p. (In Russian)
9. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow, Sovetskaya ehnciklopediya Publ., 1990. 685 p. (In Russian)
10. Sedov, K. F. *Osnovy psikholingvistiki v anekdotakh* [Fundamentals of psycholinguistics in jokes]. Moscow, Labirint, 1998. 64 p. (In Russian)
11. Stepanov, Iu. S. Al'ternativnyi mir. Diskurs. Fakt i printsip prichinnosti [Alternative world. Discourse. The fact and the principle of causality]. *Iazyk i nauka kontsa XX veka*. Moscow, Nauka Publ., 1995, pp. 33–71. (In Russian)
12. *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo iazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian language]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2003. 695 p. (In Russian)
13. *Briefe gut und richtig schreiben!* Mannheim, Dudenverlag, 2002. 862 S.
14. *Die besten Witze aus der DDR*. Wien, Verlag Carl Ueberreuter, 2010. 168 S.
15. *Lexikon der Sprachwissenschaft* / Hrsg. H. Bußmann. Stuttgart, Alfred Kröner Verlag, 2002. 783 S.
16. Polenz, P. von. Die Sprachrevolte in der DDR im Herbst 1989. Ein Forschungsbericht nach drei Jahren vereinter germanistischer Linguistik. *Zeitschrift für germanistische Linguistik*, 1993, H. 3, S. 127–149.
17. Reiher, R. Ein Ossi — ein Wort; ein Wessi — ein Wörterbuch. Zur Bewertung von Sprache und Sprachverhalten der Deutschen Ost und West. *Von Buschzulage und „Ossinachweis“: Ost-West-Deutsch in der Diskussion* / Hrsg. von R. Reiher, R. Läger. Berlin Taschenbuch Verlag, 1996. S. 32–54.
18. Riesel, E. G., Schendels E. I. *Deutsche Stilistik*. Moscow, Verlag Hochschule, 1975. 316 S.

19. Sanders, W. *Linguistische Stilistik: Grundzüge der Stilanalyse sprachlichen Kommunikation*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1977. 201 S.

Гончарова Евгения Александровна

профессор кафедры немецкой филологии РГПУ им. А. И. Герцена,
доктор филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48

Goncharova Evgeniia Aleksandrovna

Professor of German Philology Department,
Herzen State Pedagogical University of Russia;
Doctor of Philological Sciences,
Address: 48, Moyka river emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation

E-mail: eagon@rambler.ru

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДЕСКРИПТИВА

Ключевые слова: нарратив, дескриптив, модус высказывания, дискурсивная практика, тип речи, перспективация, событийность.

Нарратив и дескриптив представляют собой разные модусы высказывания. Однако они часто взаимодействуют в рамках одного текста. Как правило, дескриптивные секвенции входят как часть в состав повествовательного текстового целого. Традиционный подход к их исследованию, направленный главным образом на делимитацию и противопоставление дескриптивных пассажей нарративу, игнорирует зависимость дескриптивной риторической стратегии от ведущей (нарративной) риторической стратегии, породившей конкретный текст. Если при анализе дескриптивных включений в повествовательный текст учитывать его глобальную (нарративную) стратегию, то можно установить, что дескриптивные фрагменты интегрируются и в систему точек зрения, отвечающих за перспективацию повествования как «события рассказывания», и в событийную структуру повествования как «рассказываемого события», реализуя таким образом свой нарративный потенциал. Учет фактора взаимодействия обеих риторических стратегий в рамках текстового целого позволяет расширить представления о статусе и функциях дескриптивных включений в это текстовое целое.

THE NARRATIVE POTENTIAL OF THE DESCRIPTIVE

Keywords: narrative, descriptive, mode of utterance, discursive practice, type of discourse, perspectivation, eventfulness.

Narrative and descriptive represent different modes of the utterance. However, they often interact within one text. As a rule, descriptive sequences constitute a part of narrative texts. The traditional approach towards the studying of descriptive sequences is basically directed at delimiting descriptive passages and opposing them to narrative. However, this approach ignores the dependence of the descriptive rhetorical strategy on the leading (narrative) rhetorical strategy that generates the particular text. If the global (narrative) strategy of the text is taken into account while analyzing its descriptive inclusions, it becomes clear that descriptive fragments are integrated both into the system of viewpoints, which are responsible for the perspectivation of the narrative as the “event of telling”, and into the eventful structure of the narrative as an “event told”, thus realizing their narrative potential. Taking into consideration the

interaction of both rhetorical strategies within one textual whole allows us to expand our understanding of the status and functions of the descriptive inclusions into this textual whole.

Все высказывания, что когда-либо были произнесены или написаны, а также те, что будут произнесены или написаны, при всем многообразии языкового выражения могут быть сведены к ограниченному числу базовых когнитивных схем (сценариев) использования языкового кода для фиксации, хранения и передачи как коллективного, так и индивидуального опыта. В современной риторике как науке о природе человеческого общения, его типах, возможностях и средствах предпринимается попытка выявления различных модусов высказывания (риторических стратегий, дискурсивных практик), в основе которых лежат эти когнитивные схемы. Представляется, что в качестве базовых модусов высказывания можно рассматривать триаду *нарратив, дескриптив, ментатив*, которая коррелирует с классической риторической триадой типов речи *повествование, описание, рассуждение*.

Основой для разграничения названных базовых модусов высказывания является обязательная выраженность определенного типа отношений. Так, для нарратива обязательной является выраженность *темпоральных* отношений, для дескриптива — *пространственных*, для ментатива — *каузальных*. Присутствие иных типов отношений в каждом из названных сценариев является факультативным, к тому же их «домысливание» основывается на интерпретации реципиентом базового типа отношений, выраженного в высказывании.

Нарратив является, по-видимому, наиболее древней и наиболее развитой дискурсивной практикой, знаменовавшей переход от мифологического сознания к историческому. Историческое сознание сломало «первоначальную аранжировку» мифа (выражение К. Леви-Стросса), цикличность которого упрощало и опредмечивало время, придавая ему ясную пространственную форму круга [2, с. 38]. По сути, миф подвергся нарративной обработке: в него было привнесено представление о времени как линейном и необратимом (анизотропном) жизненном потоке и о пространстве как дискретном вместилище людей и вещей [1, с. 233].

Представление о нарративе как доминирующей дискурсивной практике привело в 80-е годы прошлого столетия к так называе-

тому нарративному перевороту в гуманитарных науках, «лейтмотивом которого стало утверждение, что функционирование различных форм знания можно понять только через рассмотрение их нарративной, повествовательной природы» [5, с. 56]. В программной статье одного из основателей когнитивной психологии и инициатора «второй когнитивной революции» Дж. Брунера «Жизнь как нарратив» (1987) говорится: «У нас, по-видимому, нет иного способа описания прожитого (и проживаемого) времени, кроме как в формах нарратива. <...> С психологической точки зрения такой вещи, как «жизнь сама по себе», не существует. Жизнь есть рассказ, нарратив, сколь бы несвязным он ни был» (Дж. Брунер, цит. по: [9, с. 46]).

Спустя двадцать лет известный российский философ, культуролог, литературовед и лингвист М. Н. Эпштейн опубликовал статью под названием «Жизнь как тезаурус», в которой поставил под сомнение радикальную формулировку Дж. Брунера: «Но действительно ли жизнь есть нарратив, т. е. способ рассказывания о ней во временной последовательности? Прежде всего, сама интенция «рассказывания о жизни» предполагает не просто наличие конкретного случая (события, эпизода), но осознание любого случая как составляющей частицы жизненного целого. Такое осознание может строиться нарративно, в виде цепочки событий и объясняющих переходов между ними (характеристика обстоятельств, причин, участников действия). Но сознание не сводится к воспоминанию о событиях. Сознание — это более или менее связанная система моих знаний и представлений о себе и о мире, о том, чем была и что есть моя жизнь. Сознание имеет свой словарь, свой тезаурус, который охватывает все содержание жизни не во временной последовательности, а как предстоящее мне здесь и сейчас, в своем объеме памятного мне бытия» [там же].

Понятие *тезаурус* в этой интерпретации, по-видимому, коррелирует с анарративными модусами высказывания, а именно дескриптивом и ментативом, которые, как и нарратив, структурируют, но на иных принципах, жизненный опыт. Совершенно очевидно, что все три дискурсивные практики постоянно взаимодействуют.

Как было сказано выше, три базовые когнитивно-дискурсивные схемы текстопорождения коррелируют с классической риторической триадой типов речи *повествование, описание, рассуждение*.

Начиная с античной риторики исследования типов речи (также способов изложения, словесно-стилевых единств, композиционно-речевых форм, функционально-смысловых типов речи) исходят из тезиса детерминированности языкового выражения влиянием экстралингвистических факторов, таких как предмет, цель, сфера функционирования высказывания, и ориентированы в основном на выявление инвентаря языковых средств разных уровней в их взаимодействии как «языковых констант» [4, с. 139–183].

Традиционный подход, направленный главным образом на отграничение типов речи и противопоставление их друг другу, игнорирует их взаимодействие и зависимость от ведущей риторической стратегии, породившей конкретный текст, в который они включены.

В действительности повествование, описание, рассуждение в «чистом виде» встречаются крайне редко. К тому же включения в текст фрагментов иных типов речи подчиняются глобальной стратегии текста как целого. Рассмотрим это положение на примере дескриптива как части нарративного текста.

Общим местом является утверждение о присутствии в нарративном тексте дескриптивных фрагментов. Традиционно эти фрагменты рассматриваются как «вкрапления» в повествование, выполняющие в основном вспомогательные функции. Многочисленные исследования видов описаний в художественном повествовательном тексте и их функций сводятся к следующему.

Описание в рамках нарративного текста рассматривается как «иконический знак» [7, с. 133], содержанием которого являются «субъектная» и «предметная» составляющие повествуемого мира (лица, предметы, интерьеры, ландшафты). Описание участвует в создании хронотопа (скорее, топохрона), фиксирует его состояния, а в вертикальном контексте¹ его изменения. Кроме того, описание — это способ выражения оценки и средство психологизации повествования. Иначе, экстенционалом описаний в нарративном тексте является повествуемый мир, их интенционалом — отно-

¹ Термин «вертикальный контекст» используется нами в узком значении, а именно как внутритекстовое пространство, части которого связаны не только контактно (горизонтальный контекст), но и дистантно (вертикальный контекст), в отличие от широкого понимания этого термина как историко-филологической информации, присутствующей в тексте и декодируемой читателем при условии наличия у него соответствующих фоновых знаний.

шение к нему субъекта повествования (нарратора, понимаемого в данном случае как функция) [См.: там же].

Исследование дескриптивных фрагментов осуществляется, таким образом, в предметно-логическом (тема, логические отношения) и формально-грамматическом (лексические особенности, доминирующие части речи, типы предложений и особенности их аранжировки) аспектах, что имплицитно противопоставляет эти фрагменты повествованию. Создается впечатление, что описательные фрагменты могут быть изъяты из текста без существенного ущерба для истории.

Однако дескриптив не является неким «дополнением» к повествованию или «текстом в тексте» (в этом смысле формулировка «текст типа “описание” в художественном произведении» [7] не представляется удачной). «Встраиваясь» в нарративный текст, он встраивается и в систему точек зрения в нем, и в его событийную структуру. Событийность и перспективированность суть онтологические свойства нарратива, который определяется как специфическая стратегия текстообразующего способа представления мира или фрагмента мира в виде сюжетно-повествовательных высказываний, в основе которых лежит некая история (фабула, интрига), преломленная сквозь призму определенной (определенных) точки (точек) зрения» [1, с. 48]. Дескриптив подчиняется, таким образом, законам нарратива и реализует в нем свой нарративный потенциал.

Так, сложно представить себе прозу Томаса Манна без обширных описательных пассажей. В них ярко проявляются особенности манновского стиля, который отличается номинативной избыточностью и аналитизмом. Номинативная избыточность в многочисленных портретных описаниях позволяет автору искать в облике своих персонажей ту характерную деталь, которая выражает суть образа, а найденное для ее обозначения «точное» слово становится знаком персонажа. Сквозной повтор включает деталь портретного описания в мотивную структуру нарратива, лежащую в основе его сюжета как особым образом аранжированной смыслопорождающей цепи событий.

В новелле «Тристан» («Tristan») такой деталью становится, например, пульсирующая голубая жилка над бровью Габриэлы Клетериан:

«...und nur in der Nähe der rechten Schläfe fiel eine krause, lose Locke in die Stirn, unfern der Stelle, wo über der markant gezeichneten Braue ein kleines, seltsames Äderchen sich blaßblau und kränklich in der Klarheit

und Makellosigkeit dieser wie durchsichtigen Stirn verzweigte». Жилка придавала лицу женщины особое, напряженное выражение: «*Dies blaue Äderchen über dem Auge beherrschte auf eine beunruhigende Art das ganze feine Oval des Gesichts. Es trat sichtbar hervor, sobald die Frau zu sprechen begann, ja sobald sie auch nur lächelte, und es gab alsdann dem Gesichtsausdruck etwas Angestregtes, ja selbst Bedrängtes, was unbestimmte Befürchtungen erweckte*» (здесь и далее выделено мной. — В. А.).

Эта деталь, упоминающаяся не один раз по ходу повествования, говорит о хрупкости, утонченности, болезненной бестелесности, нежизнеспособности главной героини и предсказывает ее скорую смерть.

В новелле «Смерть в Венеции» («Der Tod in Venedig») одним из средств репрезентации мотива смерти, лежащего в основе сюжета, являются описания внешности странного прохожего, гондольера и дерзкого уличного музыканта. В портретных описаниях этих персонажей можно обнаружить вариативно сходные детали: худоба лица и тела, рыжий цвет волос и бровей, курносый нос, выступающее адамово яблоко, короткая верхняя губа, обнажающая крупные белые зубы, явная или скрытая враждебность облика и поведения, что можно видеть на примере следующих трех фрагментов портретных описаний, приведенных в той последовательности, как они расположены в тексте:

- (1) *...seine Lippen schienen zu kurz, sie waren völlig von den Zähnen zurückgezogen, dergestalt, dass diese, bis zum Zahnfleisch bloßgelegt, weiß und lang dazwischen hervorbleckten.*
- (2) *Ein paarmal zog er vor Anstrengung die Lippen zurück und entblößte seine weißen Zähne.*
- (3) *Katzbuckelnd, unter Kratzfüßen schlich er zwischen den Tischen umher, und ein Lächeln tückischer Unterwürfigkeit entblößte seine starken Zähne...*

Приведенные фрагменты демонстрируют как сходство, так и различие в описании одной детали — зубов: общим является здесь указание на их размер и белизну, разница заключается в том, что персонажи демонстрируют эти качества по-разному (у первого слишком короткая верхняя губа, второй обнажает зубы от напряжения, третий показывает их в улыбке).

Немецкий нарратолог В. Шмид определяет феномен (вариативной) повторяемости сходных единиц как принцип эквивалентности структурных элементов текста: «Эквивалентность включает в себя два типа отношений: сходство и оппозицию... Общее между сходством и оппозицией заключается в том, что соотносимые элементы идентичны по меньшей мере по отношению к одному признаку, а по отношению к другому — неидентичны» [8, с. 241].

Эквивалентность дистактно расположенных дескриптивных фрагментов создают в вертикальном контексте текстового целого семантический прирост. В данном случае портретные черты зловещих незнакомцев эвоцируют их связь с мотивом смерти, заданным уже в названии новеллы: описания лиц вызывают ассоциации с черепом, их враждебный нездешний облик — с аллегорией смерти в немецкой этнокультуре: в силу грамматического рода имени существительного *Tod* 'смерть' — это «кум Смерть» (*Gevatter Tod*).

Упомянутые персонажи как бы являются «вехами» на пути движения главного героя к смерти: его внезапное решение уехать из Мюнхена как начало этого движения, переезд на гондоле в Венецию (аллюзия на мифологического Харона, перевозившего людей через Стикс из мира живых в мир мертвых), эпидемия холеры, от которой Ашенбах умирает (запах карболки, исходящий от одежды бродячего музыканта, косвенно указывает на эпидемию холеры в Венеции). На фоне этой оси эквивалентностей путешествие главного героя в Венецию предстает как естественный переход человека, исчерпавшего свой внутренний жизненный и творческий ресурс, от жизни к смерти. Так, описательные фрагменты оказываются вовлеченными в мотивную структуру текста, которая являет себя опосредованно во всех его нарративных элементах: теме, сюжете, хронотопе, системе персонажей.

Следующий пример демонстрирует непосредственную вовлеченность дескриптива в формирование событийности повествовательного текста — категории, которая наряду с перспективацией конституирует нарратив как модус высказывания (или как тексто-порождающую дискурсивную практику).

Обязательными элементами события являются, по В. И. Тюпе, «актантный фактор действия» и «пассиентный фактор покоя (или противодействия)» [6, с. 25–26]. В повести П. Зюскинда «Голубка» («Die Taube») именно дескриптивный фрагмент вводит в повествование «актантный фактор действия», разрушающего равно-

весную исходную ситуацию. Этим фактором оказывается голубка (die Taube), неожиданно появившаяся на пороге комнаты Йонатана (Jonathan Noel):

*Fast hätte er [Jonathan Noel. — B. A.] den Fuß schon über die Schwelle gesetzt gehabt, er hatte den Fuß schon gehoben, den linken, sein Bein war schon im Schritt begriffen — als er sie sah. Sie saß vor seiner Tür, keine zwanzig Zentimeter von der Schwelle entfernt, im blassen Widerschein des Morgenlichts, das durch das Fenster kam. Sie hockte mit roten, kralligen Füßen auf den oxsenblutroten Fliesen des Ganges, in bleigrauem, glattem Gefieder: **die Taube**.*

*Sie hatte den Kopf zur Seite gelegt und glotzte Jonathan **mit ihrem linken Auge** an. Dieses Auge, eine kleine, kreisrunde Scheibe, braun mit schwarzem Mittelpunkt, **war fürchterlich anzusehen**. Es saß wie ein aufgenähter Knopf am Kopfgefieder, wimpernlos, brauenlos, ganz nackt, ganz schamlos nach außen gewendet und ungeheuer offen; zugleich aber war da etwas zurückhaltend Verschlagenes in dem Auge; und zugleich wieder schien es weder offen noch verschlagen, sondern ganz einfach leblos zu sein wie die Linse einer Kamera, die alles äußere Licht verschluckt und nichts von ihrem Inneren zurückstrahlen läßt. Kein Glanz, kein Schimmer lag in diesem Auge, nicht ein Funken von Lebendigem. Es war Auge ohne Blick. Und es glotzte Jonathan an.*

Появление птицы воспринимается протагонистом как вторжение внешнего мира в его замкнутую, размеренную жизнь. Оно влечет за собой его паническое бегство из своей мансарды, переселение в дешевую гостиницу и следующую за этим серию ошибок, неудач, срывов, которые подводят его в конце того же дня к мысли о самоубийстве.

Описание птицы становится одним из фокусов повествовательного напряжения. Птица показана как бы крупным планом так, как ее видит персонаж: наличие в контексте глагола зрительного восприятия (*als er sie sah*) включает сенсорный модус. Описание птицы изобилует деталями, выраженными качественными прилагательными (*rot, krallig, bleigrau, glatt, klein, kreisrund* и др.) при именах существительных, обозначающих части ее тела (*Füße, Gefieder, Kopf*), и именами существительными в функции определения (*dieses Auge, eine kleine, kreisrunde Scheibe, braun mit schwarzem Mittelpunkt, Auge ohne Blick*).

Ключевое место в описании отводится левому глазу птицы. Гнетущее, сюрреалистическое впечатление, которое этот невидящий

глаз (*ein Auge ohne Blick*) производит на персонажа, достигается концентрированным использованием эпитетов в разных синтаксических позициях:

dieses Auge, eine kleine, kreisrunde Scheibe, braun mit schwarzem Mittelpunkt, wie ein aufgenähter Knopf am Kopfgesieder, wimpernlos, braunenlos, ganz nackt, ganz schamlos nach außen gewendet und ungeheuer offen, weder offen noch verschlagen, leblos wie die Linse einer Kamera, kein Glanz, kein Schimmer, nicht ein Funken von Lebendigem, ein Auge ohne Blick.

Очевидно, что в приведенном фрагменте доминирует точка зрения персонажа. Точка зрения нарратора реализуется здесь только во фразеологическом плане (он является «анонимным» субъектом повествовательного монолога), но восприятие и впечатление (оценка) принадлежат действующему лицу: он — субъект восприятия и оценки, переживания, иными словами, в тексте осуществляется внутренняя фокализация. Благодаря выстроенной таким образом перспективе описание становится ключевым моментом повествуемой истории. И хотя в этой точке повествования происходит замедление времени (явление ретардации): время повествования превышает время действия, — или даже его остановка с помощью «кинематографического» приема «стоп-кадра», напряжение достигает своего пика. Описание, таким образом, вводит в текст «актантный фактор действия», разрушивший равновесие исходной ситуации в жизни протагониста, который выполняет в повествуемой истории функцию «пассиентного фактора покоя (противодействия)».

Итак, анализ показал, что дескриптивные фрагменты в повествовательном тексте интегрируются в систему точек зрения в нем, отвечающих за перспективацию повествования как «события рассказывания», и его событийную структуру как «рассказываемого события» [3, с. 403–404], реализуя таким образом свой нарративный потенциал.

Литература

1. Андреева, В.А. Текстовые и дискурсные параметры литературного нарратива (на материале современной немецкоязычной прозы): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / РГПУ им. А.И. Герцена. СПб., 2009. 360 с.

2. Бальбуров, Э.А. Мотив и канон // Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы. Вып. 2. Сюжет и мотив в контексте тради-

ции / под ред. Е. К. Ромодановской. Новосибирск: Новосиб. изд-во СО РАН, 1998. С. 6–20.

3. Бахтин, М. М. *Формы времени и хронотопа в романе* // Бахтин М. М. *Вопросы литературы и эстетики*. М.: Худ. литература, 1975. С. 234–405.

4. Гончарова, Е. А., Шишкина И. П. *Интерпретация текста*. Немецкий язык: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 2005. 368 с.

5. Троцук, И. В. *Нарративы в социологии: подходы к определению и анализу* // *Вестн. РУДН. Социология*. 2004. № 6–7. С. 56–74.

6. Тюпа В. И. *Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А. П. Чехова)*. Тверь: Изд-во Твер. гос. ун-та, 2001. 58 с.

7. Хаманова, В. М. *Функции текста типа «описание» в художественном произведении* // *Вестн. Бурят. гос. ун-та*. 2012. № SA. С. 132–135.

8. Шмид, В. *Нарратология*. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

9. Эпштейн, М. Н. *Жизнь как нарратив и тезаурус* // *Московский психотерапевтический журнал*. 2007. № 4. С. 47–56.

References

1. Andreeva, V. A. *Tekstovye i diskursnye parametry literaturnogo narrativa (na materiale sovremennoi nemetskoiazychnoi prozy)*. Diss. d-ra filol. nauk [*Textual and Discursive Parameters of the Literary Narrative*]. Thesis of dis. Dr. philol. sci.]. 10.02.04 / RGPU im. Gertsena. St. Petersburg, 2009. 360 p. (In Russian)

2. Bal'buurov, E. A. *Motiv i kanon* [Motive and Canon]. *Materialy k slovariui siuzhetov i motivov russkoi literatury. Vyp. 2. Siuzhet i motiv v kontekste traditsii*. Ed. by T. K. Romodanovskaia. Novosibirsk, Novosib. Publ. SO RAN, 1998, pp. 6–20. (In Russian)

3. Bakhtin, M. M. *Formy vremeni i khronotopa v romane* [Forms of Time and of the Chronotope in the Novel]. *Bakhtin M. M. Voprosy literatury i estetiki*. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1975, pp. 234–405. (In Russian)

4. Goncharova, E. A., Shishkina I. P. *Interpretatsiia teksta. Nemetskii iazyk* [*Interpreting the Texts. German language*]: uchebnoe posobie. Moscow, Vysshaia shkola Publ., 2005. 368 p. (In Russian)

5. Trotsuk, I. V. *Narrativy v sotsiologii: podkhody k opredeleniiu i analizu* [Narratives in Sociology: Approaches to Definition and Analysis]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Sotsiologiya*, 2004, no. 6–7, pp. 56–74. (In Russian)

6. Tiupa V. I. *Narratologiya kak analitika povestvovatel'nogo diskursa («Arkhierei» A. P. Chekhova)* [Narratology as Analytics of the Narrative Discourse (Arkhierei of A. P. Chekhov)]. Tver', Tver State Universitet Publ., 2001. 58 p. (In Russian)

7. Khamaganova, V. M. *Funktsii teksta tipa «opisanie» v khudozhestvennom proizvedenii* [Functions of the Descriptive Texts in the Literary Work]. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, no. SA, pp. 132–135. (In Russian)

8. Shmid, V. *Narratologiia* [*Narratology*]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury, 2003. 312 p. (In Russian)

9. Epshtein, M.N. Zhizn' kak narrativ i tezaurus [Life as Narrative and Thesaurus]. *Moskovskii psikhoterapevticheskii zhurnal*, 2007, no. 4, pp. 47–56. (In Russian)

Андреева Валерия Анатольевна

профессор кафедры немецкой филологии РГПУ им. А. И. Герцена,
доктор филологических наук

Адрес: Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48

Andreeva Valeriia Anatolievna

Professor of German Philology Department,
Herzen State Pedagogical University of Russia,
Doctor of Philological Sciences

Address: 48, Moyka river emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation

E-mail: valeryandreeva@gmail.com

РЕФЕРЕНТНАЯ СИТУАЦИЯ В НАРРАТИВНОМ ДИСКУРСЕ И ЕЕ ТЕКСТУАЛИЗАЦИЯ

Ключевые слова: нарративная стратегия, нарративный дискурс, референтная ситуация, концептуальная структура, событие, эпизод.

Понятие нарративного дискурса базируется на двух основных постулатах: событийности референта и дискурсивной форме его представления. Производством событийного дискурса управляет нарративная стратегия, направленная в первую очередь на последовательную текстуализацию эпизодов — структурных элементов референтной ситуации. В статье исследуется концептуальный уровень производства нарратива, который является референтом макротекста и его эпизодов. Специально рассматриваются событийный и дискурсивный виды информации, образующие референтную ситуацию. Отдельный фрагмент статьи посвящён распределению событийной информации в тексте и выделению текстовых эпизодов. Во второй части на примере фрагмента текста Томаса Манна показывается, как разные тактики структурирования событийной информации определяют функциональный характер нарративного дискурса. Теоретическую базу настоящего исследования образуют взаимодополняющие положения лингвистики текста и литературоведения.

K. R. NOVOZHILOVA
St. Petersburg State University

REFERENTIAL SITUATION IN THE NARRATIVE DISCOURSE AND ITS TEXTUALIZATION

Keywords: narrative strategy, narrative discourse, referential situation, conceptual structure, event, episode.

The notion of narrative discourse is based on two major underlying premises: eventivity of the referent and discursive form of its representation. The eventive discourse production is governed by a narrative strategy targeted primarily at sequential textualization of episodes — structural elements of referential situation. The article analyzes the conceptual level of narrative production which is a referent of the macro-text and its episodes. Special attention is paid to the eventive and discursive types of information that together create a referential situation. A part of the article is devoted to the distribution of eventive information in the text and identification of textual episodes. Using a fragment of Thomas Mann's text the second part of the article demonstrates how different approaches to structuring eventive information determine the functional aspect of narrative discourse. The theoretical framework of the present study is formed by the mutually complementary principles of the text linguistics and literature studies.

Современная нарратология рассматривает различные виды нарративов, посредством которых человек осмысливает мир. Это мифы, религиозные тексты, правдивые и вымышленные истории в повседневности, а также нарративы как элементы исторических, юридических, философских и других, не только научных текстов. Что касается текстов художественных, о которых далее пойдет речь, то они являются наиболее изощренным видом нарративов, а их изучение имеет давние традиции. Они были «экспериментальной базой», на основе которой при коммуникативном повороте исследований появилась новая филологическая дисциплина — нарратология. Более того, как отмечают Й. Бройтман и Р. Харре, «для большого числа тем и проблем, поднимаемых в новом типе исследований нарратива, мир литературных текстов... несомненно останется продуктивной точкой отсчета» [3, с. 39].

На современном междисциплинарном этапе развития филологической проблематики исследования нарративного дискурса пользуются широким спектром лингвистических знаний, а также литературоведческими наблюдениями, что дополняет и подтверждает общие выводы. В настоящей работе мы руководствуемся как теоретическими основаниями литературоведческой нарративистики, так и положениями лингвистики текста, ориентированными на референциальный и коммуникативный подходы.

Понятие нарративного дискурса базируется на двух основных постулатах: событийности объекта сообщения и коммуникативной форме его представления. Говоря словами М. М. Бахтина, «перед нами два события, событие, о котором рассказано в произведении, и событие самого рассказывания» [2, с. 403–404].

Производством повествовательного текста управляет нарративная стратегия автора. Она осуществляется на уровнях: 1) сочинения истории (фабулы), 2) ее художественной разработки, называемой нарративом (сюжетом), и 3) ее (его) вербальной репрезентации. В этой условно принятой схеме порождения художественного нарратива первый уровень занимает событие, о котором рассказывается, а второй и третий — событие рассказывания: его планирование и осуществление в виде текста. Второй и третий уровни относятся к преречевому (концептуальному) и речевому этапам нарративной стратегии.

Эти уровни соотносятся друг с другом иерархически: задачи следующего уровня состоят в трансформации предыдущего. Они

имеют общее генетическое основание — событие, которое изобретается на фабульном, художественно трансформируется на сюжетном уровне и в таком виде текстуализуется. В. А. Андреева называет их фабульным, сюжетным и текстовым событиями [1, с. 69].

Пользуясь принятым различием между понятиями *объект* и *предмет*, отнесем историю (фабулу) к объекту, а нарратацию (сюжет) к предмету вербальной репрезентации, или, иначе, к ее референту.

В теории производства текста понятию фабульного события соответствует понятие его пропозиционального содержания, а понятию сюжетного события — понятие *концептуальной структуры* (konzeptuelle Struktur), пользуясь термином Кристианы фон Штуттерхайм [9, S. 5]. Концептуальная структура повествовательного текста содержит информацию о событии как о первоэлементе нарратации, т. е. его пропозициональном содержании, а также о том, как о нём будет рассказано (дискурсная информация). И тот, и другой вид информации вербализуется посредством текста.

Событийную информацию, отвечающую на вопрос: *Что произошло, с кем /чем, когда и где?* — образуют элементарные понятийные категории (Konzeptdomaenen, по Штуттерхайм), образующие константные параметры события, которые обозначают: 1) актантов (преддицируемых субъектов и объектов действия), 2) само событие (предикат, обозначающий действие, процесс, состояние), 3) место и 4) время происходящего события [9, S. 57]. Эти концептуальные категории событийного дискурса манифестируются в тексте и являются вербальными маркерами события.

Нетрудно заметить, что в литературоведческой традиции анализа повествовательного текста эти семантические категории соответствуют на макроуровне персонажу, происшествию (перипетии), месту и времени (хронотопу) происшествия.

Дискурсная информация формируется на концептуальном уровне. Автор принимает решение, как распределить событийную информацию на пространстве текста и в какой последовательности ее представить, определяет степень ее детализации и экспликации, необходимость комментариев и уточнений, а также решает другие задачи структурирования событийной информации, которые предопределяют ее текстовую манифестацию.

Из сказанного очевидно, что литературоведческий и лингвистический взгляды на производство нарративного дискурса и их

понятийные категории не обнаруживают противоречий. Обе дисциплины оперируют понятием события, имея в виду концепт, обозначающий изменение состояния и отвечающий на вопросы: *Что произошло, с кем/чем, когда и где?*, а также признают разный масштаб этого концепта в макро- и микротексте и аналогию в его содержательных категориях. Однако, как известно, литературоведческий аспект анализа нарратива сосредоточивается на осуществлении нарративной стратегии на уровнях фабулы и сюжета, лингвистический же изучает языковую манифестацию сюжетного события.

Поэтика повествовательного текста рассматривает фабульное событие, образующее первооснову целого текста (макрособытие), которое при сюжетных трансформациях приобретает вид иерархической последовательности более частных событий, образующих эпизоды. Эпизодами поэтика называет «участки текста, отличающиеся друг от друга местом, временем действия и составом участников» [4, с. 151] и считает эпизод единицей литературного повествования — сюжета. Чередование эпизодов, по мнению Поля Рикёра, является родовым признаком нарратива [5, с. 186]. Поэтому проблема эпизода — его вычленение, содержательная структура, связь с соседними и дальними эпизодами — в свете художественного построения сюжета и его анализа является важной проблемой поэтики повествования.

Что касается лингвистического подхода к повествовательному тексту (результату применения нарративной стратегии), то он осуществляется, в частности, для того, чтобы определить вербальные тактики дискурсии события в эпизоде и определить его специфику, которая, согласно мысли В.И. Тюпы, «определяется архитектурной референтной структурой события» [6, с. 8].

Выбор эпизода как объекта лингвистического анализа требует прежде всего того, чтобы сосредоточиться на его референтной структуре и ее основных категориях — актантах, времени и месте действия — и определить вербальные тактики их манифестации. Эпизод, взятый как текстовое событие, представлен различными элементами текстовой структуры (размером от слова до микротекста), которые вербализуют эти семантические категории референта. Что касается элементов текста, в которых осуществляется вербализация эпизода, то мы будем их в дальнейшем называть *ситуациями*, избегая тем самым считать на равных основаниях и динамические, и статические элементы повествования событиями.

ями, как это можно увидеть, например, в книге *Einführung in die Erzähltheorie* [8, S. 112]. В этом мы следуем за многими лингвистами, в том числе и за Михаелем Хервегом, который считал ситуацию гиперонимом (*Oberbegriff*), обозначающим события (*Ereignisse*), состояния (*Zustände*), и процессы (*Prozesse*). Итак, ситуации — это не элементы события, а элементы рассказа о нем. В ситуациях как единицах текста сообщается о различных сторонах события: этапах и обстоятельствах его развития, особенностях его участников, состояниях и положениях вещей. Являясь художественно мотивированными звеньями повествования, ситуации оформляются различными способами речевого сообщения и их комбинацией.

В дальнейшем мы собираемся проследить на примере эпизода новеллы Т. Манна «Тристан», каким образом может быть представлена в нарративном дискурсе (нарративе) событийная ситуация эпизода — референта нарратива, как используемые вербальные тактики создают специфический речевой образ референта и влияют на его смыслообразование.

Для иллюстрации того, как решаются эти задачи, выбран эпизод, выполняющий в целом нарративе роль завязки действия — прибытие в санаторий главного персонажа событий — госпожи Клотерьян. Ему предпослано вступление, в котором описывается санаторий и его обитатели.

Выбранный эпизод представляет собой уникальное событие в его развитии, в котором участвуют персонажи, находящиеся в определенном месте (санаторий «Эйнфрид») и в определенное время (начало января). Кроме уникальности, статус события обеспечивается также ролью этого эпизода в целом дискурсе, сообщаемой ему свойства релевантности (важности) и консеквентности (влияние на другие эпизоды).

Для определения глубинной (семантической, концептуальной) структуры как эпизода в целом, так и составляющих его контекстных ситуаций воспользуемся понятием пропозиции, а также методом выведения макропозиций ван Дейка, который состоит в том, чтобы посредством парафрастической редукции вывести из пропозиций, лежащих в основе поверхностной структуры текста, пропозиции более высокого уровня — макропропозиции.

* Текст эпизода здесь полностью не приводится ввиду его известности и доступности, а также в целях сокращения объема статьи.

Глубинная структура эпизода завязки может быть представлена в виде макропропозиции — приезд в санаторий супругов Клотерьян. Это пропозициональное содержание может быть не только выведено из микропропозиций, но и формулируется в тексте первого абзаца: «Anfang Januar brachte Großkaufmann Klötterjahn... seine Gattin nach Einfried...» [7, S. 61]. В так называемой «бриллиантовой схеме» Лабова — Валецки, представляющей собой инвариантную структуру события, такие суммирующие элементы называются резюме (*summary*) [8, S. 162–163].

Фабульная информация анализируемого эпизода состоит из этапов события, которые образуют узнаваемую стандартную ситуацию (фрейм), состоящую из приема персоналом санатория, доставки багажа и поселения в апартаментах санатория. Сюжетная информация как концептуальный коррелят текстового эпизода включает в себя, во-первых, представление основных категорий события (действий, актантов, хронотопа) и, во-вторых, распределение информации об этих категориях, учитывая полноту и порядок ее представления. Вербальная манифестация этой информации занимает девять абзацев разной длины. Объем и распределение информации об этих референтных категориях на текстовом пространстве выполняют смыслообразующую и стилеобразующую функции.

В целях экономии места мы сосредоточимся на главном персонаже — Габриеле Клотерьян, полноте и распределению информации о ней в тексте, что имеет смысловую целесообразность. Подтверждением того, что это главный персонаж, является количество сведений о ней, занимающих, соответственно, основное место в текстовом пространстве — самый длинный абзац, содержащий описание персонажа, а также ее присутствие почти в каждой повествуемой ситуации, хотя и всегда в пассивной роли. Кроме того, в отличие от других персонажей она называется не одним именем, а несколькими кореферентными именами: *seine Gattin, Frau, junge Frau, neue Patientin, Gabriele*. Ее пассивная роль в событии подтверждается языковой семантикой пациенса в высказываниях с предикатами *bringen, (an der Luftröhre) leiden*, получателя в высказываниях с предикатами *sagen, behilflich sein*, адресата в обращенной к ней прямой речи мужа. Ее активные действия в ситуации описываются всего тремя предикатами: *sprechen, lächeln* и *hüsteln*. Таким образом, мы видим, как языковые элементы, репрезентирующие категорию

актанта, выполняют смыслообразующую функцию. С одной стороны, они участвуют в образовании семантики, характеризующей объект повествования — персонажа, а с другой — обнаруживают намерения субъекта повествования отдать этому персонажу главную роль в эпизоде.

Аналогичным образом можно проследить распределение и языковое представление в эпизоде информации о месте и времени событий или о второстепенных персонажах, обращая внимание на их детальное или обобщенное, эксплицитное или имплицитное, прямое или косвенное изображение.

Второй аспект нашего рассмотрения касается тех же задач, но только в отдельных ситуациях текста, которые репрезентируют эпизод. Возьмем ситуацию, представляющую эпизод того же текста новеллы, которая совпадает с первым абзацем:

Anfang Januar brachte Großkaufmann Klöterjahn — in Firma A. C. Klöterjahn & Comp. — seine Gattin nach Einfried; der Portier rührte die Glocke, und Fräulein von Osterloh begrüßte die weither gereisten Herrschaften im Empfangszimmer zu ebener Erde, das, wie beinahe das ganze vornehme alte Haus, in wunderbar reinem Empirestil eingerichtet war. Gleich darauf erschien auch Doktor Leander; er verbeugte sich, und es entspann sich eine erste, für beide Teile orientierende Konversation [7, S. 61].

Первое предложение, как уже говорилось, формулирует основное событие, образующее завязку действия новеллы. Вся ситуация, состоящая из нескольких событий, передает прием супругов Клотерьян персоналом санатория. Ситуация включает пять пропозиций, которые различаются актантами и определяющими их предикатами:

(1) *Klöterjahn brachte seine Gattin nach Einfried*; (2) *der Portier rührte die Glocke*; (3) *Fräulein von Osterloh begrüßte die Herrschaften*; (4) *Doktor Leander erschien und verbeugte sich*; (5) *Eine Konversation entspann sich*.

Временная характеристика, которая манифестируется темпоральным маркером *Anfang Januar*, относится не только к ситуации первого абзаца, но и распространяется на хронологию многих последующих текстовых ситуаций. Временная же рамка именно этой ситуации образуется логически обоснованной последовательностью событий. Временная последовательность первых трех событий создается их перечислением, которое отвечает логике развития

ситуации. Хронологическая связь четвертого события с предыдущим маркируется обстоятельством *gleich darauf*, которое одновременно обозначает скоротечность эпизода. Последнее событие, объединяет всех актантов одним общим действием — беседой (*Konversation*).

Локальная рамка задана обозначением места (*Empfangszimmer*), в котором происходят события. Она отграничивает комплексное событие от события, вербализованного в следующем абзаце, который открывается обозначением нового места действия: *Draußen lag der winterliche Garten*. Следует еще раз отметить, что пять элементарных событий объединяются в общую событийную ситуацию не только благодаря общему месту и времени действия, но и благодаря когнитивно мотивированному сценарию ситуации, интегрирующему последовательность событий в единое, целостное семантическое образование — художественный образ события.

Функция ситуации — обобщение событий завязки, потому что следующие эпизоды, ее образующие, развивают детали событий этого эпизода по линии от общего к частному. Эта ситуация представляет событие с обозначением его элементарных пропозиций, объединенных единым местом и временем действия.

Тактику вербализации этой событийной ситуации можно назвать лаконичной. Первые три пропозиции формулируются одним сложным предложением, сочиненные элементы которого, соответствующие каждой из пропозиций, либо не распространены, либо распространены незначительно. Зато номинация места действия в третьем из сочиненных элементарных предложений сопровождается комментирующим авторским описанием в форме придаточного определительного. Общим свойством описания в связи с его комментирующей функцией в тексте является его подчиненность событийным элементам, а в данном случае и в связи с манифестацией посредством синтаксического подчинения. Таким образом, поскольку в данной контекстной ситуации доминируют событийные элементы, она может считаться акциональной, а ее дескриптивные элементы — комментирующими.

В зависимости от доминантного положения акциональных или комментирующих элементов могут быть определены и другие ситуации этого эпизода. Это наблюдение, по нашему мнению, дает основание для того, чтобы классифицировать контекстные ситуации нарратива вообще и различать акциональные ситуации, кото-

рые относятся к «событию, о котором рассказано», и комментирующие (не только дескриптивные), которые относятся к «событию самого рассказывания» [2, с. 403]. Хотя их отношение к нарративу имеет разные основания, и акциональные, и комментирующие ситуации являются вербальной стороной нарративной стратегии дискурса.

Литература

1. Андреева, В. А. Литературный нарратив: текст и дискурс. СПб.: Норма, 2006. 182 с.
2. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худ. литература, 1975. 504 с.
3. Бройтман, Й., Харре, Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29–52.
4. Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Изд. Кулагиной, Интрада, 2008. 360 с.
5. Рикёр, П. Время и рассказ: в 2 т. Т. 1. М.; СПб.: Культурная инициатива. Университетская книга, 2000. 313 с.
6. Тюпа, В. И. Очерк современной нарратологии // Критика и семиотика. Вып. 5. 2002. С. 5–31.
7. Mann, Th. Der Tod in Venedig. Erzählungen. Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag, 1989. 430 S.
8. Martinez, M., Scheffel, M. Einführung in die Erzähltheorie. 9. erweiterte und aktualisierte Aufl. München: Verlag C. H. Beck. 2012. 222 S.
9. Stutterheim, Ch. von. Einige Prinzipien des Textaufbaus. Empirische Untersuchungen zur Produktion mündlicher Texte. Tübingen: Niemeyer, 1997. 375 S.

References

1. Andreeva, V. A. *Literaturnyi narrativ: tekst i diskurs* [*The literary Narrative: Text and Discourse*]. St. Petersburg, Norma Publ., 2006. 183 p. (In Russian)
2. Bakhtin, M. M. *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniia raznykh let* [*The Questions of Literature and Aesthetics. Research of different years*]. Moscow, Khud. literatura, 1975. 504 p. (In Russian)
3. Broitman, I., Kharre, R. *Narrativ: problemy i obeshchaniia odnoi al'ternativnoi paradigmy* [*The Narrative: Problems and Promises of an alternative Paradigm*]. *Voprosy filosofii*, 2000, no. 3, pp. 29–52. (In Russian)
4. *Poetika. Slovar' aktual'nykh terminov i poniatii* [*Poetics. The Dictionary of actual Terms and Notions*]. Ed. by N. D. Tamarchenko. Moscow, Kulagina Publ., Intrada Publ., 2008. 360 p. (In Russian)

5. Riker, P. *Vremia i rasskaz: v 2 t. T. 1* [*Time and Narrative: in 2 vol. Vol. 1*]. Moscow, St. Petersburg, Kul'turnaia initsiativa. Universitetskaja kniga, 2000. 313 p. (In Russian)
6. Tiupa, V.I. Oчерк sovremennoi narratologii [Essay of the modern Narratology]. *Kritika i semiotika*, issue 5, 2002, pp.5–31. (In Russian)
7. Mann, Th. *Der Tod in Venedig. Erzählungen*. Berlin und Weimar, Aufbau-Verlag, 1989. 430 S.
8. Martinez, M., Scheffel, M. *Einführung in die Erzähltheorie. 9. erweit. und aktualisierte Aufl.* München, Verlag C. H. Beck, 2012. 222 S.
9. Stutterheim, Chr. von. *Einige Prinzipien des Textaufbaus. Empirische Untersuchungen zur Produktion mündlicher Texte*. Tübingen, Niemeyer, 1997. 375 S.

Новожилова Ксения Ростиславовна

доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ, кандидат филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Novozhilova Kseniia Rostislavovna

Associate Professor of German Philological Department, St. Petersburg State University,
Doctor of Philological Sciences
Address: 7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation
E-mail: nowojilowa.xenya@yandex.ru

СТАНОВЛЕНИЕ УЧЕБНО-ГРАММАТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ГЕРМАНИИ И РОССИИ XVIII ВЕКА

Ключевые слова: история грамматической науки, грамматики XVIII века, учебно-грамматический дискурс, И. К. Готшед, И. К. Аделунг, М. В. Ломоносов, формирование немецкого и русского грамматического метаязыка.

В статье речь идет о формировании учебно-грамматического дискурса в эпоху Просвещения в Германии и России XVIII века, анализируемого на примере немецких и русских грамматических трудов, написанных И. К. Готшедом, И. К. Аделунгом и М. В. Ломоносовым. Сопоставительное изучение подобного дискурса в диахронии способствует выявлению черт сходства и отличий, а также установлению фактов взаимовлияния и взаимообусловленности. В процессе исследования была выявлена роль указанных ученых в становлении учебно-грамматического дискурса и обнаружена тесная связь между научными и дидактическими вопросами; установлены факты, свидетельствующие о том, что они были знакомы с трудами друг друга. Проведенное исследование позволило также отметить сходство между разработанными данными учеными принципами образования. Среди этих принципов можно выделить такие, как просвещение широких слоев населения, роль школы, значимость изучения родного языка, развитие методики преподавания. Далее в статье предпринимается сопоставительный анализ предисловий трех авторов с точки зрения целевой группы адресатов и основных целей анализируемых грамматических сочинений. В заключении объясняется важность изучения грамматических трудов XVIII века.

K. A. FILIPPOV, L. N. GRIGORIEVA
St. Petersburg State University

DEVELOPMENT OF EDUCATIONAL GRAMMAR DISCOURSE IN XVIII CENTURY GERMANY AND RUSSIA

Keywords: history of grammar, grammar books in XVIII century, educational grammar discourse, J. K. Gotsched, J. K. Adelung, M. V. Lomonosov, development of German and Russian grammar terminology.

This article focuses on the formation and development of an educational grammar discourse in the age of Enlightenment in 18th century Germany and Russia. The analysis is based on the examples from the German and Russian grammatical works written by J. K. Gotsched, J. K. Adelung and M. V. Lomonosov. Comparative studying of a similar discourse in a diachrony enables to detect similarities and differences, and also the facts of interference and interconditionality. The research revealed the role of individual scientists in formation of an educational grammar discourse, and close connection between scientific and didactic aspects. Furthermore, the analysis of the facts showed that these scientists were familiar with each other's studies. The conducted research also allowed to note similarity between the principles of education

developed by these scientists. It is possible to distinguish different branches among these principles, such as education of a general population, role of school, importance of the native language studies, and development of teaching techniques. Beyond that, this article offers the comparative analysis of forewords written by these three authors from the point of view of the target audience and main objectives of these grammatical works. The conclusion of this article indicates the reason behind the importance of studying the 18th century grammatical works.

В качестве преамбулы для настоящей статьи, посвященной сопоставительному исследованию немецких и русских грамматик эпохи Просвещения, хотелось бы привести слова известного петербургского ученого-лексикографа А. С. Герда:

«Научный текст и как совокупность текстов разных авторов, и как отдельный индивидуальный текст, и как отдельная теория не существует вне истории науки, вне эволюции научного знания. Именно в связи с этим следует особо подчеркнуть значение изучения истории формирования научного текста. Процесс формирования письменного научного текста как совокупности текстов разных авторов может быть достаточно полно раскрыт только через изучение функционирования этого типа текста в течение ряда отдельно взятых хронологических периодов, синхронных срезов, путем моделирования морфологии, лексики, семантики, синтаксиса этих текстов в тесной связи с историей данной науки» [2, с. 70].

Данная цитата объясняет значимость диахронического изучения научного дискурса, в том числе его становления на материале разных языков, что позволяет выявить черты сходства и отличий между ними, а также установить возможное влияние и взаимозависимость.

Под учебно-грамматическим дискурсом в Германии и России XVIII века мы понимаем совокупность текстов, содержащих грамматическое описание фактов немецкого и русского языков и направленных на обучение и усвоение грамматических систем. При этом не следует забывать, что дидактическая направленность научных описаний характерна для эпохи Просвещения в целом, утверждавшей культ науки и ориентировавшейся на просветительство всех слоев населения.

Германия после революции во Франции становится центром просветительской мысли. Такие представители немецкого Просвещения

щения, как ученые Готфрид Вильгельм Лейбниц и Христиан Вольф, философы Вильгельм Гумбольдт, Фихте и Эммануил Кант, литераторы Иоганн Готфрид Гердер, Иоганн Вольфганг Гёте, педагоги Вольфганг Ратке, Иоахим Генрих Кампе, Иоганн Бернхард Базедов и др. внесли значительный теоретический вклад в развитие основных идей той эпохи. Упоминание этих имен, хотя и не связанных напрямую с языкознанием, не должно никого смущать, потому что именно благодаря им немецкий язык стал полноценным средством коммуникации в Германии XVIII века.

Благодаря произведениям Гумбольдта, Фихте, Канта, Гердера и Гёте немецкий язык достиг необычайной выразительности. Ратке, Кампе и Базедов сделали многое для совершенствования системы образования. Кампе, автор 38-томной «Детской библиотеки», частично переведенной на русский язык, настаивал на необходимости преподавания широкого спектра как естественных, так и гуманитарных наук, отодвигая на задний план религиозные. Базедов в своей педагогической системе подчеркивал роль преподавания родного языка и живых иностранных языков, развивая у своих обучаемых, которых он набирал из представителей самых разных сословий, самостоятельность и творческие начала. Ратке в своем «Франкфуртском мемориале» (1612) тоже уделил особое внимание преподаванию родного языка в начальной школе, которое должно было стать основой всего процесса образования.

В трудах Лейбница и Вольфа были заложены основы немецкоязычного научного дискурса. В своем предисловии к «Auszug aus den Anfangs-Gründen Aller Mathematischen Wissenschaften **zu bequemen Gebrauche der Anfänger**» («Выдержки из Первых начал всех математических наук для более удобного чтения начинающих») (здесь и далее выделено нами. — К. Ф., Л. Г.) Вольф пишет:

Derowegen wenn der Verstand des Menschen geändert werden sol / kann er nicht aufeinmahl zu dem höchsten Grade der Vollkommenheit gebracht werden: vielmehr muß der Anfang zur Vollkommenheit unter vielen zurückständigen Unvollkommenheiten gemacht werden. Unterdessen aber muß doch der Anfang auch ein Anfang seyn / und nicht allein einer heissen / das ist / auch bey der ersten Erlernung der Mathematick muß einige Veränderung im Verstande vorgehen und dadurch einige Fertigkeit erreicht werden / zu welcher man nicht würde kommen seyn / wenn man an deren statt etwas anders getrieben hätte.

Demnach muß die Mathematick mit den ersten Anfängern dergestalt vorgenommen werden / daß sie unvermerckt das Bild der richtigen Ordnung in ihrem Verstande erblicken / und von der Gründlichkeit einen Geschmack bekommen. Derowegen weil vielen meine Anfangs-Gründe der mathematischen Wissenschaften zu weitläufftig geschienen / als daß sie mit Anfängern in der gemeinlich ihnen vorgesetzten Kürtze der Zeit könten durchgegangen werden; über dieses auch einigen zu theuer vorkommen / und daher begehret worden / daß ich einen Auszug zu bequemerem Gebrauche der Anfänger sonderlich auf Schulen verfertigen möchte; so habe ich wegen der grossen Begierde / die ich bey mir spüre / Verstand und Tugend unter den Menschen zu einem höheren Grade zu bringen / als bisher unter ihnen angetroffen ist / mich leicht dahin bewegen lassen / diese Arbeit dergestalt über mich zu nehmen / daß ich Ihnen einen Auszug gewehren möchte / der an Grösse nicht die Helffte der Anfangs-Gründe erreichte / und doch in Ansehung der Haupt-Nutzens ihnen nichts nachgäbe [12, S. 70].

Из приведенной цитаты очевидна основная мысль Вольфа: все те, кто приступает к обучению, должны быть готовы пройти долгий путь совершенствования, чтобы упорядочить свой разум и приобрести вкус к основательности изучаемого. Явно бросается в глаза также тесная связь между сугубо научными и дидактическими вопросами.

Особое место в формировании немецкого грамматического дискурса рассматриваемого периода сыграли труды Иоганна Кристофа Готшеда и Иоганна Кристофа Аделунга, для которых также характерна неотрывность науки от преподавания. Эти авторы интересны также тем, что они наряду с Лейбницем и Вольфом во многом в силу целого ряда исторических причин оказали совершенно особое влияние на формирование самых разнообразных отраслей научного знания в России, включая грамматическую.

Готшед, известный как наиболее яркий приверженец языковой унификации в Германии во второй половине XVIII века, — автор в том числе таких грамматических сочинений, как «Ausführliche Redekunst» (1728), «Grundlegung einer deutschen Sprachkunst» (1748), «Versuch einer kritischen Dichtkunst für die Deutschen» (1730). Эксплицитное указание на потенциального адресата в последнем из названных трудов («Опыт критической поэтики для немцев») уже в заголовке подчеркивает его дидактическую направленность.

Аделунг как грамматист считается, с одной стороны, продолжателем традиций Готшеда, а с другой стороны — новатором, стремившимся вывести грамматическое описание на новую ступень развития. В подзаголовке учебника *Umständliches Gebäude der Deutschen Sprache* (1782) Аделунг специально определяет адресную направленность грамматики *Zur Erläuterung der Deutschen Sprachlehre für Schulen* («Для объяснения немецкой грамматики в школах»). Работа для школы, т.е. в целях просвещения населения, составляла важную часть грамматических трудов Аделунга. В подтверждение этой мысли приведем названия нескольких трудов Аделунга (и не только по немецкой грамматике). Ср. «*Unterweisung in den vornehmsten Künsten und Wissenschaften zum Nutzen der niedrigen Schulen*» (1771); «*Kurzer Begriff menschlichen Fertigkeiten und Kenntnisse, so fern sie auf Erwerbung des Unterhalts, auf Vergnügen, und auf Regierung der Gesellschaften abzielen Für Realschulen und das bürgerliche Leben*» (1778–1881, 2. Aufl. 1783–1789); «*Deutsche Sprachlehre. Zum Gebrauche der Schulen in den Königlich Preussischen Landen*» (1781); «*Auszug aus der Deutschen Sprachlehre für Schulen*» (1781); «*Umständliches Lehrgebäude der deutschen Sprache, Zur Erläuterung der Deutschen Sprachlehre für Schulen*» (1782).

Влияние Готшеда и Аделунга на формирование учебно-грамматического дискурса в России аналогичного периода объясняется не только знакомством с трудами этих ученых, но и некоторыми другими фактами. Так, самый известный грамматический труд Готшеда «*Grundlegung einer Deutschen Sprachkunst*» был доступен российской публике в переводе под названием «Готшедова немецкая грамматика: Вновь исправленная, и для пользы и употребления российского благородного юношества напечатанная», в 1760 году переработанная И. М. Гречем и переведенная Е. С. Харламовым (см. об этом подробнее [7]). Аделунг, в свою очередь, во втором томе своего четырехтомного словарного издания, посвященного классификации и характеристике языков мира «*Mithridates, oder allgemeine Sprachenkunde*» («Митридат, или общее языкознание»), автором и издателем которого он являлся на протяжении долгих лет, выделяет среди славянских языков русский, давая ему наиболее подробное описание, в котором упоминается «Российская грамматика» М. В. Ломоносова (см. подробнее о данном труде Аделунга в работе [1]).

Как уже упоминалось выше, представители немецкого Просвещения, заняв в нем лидирующие позиции во второй полови-

не XVIII века, оказали существенное влияние на развитие просветительских идей в России. Ярким примером продолжения их идей служат труды М. В. Ломоносова. Наиболее характерными в этом отношении являются разработанный им «Регламент» для учителей и учеников гимназий, в которых представлены следующие основные дидактические принципы: важность эмпирических знаний, доступность излагаемого материала, использование передовых научных знаний, их основательность и наглядность в изложении, самостоятельность и активность обучаемых, а также индивидуальный подход к ним. Позволим себе привести некоторые из них: «При обучении школьников паче всего наблюдаться должно, чтобы разного рода понятиями не отягощать и не приводить их в замешательство» (§ 21); «Не переводить из одного класса в другой, ежели кто не выучил всего того твердо, что в оном классе, котором учился, положено для изучения» (§ 61); «Учитель должен присматриваться к способностям учеников и знать их успехи, чтобы понимать, чего он может ожидать и требовать от каждого» (§ 95) [4, с.161–169]. Ломоносовым были созданы также первые отечественные учебные пособия по риторике, грамматике, экспериментальной физике, написанные в духе основных положений Просвещения.

Даже при поверхностном обзоре трудов немецких и российских ученых того времени бросается в глаза явное сходство в подходе и отстаиваемых ими принципах. В частности, доступность образования для всех сословий, роль школьного образования, значимость преподавания родного и живых европейских языков, основательность и удобоваримость учебного материала. Такие совпадения вовсе не означают банальных повторов, а свидетельствуют об общих устремлениях, о глубокой погруженности, в частности, Ломоносова в европейский филологический дискурс и связи, по его собственным словам, с «мировой республикой ученых» (см. об этом в работе [6]).

Обращает на себя также внимание взаимное знакомство ученых с работами своих коллег и друг друга, например ссылка на «Российскую грамматику» Ломоносова у Аделунга и рекомендация Ломоносова изучать немецкий язык по «Готшедовой грамматике» (в § 41 «Регламента»), а метафизику и практическую философию — по «Тюммингову Сокращению Волфианской философии» (§ 40 «Регламента»). Кстати, ученик Аделунга Иоганн Северин Фатер, завер-

шивший работу над трудом «Митридат, или общее языкознание», начатую Аделунгом, издал в 1808 году грамматику русского языка (на немецком языке), написанную на основе принципов, в частности, терминологии, разработанной Аделунгом (см. об этом: [7]).

Подтверждением общности служит еще и перечень тех трудов, которые рекомендуют ученые обеих стран в качестве основных учебных пособий для обучения в школах и гимназиях, авторами которых нередко являются они сами: «Выдержки из Первых начал всех математических наук» Вольфа; «Грамматика», «Риторика», «Экспериментальная физика» Ломоносова; нашедшая применение даже за рубежом «Готшедова грамматика» и «Немецкая грамматика» Аделунга, выдержавшая пять только прижизненных издания, и др.

Наиболее отчетливо эта общность прослеживается по предисловиям, предшествующим рассматриваемым грамматическим трудам. В предисловиях к своим грамматикам все три автора (Готшед, Аделунг, Ломоносов) считают своим долгом обратиться к потенциальной целевой группе адресатов.

Так, например, каждое из пяти немецких прижизненных изданий «Готшедовой грамматики» содержит обширное предисловие, в котором автор описывает задачи своего труда, объясняет внесенные в последующее издание добавления и исправления, а также благодарит тех, кто ему помогал или обращался к нему за советами при переводе его «грамматики» на другие языки или при создании подобных грамматик для других языков. Во вступлении к первому изданию своего труда, вышедшему в 1748 году ранее грамматик других рассматриваемых авторов, И. К. Готшед пишет, что его сочинение написано по-немецки, что для того времени еще не было само собой разумеющимся, и потому в первую очередь предназначено для немцев, и прежде всего для молодежи. Именно поэтому иностранец, не владеющий немецким языком, вряд ли сможет воспользоваться этой грамматикой:

«Nun ist es zwar gewiß, daß ich meine Sprachlehre zuförderst für unsere Landesleute, sonderlich für die Jugend geschrieben habe. Alle meine Regeln sind bloß deutsch abgefasset: und so lange ein Ausländer noch gar nichts Deutsches versteht, so lange kann er sie nicht einmal lesen» [10, S. 31].

Совсем под другим углом зрения выстраивает свое обращение к потенциальному читателю в предисловии к своей «Российской

грамматике», опубликованной в 1757 году, Ломоносов, подтверждением чему служат два приведенных ниже отрывка:

«Повелитель многих языков, язык российский, не токмо обширностью мест, где он господствует, но купно и собственным своим пространством и довольствием велик перед всеми в Европе. Невероятно сие покажется иностранным и некоторым природным россиянам, которые больше к чужим языкам, нежели к своему, трудов прилагали» [3, с. 391].

«И ежели чего точно изобразить не можем, не языку нашему, но недовольному своему в нем искусству приписывать должныствуем. Кто отчасу далее в нем углубляется, употребляя предводителем общее философское понятие о человеческом слове, тот увидит безмерно широкое поле или, лучше сказать, едва пределы имеющее море» [3, с. 392].

Свою задачу Ломоносов видит в том, чтобы доказать возможность использования родного языка в разных коммуникативных сферах, в том числе и для научных описаний. Он отмечает также необходимость глубокого филологического подхода к изучению языка, без которого невозможно его дальнейшее развитие. При сопоставлении предисловий Готшеда и Ломоносова обращает на себя внимание разница между ними, заключающаяся как в количественном (предисловие Готшеда превышает по объему предисловие, написанное Ломоносовым, примерно в три раза), так и в содержательном отношении (в предисловии Готшеда представлено больше коммуникативных блоков, т.е. оно отличается большим разнообразием по сравнению с предисловием Ломоносова). Общим является еще упоминание одного и того же прецедентного имени Карла V, правда, в разной связи (у Ломоносова он назван как автор известной цитаты о значении разных языков, а у Готшеда — как представитель той эпохи, когда еще не было грамматик).

Созвучным мыслям Ломоносова из приведенных выше цитат представляется также отрывок из предисловия Аделунга (к его «Deutsche Sprechlehre für Schulen», вышедшей в 1782 году), где наряду с указанием на целевую аудиторию (а именно учеников гимназий и высших учебных заведений, т.е. более конкретную и узкую по сравнению с кругом пользователей «Готшедовой грамматики»), описывается также важность привития обучаемым вкуса к изуче-

нию языка, которое может пригодиться им во всех сферах общественной жизни:

«Ich gestehe indessen gern, daß diese Sprachlehre eigentlich nur für Gymnasien und höhere Schulen, und hier vielleicht oft nur für die höhern Klassen brauchbar wird» [9, S. 5].

«Einen Umstand kann man Lehrern auf höhern und niedern Schulen nie genug empfehlen, nämlich die frühe Bildung des Geschmacks der ihr anvertrauten Jugend, ein Hilfsmittel, welches in dem ganzen gesellschaftlichen Leben, in alle Künsten und Wissenschaften, und vornehmlich in den Sprachen von der größten Wichtigkeit und Notwendigkeit ist» [там же].

Ко второму изданию своей Грамматики (1782) Аделунг написал специальное предисловие для учителей, в котором указал, что современная грамматика не должна быть копией латинских грамматик.

«Немецкая грамматика» Аделунга является самой поздней по написанию, и потому в ней наиболее полно были воплощены зрелые идеи Просвещения, ознаменовавшие собой одновременно переход к следующей эпохе в развитии языкознания — к становлению подлинно научного учебно-грамматического дискурса. Известно также, что данное сочинение было им написано по заказу Фридриха II и призвано заменить «Готшедову грамматику», что вполне удалось. Об этом свидетельствует, например, отрывок из «Ideen — Das Buch le Grand» Генриха Гейне, отметившего данный факт в свойственной ему ироничной манере:

Denn wir armen Deutschen, die wir schon mit Einqartierungen, Militärflichten, Kopfsteuern und tausenderlei Abgaben genug geplagt sind, wir haben uns noch obendrein den Adelung aufgesackt und quälen uns einander mit dem Akkusativ und Dativ [11, S. 28].

Закончить данную статью хотелось бы показавшейся нам крайне уместной цитатой известного современного немецкого лингвиста Петера Ауэра, который очень высоко оценивает роль нормативных грамматик XVIII века в процессе становления нормативного немецкого языка и подлинно научного описания грамматических фактов:

Normative Grammatiken sind also ganz besonders wichtig, wenn für eine Sprache eine Standardnorm entwickeln werden soll. Zu Adelungs

Zeiten gab es die für das Deutsche nur in Ansätzen. Normative Grammatiken sind also ihrer Natur nach keine Beschreibung des Ist-Zustandes einer Sprache, sondern sie definieren einen Soll-Zustand. Solche Grammatiken werden deshalb auch für den Fremdsprachenunterricht geschrieben und spielen dort eine wichtige Rolle [9, S. 24].

В этих словах отмечено, что во второй половине XVIII века намечается постепенный переход от предписывающего характера грамматики к научному осмыслению фактов немецкого языка (т. е. переход грамматического описания от «Soll-Zustand» к «Ist-Zustand» в терминах П. Ауэра). Поэтому грамматические труды немецких и российских ученых этого времени, ставшие в данной статье предметом анализа, несомненно нуждаются в дальнейшем более тщательном сопоставительном изучении, линии которого были здесь лишь намечены.

Литература

1. Волошина, О. А. «Митридат» Аделунга и теория происхождения языка // Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 3(1). С. 320–326.
2. Герд, А. С. Специальный текст как предмет прикладного языкознания // Прикладное языкознание: учебник / Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, Г. Я. Мартыненко и др.; отв. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. С. 68–90.
3. Ломоносов, М. В. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. Труды по филологии (1739–1758). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 996 с.
4. Ломоносов, М. В. Из «Проекта регламента Академической гимназии» // Ломоносов М. В. О воспитании и образовании. М.: Педагогика, 1991. С. 161–169.
5. Манерова, К. В. К вопросу развития немецкой языковедческой терминологии в трудах просветителя Иоганна Кристофа Аделунга (1732–1806) // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. Вып. 4. 2013. С. 78–84.
6. Филиппов, К. А., Волков, С. Св. М. В. Ломоносов и европейский научный дискурс XVIII века: Г. В. Лейбниц, Х. Вольф, И. К. Готтшед; науч. доклады. СПб.: СПбГУ, Филологический факультет, 2014. 59 с.
7. Филиппов, К. А., Григорьева, Л. Н. К вопросу о вариативности переводных грамматик в России XVIII века // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. Вып. VI. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2016. С. 206–217.
8. Johann Christoph Adelung Deutsche Sprachlehre. Wien: o.V., 1782.

9. Auer, P. Einleitung // Sprachwissenschaft. Grammatik — Interaktion — Kognition / Hrsg. P. Auer. Stuttgart; Weimar: Verlag J. B. Metzler, 2013. S. 1–41.
10. Gottsched, J. Chr. Grundlegung einer Deutschen Sprachkunst. Nach den Mustern der besten Schriftsteller des vorigen und jetzigen Jahrhunderts abgefasst. Leipzig, 1748.
11. Heine, H. Ideen — Das Buch le Grand / Heines Werke in fünf Bänden. Bd. 3. Berlin; Weimer: Aufbau-Verlag, 1970. S. 5–69.
12. Wolff, Chr. Auszug Aus den Anfangs-Gründen Aller Mathematischen Wissenschaften zu bequemeren Gebrauche der Anfänger. 2. Aufl. Halle, 1724.

References

1. Voloshina, O. A. «Mitridat» Adelunga i teoriia proiskhozhdeniia iazyka [“Mithridates” of Adelung and Theory of the Origin of the Language]. *Vestnik Nizhegorod. universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2014, no. 3–1, pp. 320–326. (In Russian)
2. Gerd, A. S. Spetsial’nyi tekst kak predmet prikladnogo iazykoznaniiia [Special Texts as Subject of applied Linguistics]. *Prikladnoe iazykoznanie: uchebnik [Applied Linguistics: Textbook]*. L. V. Bondarko, L. A. Verbitskaya, G. Ya. Martynenko et al.; ed. by A. S. Gerd. St. Petersburg, St.-Petersburg University Press, 1996, pp. 68–90. (In Russian)
3. Lomonosov, M. V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 t. T. 7. Trudy po filologii (1739–1758) [The complete Works: in 10 vol. Vol. 7. Works of Philology (1739–1758)]*. Moscow, Leningrad, Izdatel’stvo Akademii nauk SSSR, 1952. 996 p. (In Russian)
4. Lomonosov, M. V. Iz «Proekta reglamenta Akademicheskoi gimnazii» [From “Project for Rules of academy Gymnasium”]. *Lomonosov M. V. O vospitanii i obrazovanii [Lomonosov M. V. About Mentoring and Education]*. Moscow, Pedagogika Publ., 1991, pp. 161–169. (In Russian)
5. Manerova, K. V. K voprosu razvitiia nemetskoii iazykovedcheskoi terminologii v trudakh prosvetitelia Ioganna Kristofa Adelunga (1732–1806) [Revisiting the Evolution of Germany language Terminology in the works of Enlightenment Johann Christoph Adelung (1732–1806)]. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Seria 9. Filology. Asian Studies. African Studies*, 2013, iss. 4, pp. 78–84. (In Russian)
6. Filippov, K. A., Volkov, S. Sv. M. V. *Lomonosov i evropeiskii nauchnyi diskurs XVIII veka: G. V. Leibnits, Kh. Vol’f, I. K. Gottshed [M. V. Lomonosov and European scientific Discourse in XVIII Century: G. W. Leibnitz, Ch. Wolf, J. Ch. Gottsched]*: Nauchnye doklady. St. Petersburg, SPbGU, filologicheskiiy fakultet Publ., 2014. 59 p. (In Russian)
7. Filippov, K. A., Grigor’eva, L. N. K voprosu o variativnosti perevodnykh grammatik v Rossii XVIII veka [Variations of translated Grammar Books in XVIII Century Russia]. *Nemetskaia filologiiia v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom*

universitete. Vyp. VI. St. Petersburg, St. Peterburg University Press, 2016, pp. 206–217. (In Russian)

8. *Johann Christoph Adelungs Deutsche Sprachlehre*. Wien: o.V., 1782.

9. Auer, P. Einleitung. *Sprachwissenschaft. Grammatik — Interaktion — Kognition* / Hrsg. P. Auer. Stuttgart, Weimar, Verlag J. B. Metzler, 2013, S. 1–41.

10. Gottsched, J. Ch. *Grundlegung einer Deutschen Sprachkunst. Nach den Mustern der besten Schriftsteller des vorigen und jetzigen Jahrhunderts abgefasst*. Leipzig, 1748.

11. Heine, H. *Ideen — Das Buch le Grand*. Heines Werke in fünf Bänden. Bd. 3. Berlin und Weimer, Aufbau-Verlag, 1970, S. 5–69.

12. Wolff, Chr. *Auszug Aus den Anfangs-Gründen Aller Mathematischen Wissenschaften zu bequemerem Gebrauche der Anfänger*. 2. Aufl. Halle, 1724.

Филиппов Константин Анатольевич

профессор кафедры немецкой филологии СПбГУ, доктор филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Philippov Konstantin Anatolievich

Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University,

Doctor of Philological Sciences

Address: 7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: k-fili@mail.ru

Пригорьева Любовь Николаевна

доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ, кандидат филологических наук

Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Grigorieva Liubov Nicolaievna

Associate Professor of German Philological Department, St. Petersburg State University,

Doctor of Philological Sciences

Address: 7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: liubov.n.grogorieva@gmail.com

И. Е. ЕЗАН, Е. А. КОВТУНОВА
Санкт-Петербургский государственный университет

АГИТАЦИОННАЯ ЛИСТОВКА В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ключевые слова: политическая лингвистика, политический дискурс, рекламный дискурс, немецкая агитационная листовка.

Статья посвящена изучению агитационной листовки в дискурсивном аспекте. Материалом исследования послужили листовки немецких политических партий, созданные во время предвыборной кампании 2013 года. Рассматриваются свойственные политической листовке характеристики политического и рекламного дискурса. Особое внимание уделяется агитационным стратегиям, структурно-семантической организации и языковым средствам воздействия на примере текстов листовок блока ХДС / ХСС.

I. E. EZAN, E. A. KOVTUNOVA
St. Petersburg State University

CAMPAIGN LEAFLETS IN MODERN GERMAN POLITICAL DISCOURSE

Keywords: political linguistics, political discourse, the discourse of advertising, German propaganda leaflet.

The article is devoted to the study of German propaganda leaflets in the discursive aspect. The material of the study is based on the leaflets of German political parties, created during the 2013 election campaign. The peculiar characteristics of political and advertising discourse, typical for a political leaflet are considered. Using the CDU / CSU bloc of leaflets texts as an example, we pay particular attention to agitational strategies, structural-semantic organization and linguistic means, aimed at influence.

Настоящая статья посвящена изучению немецкой агитационной листовки в дискурсивном аспекте. Обосновать выбор объекта и ракурса исследования можно следующим образом. Во-первых, мы исходим из того, что важнейшим постулатом современной политической лингвистики является дискурсивный подход к изучению политических текстов. Это означает, что «каждый конкретный текст рассматривается в контексте политической ситуации, в которой он создан, в его соотношении с другими текстами, с учетом целевых установок, политических взглядов и личностных качеств автора, специфики восприятия этого текста различными людьми. Обязательно учитывается та роль, которую этот текст может играть

в системе политических текстов и — шире — в политической жизни страны» [1, с.90–91]. Во-вторых, современная политическая лингвистика продолжает активно исследовать проблемы жанров политической речи, а также особенности функционирования политических текстов. И наконец, в-третьих, одним из направлений современной политолингвистики является обращение к проблемам идиостиля не только отдельных политиков, но и политических партий и направлений, стратегий, тактик и приемов политической коммуникации, «что делает необходимым и анализ композиции, лексики и фразеологии политических текстов, использования в них образных средств» [там же].

Среди политических жанров и типов текста именно агитационные тексты, к которым принадлежит листовка, наименее изучены в лингвистике. Можно упомянуть работы Т.Г.Федотовских [12] и О.Ю.Проничевой [10], в которых рассматриваются некоторые аспекты русской политической листовки. Есть немногочисленные исследования, посвященные немецким листовкам отдельных исторических периодов [15], а также языковым средствам и приемам воздействия на реципиента в немецкой политической листовке [4]. Однако чаще в зарубежной и отечественной политической лингвистике агитационная листовка рассматривается в контексте политической рекламы наряду с другими жанрами [6, 17], где ей не уделяется достаточного внимания.

Русскому термину «листовка» в немецком соответствуют термины *Flugblatt* / *Flugschrift*. В обоих случаях речь идет о текстах, имеющих широкое распространение (*mit großer Verbreitung* — *Flugblatt*; *mit möglichst großer Verbreitung* — *Flugschrift*). Определение термина *Flugblatt* в словаре Wahrig указывает на формат и характер текстов (*Einblattdruck*), на информационную и рекламную составляющую (*Mitteilungsblatt*, *Werbeblatt*), а также на большой тираж и широкое распространение (*mit großer Auflage u. Verbreitung*) [19, S. 486].

Дефиниция термина *Flugschrift* включает указания на больший объем (*Broschüre*) и принадлежность скорее общественно-политическому дискурсу (*meist polit. Streit- od. Parteischrift*). Целью данных текстов является формирование общественного мнения (*zur öffentlichen Meinungsbildung mit möglichst großer Verbreitung*) [18, S. 487].

При описании данного типа текста Й. Кляйн использует также такие синонимы, как *Faltblatt*, *Flyer* и *Handzettel* [17, S. 173].

В толковом словаре С. И. Ожегова мы находим такую дефиницию: «Листовка — печатный или рукописный листок злободневного агитационного, политического или информационного содержания» [8].

Опираясь на анализ кодификации данного термина в нескольких словарях, можно заключить, что листовка в широком смысле представляет собой текст, объем которого составляет одну-две печатных страницы, может содержать невербальный компонент (иллюстрацию), распространяется среди масс, служит целям политической и социальной пропаганды, агитации, экономической рекламы; используется для широкого распространения какой-либо информации.

Характерными чертами листовки являются актуальность и доступность ее содержания, демократичность тематики, простота композиционного и стилевого построения [9, с. 85–94].

Современная политическая (агитационная) листовка — это печатный лист политического содержания (или его интернет-версия). Данный феномен связан с коммуникативной ситуацией выборов и имеет четкую агитационную стратегию. Именно во время предвыборных кампаний создаются и распространяются листовки, особые тексты, прагматической целью которых является посредством позиционирования кандидата (партии) в глазах избирателей убедить последних прийти на выборы и проголосовать именно за кандидата (за партию).

Обычно агитационная листовка предназначается для того, чтобы объединить позиции адресата и адресанта, сделать из адресата по возможности не только сторонника, но и агитатора. Так, в листовках антифашистской группы сопротивления «Белая роза» содержится фраза: «Wir bitten Sie, dieses Blatt mit möglichst vielen Durchschlägen abzuschreiben und weiter zu verteilen!» [18]

Материалом нашего исследования послужили агитационные листовки немецких политических партий, созданные во время предвыборной кампании 2013 года.

Дискурсивный аспект агитационной политической листовки определяется прежде всего ее отнесенностью к дискурсу политической рекламы и к агитационному дискурсу.

При характеристике современного состояния политического дискурса часто указывается на тот факт, что различные тексты тематически концентрируются вокруг определенных политических событий. Поэтому некоторые ученые выделяют в качестве состав-

ляющей политической коммуникации агитационный дискурс, который «комбинируется из высказываний и текстов, объединенных единой стратегической линией: побудить адресата (избирателей) к выбору того или иного кандидата, убедить адресата в необходимости совершения сознательного действия» [5, с. 216].

Как известно, политический дискурс относится к институциональному типу (по В. И. Карасику), так как в политике мы имеем дело с актами коммуникации между представителями определенного социального института. Институциональный дискурс выделяется на основании нескольких признаков [3], основными из которых являются, на наш взгляд, цели и участники общения.

Целью институционального общения, как отмечают многие исследователи, в частности В. И. Карасик, Е. И. Шейгал, является поддержание институтов. Участников институционального дискурса называют агентами и клиентами. Агенты — лица, которые играют активную роль (в случае с листовками это, как правило, анонимные составители листовок, выступающие от имени политических партий или отдельных политиков), клиенты — те, кто являются представителями общества по отношению к представителям института (в нашем случае — потенциальные избиратели).

Находясь на пересечении политического и рекламного дискурсов, политическая реклама представляет собой одну из форм политической коммуникации в предвыборный период. Тексты предвыборных листовок выполняют рекламную функцию, служат осуществлению «влияния через информирование для создания мотивации к действию». По словам Е. И. Шейгал, «такой подход охватывает как коммерческую рекламу (цель которой — формирование потребности совершить покупку), так и некоммерческую — политическую и социальную рекламу, направленную на регуляцию отношений в социуме» [13, с. 27].

По мнению С. В. Никитиной [7], политическая реклама обладает всеми основными атрибутами рекламного дискурса: номинируется предмет рекламы, указываются его выигрышные характеристики, планируется позитивная ответная реакция. В текстах политической рекламы реализуются базовые функции рекламы — информирование и воздействие. В научной литературе существует распространенный подход, который относит к политической рекламе все виды информации, которые «нацелены на формирование позитивного образа политического объекта» [11, с. 494].

Интересен взгляд немецких исследователей на современные тенденции в описании типов текста в политической коммуникации и политическую рекламу. Так, Й. Кляйн отмечает доминирование прагматической перспективы. Х. Грюнерт (1984) и Г. Штраус (1986) оперируют в этой связи понятием языковой игры (*Sprachspiel*), которое восходит к Л. Витгенштейну. Классификация Х. Грюнерта содержит четыре типа языковых игр: регулятивную, инструментальную, интегративную, а также информативную языковую игру (*informatives Sprachspiel*), которая включает в себя политическую рекламу (см. работу Кляйна [17, с. 153–154]).

Г. Штраус предлагает более развернутую классификацию, в которой он ориентируется на аргументацию, доминирующие коммуникативные действия и текстовую функцию. Политическая реклама и пропаганда в рамках данного подхода анализируются исследователем отдельно. В отличие от всех перечисленных классификаций, автор принимает во внимание грамматические, лексические характеристики, а также особенности структуры текста. Политическая реклама партий изучается отдельным пунктом и включает в себя типы текстов, ориентированные на избирателей, в первую очередь типы текстов предвыборных кампаний. Политическую листовку как самую малую по объему форму предвыборной агитации Г. Штраус относит к отдельной группе текстов вместе с предвыборной брошюрой / проспектом (*Wahlbroschüre / Wahlplakat*) [17, S. 153–154, 173].

Композиция листовки и использование тех или иных языковых средств определяются как глобальной агитационной стратегией данного жанра, так и агитационными стратегиями конкретных партий (кандидатов).

Среди агитационных приемов О. Ю. Проничева, например, выделяет четыре способа «повышения эффективности сюжетно-тематической части текста в агитационной листовке»: персонификацию, конфликт, наличие столкновения одной группы фактов с другой или одной персоналии с другой, узнаваемость объекта/события и масштабность [10]. Иногда современные листовки отсылают к событиям прошлого, таким образом, читатель может оценить роль данной партии или кандидата в истории страны.

Проанализируем одну из агитационных листовок партии ХДС (CDU), появившуюся в период предвыборной кампании 2013 года [14]. Она обладает достаточно стандартной композицией. Как

и в других листовках данной партии, в ней нам удалось обнаружить, с одной стороны, целый комплекс агитационных приемов, с другой стороны — пересечение описанных выше типов дискурса.

Рассматриваемая листовка имеет вербальный и невербальный компоненты (в нижнем левом углу расположена эмблема партии). Однако в качестве основного средства воздействия используется вербальный компонент. Если рассматривать структуру листовки, то в первую очередь обращает на себя внимание указание на тему: *20 Jahre Solidarpakt*. Тема указана в левом верхнем углу листовки, выделена жирным шрифтом и находится на периферии восприятия. Внимание читателя привлекает основной заголовок, выполненный гораздо более крупным шрифтом с жирным начертанием: *Ein großes Gemeinschaftswerk!* Восклицательный знак в заголовке подчеркивает значимость достигнутых совместными усилиями результатов и отражает нацеленность текста на эмоциональное воздействие.

В заголовках авторы листовок предпочитают использовать безглагольные конструкции, как и в нашем примере. Многие исследователи, в частности, Е. И. Шейгал, объясняют это «большей энергетикой и категоричностью назывных фраз, а также большей «топикальностью» существительного по сравнению с глаголом в политическом дискурсе — именно существительное является выразителем подавляющего большинства политических концептов» [13, с. 262].

В структуре анализируемого текста можно выделить также своего рода введение в историю вопроса, отличающееся от основного текста листовки полужирным начертанием:

1990 war die DDR pleite. Seither müssen die Neuen Länder mit großen Anstrengungen die Folgen von Sozialismus und Planwirtschaft beseitigen. Um sie dabei zu unterstützen, beschlossen am 13. März 1993 die von Helmut Kohl geführte Bundesregierung und die Ministerpräsidenten der Länder den Solidarpakt. Diese Unterstützung leistet bis heute wichtige Beiträge für Wachstum und Wohlstand in den Neuen Ländern. Sie hilft, vergleichbare Lebensbedingungen in Ost und West zu schaffen.

Политические ключевые слова с положительной коннотацией «рост» (*Wachstum*) и «благосостояние» (*Wohlstand*), которые, согласно тексту, характеризуют актуальное экономическое положение в новых федеральных землях, противопоставляются

другим ключевым словам, «социализм» (*Sozialismus*) и «плановая экономика» (*Planwirtschaft*), приобретающим в данном контексте негативную оценочность и относящимся к ситуации, когда ГДР находилась в фазе экономического банкротства. Пакт солидарности предусматривал финансовую поддержку экономики бывшей ГДР. Таким образом, уже в первой части текста мы наблюдаем как конфликт (наличие столкновения одной группы фактов с другой), так и узнаваемость / масштабность исторического события (единство, пакт солидарности). Кроме того, данный абзац указывает на роль в описываемых событиях федерального канцлера Гельмута Коля, который вошел в историю Германии как «канцлер единства» и который, кстати, возглавлял в то время Христианско-демократический союз (ХДС). То есть можно наблюдать использование приема персонификации, когда отрицательное или положительное событие либо действие ассоциируется с определенным лицом.

Основной текст, в котором описываются достижения партии за последние двадцать лет, визуально разделяется на подпункты:

- *Städte und Dörfer präsentieren sich in neuem Glanz. Sie sind lebenswert und für Menschen aus der ganzen Welt zu einem touristischen Anziehungspunkt geworden.*
- *1989 war die Elbe ein „toter“ Fluss; heute ist zwischen Sachsen und Hamburg der Lachs wieder heimisch.*
- *Wer heute in den Neuen Ländern geboren wird, hat eine sechs Jahre höhere Lebenserwartung als 1989. Das zeigt: Eine moderne Gesundheitsversorgung und eine erholte Umwelt haben die Lebensbedingungen erheblich verbessert.*

Такое «подведение итогов», насыщенное оценочной лексикой, которая служит противопоставлению «плохого прошлого» („*toter Fluss*») и «хорошего настоящего» (*in neuem Glanz, lebenswert, zu einem touristischen Anziehungspunkt geworden, eine sechs Jahre höhere Lebenserwartung, eine moderne Gesundheitsversorgung, eine erholte Umwelt, erheblich verbessert*), вполне обоснованно, так как блок ХДС/ХСС на момент предвыборной кампании входит в правящую коалицию. Последние два абзаца во многом относятся к будущему и содержат предвыборные обещания (*läuft bis 2019, wird Mittel und Zeit nutzen, den Aufschwung im Osten fortführen*). Как правило, «образ будущего» является обязательной составляющей предвыборных кампаний:

- *Der Solidarpakt läuft bis 2019. Dazu stehen wir. Die CDU wird Mittel und Zeit nutzen, um den Aufschwung im Osten fortzuführen. Ebenso unterstützen wir den Strukturwandel in den westlichen Ländern — etwa mit dem Programm „Stadtumbau West“ der Bundesregierung, das inzwischen mehr als 400 Kommunen zu Gute gekommen ist.*
- *Auch Familienangehörige, Freunde und Bekannte von Betroffenen können sich über Hilfsangebote informieren oder direkt beraten lassen.*

Таким образом, у адресата создается впечатление о практической результативности политики партии, хотя часто имеют место абстрактные формулировки (*vergleichbare Lebensbedingungen, Mittel und Zeit nutzen, den Aufschwung fortführen, sich über Hilfsangebote informieren*).

Заключительный абзац также выделен жирным шрифтом, в нем формулируется основная задача партии:

Es ist das zentrale Anliegen der CDU, den Zusammenhalt in unserem Vaterland zu stärken. Gemeinsam haben wir die Einheit Deutschlands hergestellt, gemeinsam wollen wir sie leben. Dabei bleibt die CDU Deutschlands die treibende Kraft. Wir sind die Union Deutschlands.

На наш взгляд, в этой части листовки мы имеем дело с эмоционально-обобщающим заключением. Как и во многих других, в данном заключении используются структуры, очень близкие к лозунгам («*Gemeinsam haben wir die Einheit Deutschlands hergestellt, gemeinsam wollen wir sie leben. Wir sind die Union Deutschlands*»). С лозунгами как суггестивными текстами сближает подобные конструкции прежде всего звуко-ритмическая сторона, находящая свое отражение, например, в лексических повторах и синтаксическом параллелизме. Е. И. Шейгал отмечает «значимый для пропагандистского внушения феномен повторения» [13, с. 262]. К тому же в заключении имеются явные семантические повторы того, о чем шла речь в заголовке и во введении (*Gemeinschaftswerk / gemeinsam, Solidar- / Zusammenhalt*), образуя круговую композицию. Повторы основных понятий присутствуют и во всем тексте: *Solidarpakt* (3 раза), *Neuen Länder* (4 раза).

Важную роль в контексте играет ключевое слово *Einheit* ('единство'), которое было определяющим в политике ФРГ в 50-е и 60-е годы прошлого столетия и имело положительную оценку. На протяжении десятилетий немцы стремились к достижению единства своего

народа. В 1970-е годы, в период холодной войны, использование этой лексемы в общественных и политических дискуссиях становится менее частотным, поскольку объединение двух немецких государств казалось в то время невозможным. Существительное *Einheit* снова приобретает популярность в период объединения Германии [2]. На семантическом уровне ключевое слово *Einheit* согласуется с *Union* ('союз'). Данную ассоциативную связь активно используют авторы листовок партии ХДС, которая снова и снова претендует на исключительную роль в объединении Германии. Учитывая консервативную составляющую партийной идеологии, обращение к историческим событиям в листовках ХДС вполне закономерно.

Анализируемая листовка сочетает в себе характеристики политического (предвыборного / агитационного) и рекламного дискурсов. Цель побудить избирателя прийти на выборы и проголосовать за ХДС, достигается в основном косвенно, при помощи различных языковых и неязыковых средств.

Агитационная листовка является одной из составляющих общей агитационной стратегии партии или кандидата во время конкретной предвыборной кампании. В 2013 году на выборах в Бундестаг одержал победу блок ХДС / ХСС, что позволяет сделать вывод о том, что их агитационная стратегия оказалась самой верной. Исследователь Й. Кляйн называет ее «Feel-good-Kampagne» [16, S. 195] и выделяет языковые стратегии, на которых она базируется. Данные стратегии нашли своё отражение и в анализируемом тексте.

- Семантическая деэскалация (Semantische Deeskalation). Как показал анализ, в тексте практически отсутствуют негативно окрашенные языковые элементы и понятия. Нам удалось обнаружить две лексемы с явно отрицательной оценочностью (*pleite*, *tot*), в обоих случаях они относятся к прошлому и поддерживают положительный образ настоящего, постулируемый ХДС. Даже если имеет место конфликт или сравнение, авторы обычно избегают прямых негативных номинаций. ХДС стремится всеми средствами передать гармоничный образ современного немецкого общества: *Die Union malt ein harmonisches Gesellschaftsbild* [16]: *gemeinsam erfolgreich, Zusammenhalt, höhere Lebenserwartung*.
- Исключение поляризации (Polarisierungsphobie). Агитационная стратегия ХДС 2013 года отличалась практически отсутствием

негативных оценок в адрес политических противников. В анализируемом тексте основаниями для сравнений и сопоставлений являются не другие партии-соперники, а события из прошлого Германии.

- Позитивная самопрезентация (Selbstaufwertung). На материале нашего текста легко проследить различные формы демонстрации собственных успехов и обещаний, хотя и без излишней эмоциональности и смелых метафор (*neue Arbeitsplätze, attraktive Städte, Wirtschaftsleistung*). Предметами положительной оценки во время всей предвыборной кампании являются Германия, Ангела Меркель, ХДС/ХСС, в тексте это ХДС и предшественник А. Меркель — Г. Коль.
- Языковая доступность (Sprachliche Eingängigkeit). Й. Кляйн пишет об упрощении терминов и номинативных блоков, а также об использовании неосложненных синтаксических конструкций [16]. Приведем примеры из анализируемого текста. Инфинитивная конструкция *hilft, vergleichbare Lebensbedingungen in Ost und West zu schaffen* может быть трансформирована в номинативный блок *Hilfe bei der Schaffung vergleichbarer Lebensbedingungen in Ost und West*. Авторы листовки избегают употребления узкоспециальной терминологии и используют более общедоступные понятия, например *Lebensbedingungen* вместо *Lebensqualität*, *Wirtschaftsleistung* вместо возможной в данном контексте лексемы *Bruttoinlandsprodukt*. Приведем пример неосложненной синтаксической конструкции: *Das zeigt: Eine moderne Gesundheitsversorgung und eine erholte Umwelt haben die Lebensbedingungen erheblich verbessert.*

Рассмотренная выше листовка представляет собой агитационный текст, ориентированный на широкий круг адресатов и апеллирующий одновременно к жителям Восточной и Западной Германии, которые стали историческими свидетелями описываемых политических и экономических событий. Кроме того, данная листовка представляет собой небольшой экскурс в историю успешной политики партии, что может представлять интерес и для более молодой аудитории. Тем самым круг адресатов расширяется.

Таким образом, на примере ХДС мы видим, что немецкие политические партии, на протяжении десятилетий входящие в правящие коалиции, используют определенные языковые стратегии

и концепты, которые позволяют им создать конкурентоспособный имидж, отличный от других партий. За всю историю существования ФРГ коалиция ХДС / ХСС чаще всего оказывалась у власти, что может говорить как о действенности ее основных принципов, так и о правильности выбора языковых стратегий.

Наше исследование показало, что такой постоянно эволюционирующий жанр политического дискурса, как агитационная политическая листовка, не только сообщает информацию, но и формирует мнение адресата, воздействует на волеизъявление избирателей. Подобная прагматическая установка определяет структурно-семантическую организацию текста политической листовки. Дискурсивный анализ агитационной листовки невозможен без учета разного типа контекстов: исторического, культурного, идеологического, социального и др. Предвыборный агитационный дискурс представляет собой сложный многоуровневый конструкт. Дискурс-анализ единиц разных уровней позволяет реконструировать взаимосвязь между языковыми средствами и политическими институтами и показывает, как при помощи языка конструируется социальная реальность.

Литература

1. Будаев, Э. В., Чудинов, А. П. Основные этапы развития и направления политической лингвистики // Язык. Текст. Дискурс. 2007. № 5. С. 89–99.
2. Езан, И. Е. Лозунговые слова в политической коммуникации (на материале немецкого языка) // XL Междунар. филол. конф. 14–19 марта 2011 г. Секц. Грамматика романо-герм. цикла. СПб.: СПбГУ, 2011. С. 54–61.
3. Карасик, В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.
4. Кузнецова, Л. Н., Беспалова, С. В., Верещагина, Л. В. Языковые особенности коммуникативной организации текстов немецкой политической рекламы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 8 (50): в 3 ч. Тамбов: Грамота, 2015. Ч. II. С. 98–100.
5. Купина, Н. А. Агитационный дискурс: в поисках жанра влияния // Культурно-речевая ситуация в современной России / под ред. Н. А. Купиной. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. С. 216–233.
6. Лисовский, С. Ф. Политическая реклама. М.: ИВЦ «Маркетинг», 2000. 256 с.
7. Никитина, С. В. Национальная специфика текста промышленной рекламы (на материале русскоязычных и англоязычных периодических изда-

ний по вычислительной технике): автореф. дис. ... канд. филол наук: 10.02.19 / Воронежский гос. ун-т. Воронеж, 1998. 21 с.

8. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка. URL: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=13276> (дата обращения: 16.01.2017).

9. Подгорная, Л.Д. Политическая реклама как форма коммуникации современного общества // Вестник Рос. ун-та дружбы народов, 2006. № 8. С. 85–94.

10. Проницева, О.Ю. Языковые средства воздействия на массовую аудиторию: На материале текстов агитационной листовки: дис. ... канд. филол. наук. СПбГУ. СПб., 2006. 220 с.

11. Тургаев, А.С., Хренов, А.Е. Политология. СПб.: Питер, 2005. 560 с.

12. Федотовских, Т.Г. Листовка как жанр политического дискурса: когнитивно-прагматический анализ: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / УГУ им. А.М. Горького. Екатеринбург, 2005. 190 с.

13. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 326 с.

14. Ein großes Gemeinschaftswerk. URL: <https://www.cdu.de/system/tdf/media/dokumente/130307-flugi-gemeinschaftswerk.pdf?file=1> (дата обращения: 16.01.2017).

15. Harms W., Messerli, A., Ammon, F., Merveldt, N. Wahrnehmungsgeschichte und Wissensdiskurs im illustrierten Flugblatt der frühen Neuzeit (1450–1700). Basel: Schwabe, 2002. 512 S.

16. Klein, J. (Fast) alles ist gut — mit Angela Merkel als Kanzlerin. Wie die CDU die Wahlkampfsprache unspektakulär und erfolgreich revolutioniert // Artum. Bremen: Hempel Verlag, 2013. H. 03. S. 195–207.

17. Klein, J. Grundlagen der Politolinguistik. Berlin: Verlag für wissenschaftliche Literatur, 2014. 388 S.

18. Schulz, K. “Wir sind Euer böses Gewissen!” Die Flugblätter der Weißen Rose // Bundeszentrale für politische Bildung. URL: <http://www.bpb.de/geschichte/nationalsozialismus/weisse-rose/61008/die-flugblaetter-im-wortlaut> (дата обращения: 16.01.2017).

19. Wahrig, G. Deutsches Wörterbuch. Gütersloh, München: Bertelsmann Lexikon Verlag, 2001. 1451 S.

References

1. Budaev, E.V., Chudinov, A.P. Osnovnye etapy razvitiia i napravleniia politicheskoi lingvistiki [The main stages of political linguistics development and direction]. *Iazyk. Tekst. Diskurs*, 2007, no. 5, pp. 89–99. (In Russian)

2. Ezan, I.E. Lozungovye slova v politicheskoi kommunikatsii (na materiale nemetskogo iazyka) [Slogan-word in political communication (in German language material)]. *Grammatika (Romano-germanskii iazyki): Materialy seksii XL Mezhdunar. filol. konf. 14–19 marta 2011 g.* St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2011, pp. 54–61. (In Russian)

3. Karasik, V.I. O tipakh diskursa [The types of discourse]. *Iazykovaia lichnost': institutsional'nyi i personal'nyi diskurs: sb. nauch. tr.* Volgograd, Peremena Publ., 2000, pp. 5–20. (In Russian)
4. Kuznetsova, L.N., Bespalova, S.V., Vereshchagina, L.V. Iazykovye osobennosti kommunikativnoi organizatsii tekstov nemetskoj politicheskoi reklamy [Language characteristics of the communicative organization of German political advertising texts]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki.* № 8 (50): v 3 ch. Tambov, Gramota Publ., 2015, part II, pp. 98–100. (In Russian)
5. Kupina, N.A. Agitatsionnyi diskurs: v poiskakh zhanra vliianiia [Campaigning discourse: in search of influence genre]. *Kul'turno-rechevaia situatsiia v sovremennoi Rossii.* Ed. by N.A. Kupina. Ekaterinburg, Ural. University Publ., 2000, pp. 216–233. (In Russian)
6. Lisovskii, S.F. *Politicheskaiia reklama [Political advertising]*. Moscow, IVTS «Marketing» Publ., 2000. 256 p. (In Russian)
7. Nikitina, S.V. *Natsional'naia spetsifika teksta promyshlennoi reklamy (na materiale russkoiazychnykh i angloiazychnykh periodicheskikh izdaniia po vychislitel'noi tekhnike)*. Auctoref. dis. kand. filol. nauk [National specificity of industrial advertising text (on the material of Russian and English-language periodicals for Computing Machinery)]. Thesis of PhD]. Voronezhskii un-t. Voronezh, 1998. 21 p. (In Russian)
8. Ozhegov, S.I. *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka [Dictionary of Russian language]*. Available at: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=13276> (accessed: 16.01.2017). (In Russian)
9. Podgornaia, L.D. Politicheskaiia reklama kak forma kommunikatsii sovremennoego obshchestva [Political advertising as a form of communication in modern society]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov*, 2006, no. 8, pp. 85–94. (In Russian)
10. Pronicheva, O. Iu. Iazykovye sredstva vozdeistviia na massovuiu auditoriiu: Na materiale tekstov agitatsionnoi listovki. Diss. kand. filol. nauk [Language means of exposure to a mass audience: On the material of texts of propaganda leaflets. Dis. PhD]. SPbGU. St. Peterburg, 2006. 220 p. (In Russian)
11. Turgaev, A. S., Khrenov, A. E. *Politologiya. [Political sciences]*. St. Petersburg, Piter Publ., 2005. 299 p. (In Russian)
12. Fedotovskikh, T.G. *Listovka kak zhanr politicheskogo diskursa: kognitivno-pragmaticheskii analiz* Diss. kand. filol. nauk [Leaflet as a genre of political discourse: cognitive-pragmatic analysis. Dis. of PhD]. UGU im. A.M. Gor'kogo. Ekaterinburg, 2005. 190 p. (In Russian)
13. Shejgal, E.I. *Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of political discourse]*. Moscow, Gnozis Publ., 2004. 326 p. (In Russian)
14. *Ein großes Gemeinschaftswerk [A large joint venture]*. Available at: <https://www.cdu.de/system/tdf/media/dokumente/130307-flugi-gemeinschaftswerk.pdf?file=1> (accessed: 16.01.2017). (In Russian)

15. Harms, W., Messerli, A., Ammon, F., Merveldt, N. *Wahrnehmungsgeschichte und Wissensdiskurs im illustrierten Flugblatt der frühen Neuzeit (1450–1700)* [*Perceptive history and knowledge discourse in the illustrated leaflet of the early modern period (1450–1700)*]. Basel, Schwabe, 2002. 512 S.

16. Klein, J. (Fast) alles ist gut — mit Angela Merkel als Kanzlerin. Wie die CDU die Wahlkampfssprache unspektakulär und erfolgreich revolutioniert [(Al-most) everything is good — with Angela Merkel as chancellor. How the CDU revolutionized the electoral campaign language unspectacularly and successfully]. *Aptum*. Bremen, Hempen Verlag, 2013, H. 03, S. 195–207.

17. Klein, J. *Grundlagen der Politolinguistik* [*Foundations of Political Linguistics*]. Berlin, Verlag für wissenschaftliche Literatur, 2014. S. 388.

18. Schulz, K. “Wir sind Euer böses Gewissen!” Die Flugblätter der Weißen Rose // Bundeszentrale für politische Bildung. URL: <http://www.bpb.de/geschichte/nationalsozialismus/weisse-rose/61008/die-flugblaetter-im-wortlaut> (дата обращения: 16.01.2017).

19. Wahrig, G. *Deutsches Wörterbuch* [*German dictionary*]. Gütersloh, München, Bertelsmann Lexikon Verlag, 2001. 1451 S.

Езан Ирина Евгеньевна

доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ, кандидат филологических наук,
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Ковтунова Елена Анатольевна

доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ, кандидат филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Ezan Irina Evgenievna

Associate Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University,
Doctor of Philological Sciences
Address: 7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: kulirina@mail.ru

Kovtunova Elena Anatolievna

Associate Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University,
Doctor of Philological Sciences
Address: 7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: michael19811974@mail.ru

II. ВНУТРИТЕКСТОВЫЙ АНАЛИЗ ДИСКУРСОВ

УДК 811.112

Г. А. БАЕВА

Санкт-Петербургский государственный университет

ДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ УСТНОЙ РЕЦЕПЦИИ В СРЕДНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Ключевые слова: коммуникация, устная рецепция, автор, восклицательный, интеррогатив, междометие, комментарий, обращение, императив, эпос, рыцарский роман, шванк.

Важной коммуникативно-прагматической особенностью художественных произведений, создаваемых в эпоху преимущественно устной рецепции, были обращения автора-повествователя к публике, своеобразный эксплицитный диалог рассказчика со слушателем, отражающий особенности устной речи того периода. Основными дискурсивными маркерами как средствами актуализации устной рецепции выступали обращения, императивы, дейктические слова (местоимения, частицы), восклицательные и интеррогативные конструкции с междометиями и вопросительными словами. Материалом анализа являются различные по жанру произведения средневековой немецкоязычной литературы: эпос, рыцарский роман, шванк.

G. A. BAEVA

St. Petersburg State University

DISCOURSE MARKERS OF ORAL RECEPTION IN THE MIDDLE HIGH GERMAN LITERATURE

Keywords: communication, oral reception, author, exclamative, interrogative, interjection, commentary, address, imperative, epic, Schwank, romance.

An important communicative-pragmatic feature of the art works created in the era of predominantly oral reception used to be as follows — the address of the author-narrator to the audience, the narrator's peculiar explicit dialogue with the narratee reflecting the features of the spoken language of that period. The main discourse markers, as means of actualization of oral reception, were addresses, imperatives, deictic words (pronouns, particles), exclamative and interrogative constructions with interjections and interrogative words. The material for analysis is various in genres works of medieval German-language literature: epic, romance, Schwank.

Одна из первых фундаментальных работ, посвященных исследованию соотношения письменного и устного немецкого языка в диахронии, работа И. Вейтхазе, была опубликована в 1961 году [24]. Появление исторической прагматики оживило дискуссии о наличии следов (*Spuren*) или отражений (*Reflexe*) устной речи в литературе отдаленных от нас эпох [8; 17; 20–22]. Речь идет как о выявлении особенностей речи персонажей, специфике построения фиктивного диалога [14], характере речевых сцен [23], так и об описании своеобразия речевого этикета, формульности реплик, связанных с ситуациями приветствия, прощания, выражения благодарности [3; 9; 10] и пр.¹

Как отмечает Ш. Зондерэгер, для исторической прагмалингвистики «решающей является возможность декодировать устную речь, хотя и не полностью утраченную в процессе записывания, но крайне преобразованную как структурно, так и стилистически» [20, S. 132]. При этом, безусловно, неоспоримым остается тот факт, что историко-прагматические гипотезы едва ли когда-нибудь получают эмпирическое подтверждение [8, S. 18]. Несмотря на определенный скепсис среди лингвистов существует и гипотеза о том, что «художественные тексты Средневековья являются более приближенными к реальности, в отличие от современной литературы» [13, S. 7], они имитируют действительность и создают вторичную реальность. При этом Х. Зитта отмечал, что «стоит задаться вопросом, какие из результатов коммуникативной деятельности наших предков обусловили то, что составило наше настоящее» [18, S. 7]. П. Эрнст и М. Вернер, разделяя эту точку зрения, образно называют сохранившиеся письменные источники более ранних эпох развития языка его «консервантами»: «Одной из примечательных особенностей текстов является их завершенность (в отличие от мимолетности сказанного слова) и, таким образом, их консервация на длительные промежутки времени» [12, S. 10–11].

С позиций выявления отражения элементов устной речи вне поля исследователей до сих пор остаются комментарии рассказчика-повествователя (и/или автора произведения), которые служат для организации внутритекстового пространства и с помощью которых рассказчик определенным образом включает в текст свои

¹ В рамках статьи указываем лишь отдельные работы по названной выше тематике.

собственные речевые действия [7, S. 14–15]. Коммуникативно-прагматические функции такого комментария состоят прежде всего в оптимизации и управлении процессом устной рецепции, в обеспечении обозримости и связанности художественного повествовательного пространства для лучшей ориентации слушателя в тексте повествования, ибо средневековые произведения первоначально предназначались для декларации и чтения вслух и лишь значительно позже обрели так называемых «тихих» читателей.

В то время как сказитель древних эпических произведений часто находился в тени рассказываемой им истории и позволял себе лишь редкие отступления от этого правила, немецкие поэты средневековья, выступая в новых эпическом жанрах, активно участвуют в повествовании.

Задача статьи состоит в том, чтобы показать, когда, почему, с какой прагматической целью и какими языковыми средствами автор или рассказчик маркирует свое участие в повествовании и что в его речевой практике может восприниматься как отражение устной речи.

Установление контакта между рассказчиком и слушателем, т. е. разговор повествователя с публикой может начинаться в традициях народной поэзии (ср. известное всем начало «Песни о нибелунгах»: *Uns ist in alten mæren wunders vil geseit...*). Совершенно оправданным поэтому для устной презентации произведения представляется тот факт, что средневековый поэт или рассказчик довольно часто стремится в первых строках своего произведения сообщить его название, используя модель «эта книга / поэма называется...»:

(1) *Ditz buch heizet vuchs Reinhart / Got gebezzer vnser vart* (Reinhart, 1).

Переход к финальной стадии повествования обычно также маркируется коротким и ясным указанием на то, что книга или рассказ подошли к концу, типа *nû hat daz buoch ein ende*, похожим на сказочное «вот и сказке конец», и снова в конце может появиться название произведения. Например:

(2) *Hie hât ditz getiht e ein ende* (Erec 10134).

(3) *Hie hât Kûdrûn ein ende* (Kudrun 1705,5);

(4) *Hie mite hat ein ende / diu krône* (Krone 29966);

(5) *die boec heiten Eneide* (Eneide 13510);

(6) *Nu hânt ir alle wol vernommen / daz ich schiere zende wære komen / des mæres von Lanzelete* (Lancelot 9309).

Особенностью финального, завершающего комментария является презентация имени автора, упоминания которого могло и не быть в начале произведения. Вольфрам фон Эшенбах в конце своего «Парсифаля» называет свое имя *ich Wolfram von Eschenbach*, а затем в начале другого романа, «Виллехальм», указывает на то, что рассказал эту историю тот, кто был автором «Парсифаля»:

(7) *ich Wolfram von Eschenbach / swaz ich von Parzival sprach* (Willehalm 4, 19).

Другие поэты также использовали схожую «рекламу» своего имени: *ich von Türheim Uolrich*, *ich von durne Reinbot*. Ср. также:

(8) *von Hobergin her Eilhart / hât unz diz buchelin getihtet* (Tristrant 9446).

Как специфические маркеры разговора повествователя с публикой можно считать его реплики, построенные по образцу обычных предложений, характерных для устной речи: «я расскажу вам, как это произошло...», «вам расскажут...», «вы часто слышали и вам рассказывали...»:

(9) *Ich sage iu wie daz geschah* (Helmbrecht 1823);

(10) *Wie er nu vert daz wirt gesaget* (Helmbrecht 1048);

(11) *ir habet dicke vernomen und ist iu mit rede fur komen* (Amis 1).

Наиболее часто в качестве маркеров устной рецепции выступают императивные конструкции, восклицательные и интеррогативы.

1. Императивные конструкции

В исследуемых произведениях, в эпосе, рыцарском романе, шванках, рассказчик напрямую указывает на устный характер их представления, выбирая для обращения к читателям глаголы слухового, а не визуального восприятия (*horen*, *verneten*). Эти глаголы используются для своеобразного приглашения к публике выслушать его историю и состоят из коротких императивных реплик типа *nû vernemet* или *nû hæret* «Ну, а теперь послушайте!»

с обращением (*ir lieben liute* «Вы, люди дорогие!»), указанием на то, что произойдет (*geschehen*) и какую историю предстоит услышать (*vremdiu mere, maere mit den spruchen*):

(12) *Nu vernemit ir lieben liute* (Jüngerer Titurel 1);

(13) *Vernemet vremdiu mere* (Reinhart 1);

(14) *nû hæret waz hie vor geschach* (Daniel 59);

(15) *Nû hæret waz hie vor geschach* (Amis 21);

(16) *nu hoeret daz maere mit den spruchen* (Helmbrecht 1651);

(17) *nu hoeret waz im do geschah* (Reinhart 1).

Кроме этого императивные конструкции в тексте произведения широко используются для привлечения внимания к деталям описываемых событий:

(18) *nu hoeret wiez umbe den huben stat* (Heinrich 20);

(19) *nu hoeret waz im do geschah* (Amis 1);

(20) *in Vernemet welcher ahte er daz schif machte* (Reinhart 635).

В исследуемых произведениях мы имеем дело с доверительными отношениями между рассказчиком и реципиентом. О доверительных и уважительных отношениях, которые рассказчик выстраивает с публикой, свидетельствует обращения к ней: *ir*, которое в средневерхненемецком использовалось не только в значении ‘вы’, но и конкурировало с местоимением *du*. Подобное употребление местоимения 2-го лица множественного числа вместо единственного встречается уже в латинском языке (*vos, vester*) и именуется “*pluralis reverentiae*” — множественным почтением, что подтверждает связь средневерхненемецкого с «западноевропейской письменной и культурной традициями» [10, S. 93].

Синтаксис повелительных конструкций максимально приближен к устному высказыванию: после глагола в императиве обычно следует придаточное, реализующее объектную валентность глагола. Практически во всех примерах в словах рассказчика используется дискурсивное слово *nin* (*ni*), которое выполняет здесь роль оператора, актуализирующего одновременно и локальное и временное значение (‘здесь и сейчас’) и имитирующее устную речь с неспешным переходом от одного эпизода к другому.

2. Экскламати́вы

Экскламати́вы в речи рассказчика — это одновременно реакция и эмоциональная оценка той или иной описываемой ситуации [16, S.81]. Известно, что эмоции и эмоциональные оценки представляют собой многомерный комплекс осознанных и неосознанных знаний, репрезентаций и процессов [16, S.48] и свидетельствуют о способности человека как языковой личности «управлять вербальным выражением эмоций и пропускать их через ситуативные, социальные и другие фильтры в процессе коммуникации, и в зависимости от них, “упаковывать” одни и те же эмоции в различные языковые формы или вообще не “пропускать” их в язык» [5, с.309 и след.].

Экскламации — это один из способов выражения эмоций, вызванных душевными и физическими переживаниями и состояниями людей, различными по силе проявления, ибо «если мы говорим для того, чтобы, сообщая свои мысли, в то же время выразить и чувства, овладевающие нами по поводу этих мыслей, наша речь будет восклицательной» [4, с.356].

Авторские экскламации в средневековой литературе наделены особой ролью. Их появление в тексте достаточно неожиданно и носит характер своеобразного комментария с определенной эмоциональной нагрузкой: рассказчик прерывает свое повествование, чтобы передать свое эмоциональное состояние и вызвать ответную реакцию со стороны слушателей и заострить их внимание на описываемых событиях.

Маркерами эксклакативных конструкций выступают междометия, открывающие строфу. Набор междометий относительно невелик: *a*, *awî*, *owê* в различной орфографии. Значение междометий и их специализацию на выражении конкретных эмоций вряд ли можно установить точно, они определяются ситуацией и контекстом [1, с.105; 6, с.10]:

- (21) *Awî, wî manic volk wîc er vaht / wider den kunic Xersen!* (Alexander 86) — *Hei, wie viele Völkerschlachten er schlug gegen König Xerxes!*
- (22) *Owî, owî, wie smâhe ime was, /daz man ime troute ze slahen!* (Alexander 1072) — *Oh weh, wie sehr er das verabscheute, dass man ihn zu schlagen drohte!*
- (23) *Ôwî, wî diche er laster gesiht!* (Heinrich 1408 144) — *Oh weh, wie oft muss er sich in Schande sehen!*

(24) *Â, wie starche daz weter ane goz!* (Alexander 110 60) — *Ach, wie heftig Unwetter und Regen heranprasselten!*

(25) *ouwê vrouwen Êniten! Waz solde doch si nû rîten, diu schœne guote wol geborn?* (Eneide 7265) — *Ach, Herrin Enite! Worauf sollte sie jetzt reiten, die Schöne, Gute; Edle?*

В зависимости от описываемой ситуации и связанной с ней эмоции рассказчика экскламативы могут передавать восторг, сожаление, удивление, отчаяние, радость, гордость. Главное назначение междометия в этом контексте — обозначить ситуацию как эмоциональную и тем самым привлечь внимание слушателей.

Среди конструкций с междометиями можно выделить несколько моделей. Наиболее частотны сочетания междометия с вопросительными местоимениями *wie* (эти конструкции доминируют) или *waz*.

(26) *Â, wie wole dem jungelinge daz stêt!* (Erec 46 62) — *Ach, wie gut das dem Jungen steht!*

(27) *Â, wie wol den hêren daz gezam!* (Heinrich 160 62) — *Ah, wie gut das dem Herrn anstand!*

(28) *Â, wie ubele ich daz gelouben mach, / wandrim sîn hals enzwei brach!* (Alexander 235 68) — *Ah, wie schlecht ich das glauben kann, weil er ihm doch den Hals brach!*

(29) *Â, wie sêre ers dâ ze stede engalt!* (Parzival 532 86) — *Ah, wie schmerzlich er dort auf der Stelle dafür büßen musste!*

(30) *Â, wie siech er sînen vater vant!* (Iwein 548 88) — *Ach, wie hilfällig er seinen Vater fand!*

(31) *Â, waz ime dâ helede tôt peleib!* (Alexander 702 98) — *Ach, wie viele Helden ihm dort tot blieben!*

(32) *Â, waz dâ werlte tôt belach!* (Alexander 892 110) — *Ach, wie viele Männer dort fielen!*

Во всех приведенных примерах вопросительные местоимения *wie* и *waz* вводят предложения, которые по форме можно определить как псевдопридаточные. Особенностью экскламативов с псевдопридаточными является их незавершенность из-за отсутствия главного предложения, функцию которого, по сути, выполняет

междометие. Благодаря этому, с одной стороны, создается впечатление недосказанности, характерное для устной речи и вызванное высоким эмоциональным напряжением, а, с другой стороны, недосказанность открывает простор для фантазии слушателей, создавая эмоциональное сопереживание и сотворчество повествователя и его публики.

В указанных выше восклицательных контекстах после местоимения *wie* довольно часто употребляются прилагательные и наречия с градуальной положительной типа *wol (wole)* [Ibid., S. 326], *gut* или отрицательной семантикой *ubele „wund, verwundet, verletzt; schmerzen bringend od. leidend; betrübt“* [Ibid., S. 235], *siech „krank, siech“* [15, S. 193].

Большинство из приведенных выше текстовых извлечений взяты из средневекового эпического романа «Песнь об Александре»; они характеризуются ярко выраженной эмоциональностью и сопровождались, что вполне допустимо предположить, восклицательной интонацией. Они связаны с прагматической установкой автора — прославить победы великого полководца — и появляются чаще всего при описании подготовки или проведения военных походов и сражений. Рассказчик выражает свое удивление, гордость, похвалу, восхищение поступками героев. Редко это касается каких-либо внешних факторов, таких как погода (24).

3. Интеррогативы

Авторские интеррогативы, как и экскламации, появляются в тексте достаточно неожиданно, они разнообразны по форме и по коммуникативно-прагматической направленности могут: 1) касаться непосредственно слушателей или 2) относиться к сюжету в целом или отдельным сценам повествования.

В первом случае рассказчик прерывает свое повествование, чтобы напрямую спросить слушателей, не хотят ли они послушать, что произошло, или услышать некоторые подробности. Например, в начале «Хельбрехта» появляется вопрос:

(33) *Welt ir nu hoeren waz da stat?* (Helmbrecht 20),

который затем повторяется так часто (ср. строки: 40, 44, 56, 72, 182 и т. д.), что из средства поддержания контакта и напряжения атмосферы перед увлекательным рассказом становится навязчивым.

Рассказчик может прервать свое повествование, чтобы выяснить, нужны ли слушателям подробности. Так, в примере ниже, рассказав о возвращении графа из крепости, рассказчик спрашивает: «Нужно ли растягивать рассказ? Будет ли это полезно?» (*waz hilfet daz*):

(34) *Zehant do man es began, der grave von der burc quan. waz hilfet daz ichz lenge?* (Amis 899-901).

Иногда рассказчик, имитируя диалог со слушателем, задает вопрос себе самому, якобы со стороны публики, типа «вы спрашиваете, что ...?» (маркеры: вопросительное предложение с глаголом *fragen* и местоимения *ihr, ieman*):

(35) *vrâget ir waz daz sî?* (Rother 7643) — *Fragt Ihr, was das war?*

(36) *vrâget ir waz dar inne sî?* (Erec 7145) — *Fragt Ihr, was darin war?*

(37) *vrâget iemen mære / ob ez schoener wære/ dan daz si unz her geriten hât?* (Eneide 7286) — *Will jemand wissen, ob es schöner war als das, das sie bisher geritten hat?*

Схожую функцию имитации диалога выполняют и вопросы с модальным глаголом *wollen*: *waz wollt ihr*:

(38) *nû waz welt ir daz der küneec tuo?* (Erec 6902) — *Was, meint Ihr, soll der König tun?*

(39) *nû waz welt ir daz er tuo mê?* (Heinrich 9263) — *Was meint Ihr, soll er jetzt tun?* (Ср. также похожий пример:(Iwein 3309)).

Особую группу составляют вопросы от имени слушателей (с глаголом *sagen* в императиве 1-го лица типа «скажи-ка нам»), в отдельных случаях здесь в обращении к автору упоминается его имя:

(40) *nû sage, von wiu? Daz weiz ich wol / und sagez sô ich ez sagen sol* (Iwein 7826) *Sag schon, weshalb? — Das weiß ich gut und erzähle es, wenn es soweit ist.*

(41) *geselle Hartman, nû sage, / wie erwerte inz der lîp?* (Erec 9169) — *Freund Hartmann, jetzt erkläre, wie haben sie das ausgehalten?*

Кроме этого через вопрос рассказчик может удостовериться в важности и эксклюзивности переданной им информации (здесь снова используется глагол *horen* как маркер устной рецепции:

«И где вы еще такое услышите?»), уточнить желание слушающих в продолжении повествования (43) или мнимо усомниться в своих возможностях продолжать рассказ (44):

(42) *Wo hôrt ir ie solich wunder gesagen?* (Rother 6461) — *Wo hörtet ihr je von solchen Wundertaten erzählen?*

(43) *hœret ir iht gerne sagen/ wâ mite der boumgarte / beslozen wære so harte?* (Titurel 8745) — *Möchtet Ihr gern hören, womit der Baumgarten so fest umschlossen war;*

(44) *waz sol iu mê dâ von gezalt?* (Erec 7461) — *Was soll ich Euch mehr davon erzählen?*

В приведенных выше примерах вопрос напрямую адресован публике, маркерами устной речи выступают местоимения *iu, ir, iemen*, дискурсивные слова *nun, da* с локально-темпоральной семантикой. С помощью вопроса создается иллюзия участия слушателей в происходящем «здесь и сейчас» и в дальнейшем продвижении сюжета.

Во втором случае интеррогативы рассказчика, хотя и обращены к слушателям, касаются намерений действующих лиц и предвосхищают последующие события (маркер-глагол *geschehen*):

(45) *Egeries dâ vor was / wem gescach ie baz?* (Erec 5916) *Gergers stand an der Spitze. Wem gelang es je besser?*

(46) *wâ gescach iemen ze dirre werlt ie baz?* (Iwein 5962) *Wem erging es auf Erden je besser?*

Кроме этого рассказчик с помощью интеррогативов может передавать свое эмоциональное состояние в связи с тем или иным событием и тем самым заострить на нем внимание. Такие вопросы могут содержать некоторую иронию и приближаются по своему эмоциональному воздействию к экскламативам:

(47) *wâ möhte græzer vreude sîn / dan man dâ hâte ze aller zît?* (Eneide 1801) — *Wo könnte es größere Freude geben, als man dort allzeit hatte?*

(48) *wie möhtes baz zît sîn?* (Alexander 2869) — *Hätte der Zeitpunkt besser sein können?*

(49) *waz möhte sich gelîchen / sô nâhen gênder riuwe / die sich durch ir triuwe durch ir mannes liebe leit?* (Iwein 3141) — *Was ließe sich dem*

tiefen Schmerz verglichen, den sie aus Treue und Liebe zu ihrem Mann erduldeten?

(50) *wer möhte si gar beschriben?* (Tristrant 8288) — *Wer könnte sie richtig beschreiben?*

(51) *wie möhte daz wunder wunder grøezer sîn?* (Erec 8431) — *Gäbe es ein größeres Wunder?*

Особенностью этих интеррогативов, наряду с уже указанными, является частотное использование модального глагола *tugan* (*magan*) в форме претерита конъюнктива с оптативным значением, что также можно отнести к отражению устной речи.

Широкое использование так называемых уведомляющих (уточняющих) вопросов (*ankündigende Fragen*) в средневековой литературе связано с приемом «*fingierten Publikumsfrage*», который, как отмечают исследователи, появляется у Фельдеке (основателя миннезанга) и был характерен для французской литературы этого периода [17, S. 19], а также для проповедей [11, S. 211].

Несмотря на то что использование рассказчиком интеррогативов является риторическим приемом, ориентированным на устное восприятие произведения, и не предполагает ответной реакции, в некоторых случаях рассказчик продолжает игру в диалог со слушателем и включает ответные реплики в виде короткого положительного «да» (*ja*) или достаточно обстоятельного ответа:

(52) *ob der trunzûn swaere / ûf in den luft ihr waere? / jâ: dô er sich nider liez, / durch den helm er einen ritter stiez.* (Parzifal 429, 23)

(53) *wer sol nû sîn arzât sîn, / der heile sîne wunden? / dar zuo hete er dâ wunden / vrouwen vil rîche* (Heinrich 7207) — *Wer würde nun sein Arzt sein, der seine Wunden heilte? Dafür fand er dort die edelsten Frauen.*

Литература

1. Баева, Г.А. О валентности междометий в немецком языке // Системное описание лексики германских языков: межвуз. сб. Вып. 5. Л.: ЛГУ, 1985. С. 104–108.

2. Баева, Г.А. Проблемы исторической реконструкции коммуникативно-прагматических категорий в диахронии: Так о чем же говорили Хильтибрант и Хадубрант? // Очерки по исторической прагматике германских языков. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2012. С. 20–28.

3. *Бирр-Цуркан, Л. Ф.* Единицы речевого этикета и их функционирование в средневерхненемецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / СПбГУ. СПб., 2007. 21 с.

4. *Пешиковский, А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001. 510 с.

5. *Шаховский, В. И.* Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.

6. *Baeva, G. A.* Die Interjektionen in der Geschichte der deutschen Sprache // Entwicklungsetappen in der Geschichte der deutschen Sprache: Berliner sprachwissenschaftliche Studien. Bd. 2 / Hrsg. F. Simmler. Berlin, 2000. S. 9–20.

7. *Baeva, G.* Sprachliche Mittel zum Ausdruck der Autorenpräsenz im mittelalterlichen Tristan-Roman // Etudes Medievales. Bd. 15. Amiens, 2013, S. 14–21.

8. *Vax, M.* Die lebendige Dimension toter Sprachen. Zur pragmatischen Analyse von Sprachgebrauch in historischen Kontexten // Zeitschrift für germanistische Linguistik. Berlin, New York: de Gruyter, 1983. S. 1–21.

9. *Besch, W.* Duzen, Siezen, Titulieren: zur Anrede im Deutschen heute und gestern. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1998. 160 S.

10. *Besch, W.* Anredeformen des Deutschen im geschichtlichen Wandel // Sprachgeschichte: ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung / Hrsg. von W. Besch, A. Betten, O. Reichmann, St. Sonderegger. Berlin, New York: de Gruyter, 2013. S. 2599–2629.

11. *Ehrismann, G.* Geschichte der deutschen Literatur bis zum Ausgang des Mittelalters. Bd. II. München: Beck, 1922. 356 S.

12. *Ernst, P. Werner, M.* Linguistische Pragmatik in historischen Bezügen. Berlin, New York: de Gruyter, 2016. S. 9–19.

13. *Jacobs, A.* The historical perspective in pragmatics // Historical Pragmatics. Pragmatic Developments in the History of English / ed. A. H. Jucker. Amsterdam: Benjamins, 1996. P. 1–33.

14. *Kilian, J.* Historische Dialogforschung. Eine Einführung. Tübingen: Niemeyer, 2005. 180 S.

15. *Lexner Matthias* Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch. Stuttgart: S. Hirzel Verlag, 1992. 506 S.

16. *Schwarz-Friesel, M.* Sprache und Emotion. Tübingen; Basel: A. Francke Verlag, 2007. 401 S.

17. *Singer, S.* Wolframs Stil und der Stoff des Parzivals. Wien: Kais. Akademie der Wissenschaften, 1916. 127 S.

18. *Sitta, H.* Vorwort // Ansätze zu einer pragmatischen Sprachgeschichte. Tübingen: Niemeyer, 1980. S. 7–8.

19. *Sonderegger, S.* Gesprochene Sprache im Nibelungenlied // Monfort. Bd. 32. 1980. S. 360–379.

20. *Sonderegger, S.* Aufgaben einer pragmatikorientierten Sprachgeschichte. Thesen / Ansätze zu einer pragmatischen Sprachgeschichte. Tübingen: Niemeyer, 1980. S. 132–134.

21. *Sonderegger, S.* Reflexe der gesprochenen Sprache im Althochdeutschen // Sprachgeschichte. Ein Handbuch. Teil 2. 2000. S. 1231–1240.

22. *Sonderegger, S.* „Gesprochen oder nur geschrieben?“ Mündlichkeit in mittelalterlichen Texten als direkter Zugang zum Menschen // *Germanica selecta*. 2002. S. 491–503.

23. Redeszenen in der mittelalterlichen Großepik. Komparatistische Perspektiven / Hrsg. M. Unzeitig, N. Miedema, Fr. Hundnurscher. Berlin: de Gruyter, 2011. 317 S.

24. *Weithase, I.* Zur Geschichte der gesprochenen deutschen Sprache. 2 Bd. Tübingen: Niemeyer, 1961. 575 S.

Источники иллюстративного материала и принятые сокращения

- Alexander — Pfaffe Lambrecht Alexanderroman Mittelhochdeutsch / Neuhochdeutsch / Hrsg., übersetzt u. kommentiert von E. Lienert. Reclam Nr. 18508. Stuttgart: Reclam, 2007. 671 S.
- Amis — Der Stricker: Der Pfaffe Amis. Mittelhochdeutsch / Neuhochdeutsch / Hrsg. M. Schilling. Stuttgart: Reclam, 2007. 206 S.
- Daniel — Der Stricker: Daniel von dem Blühenden Tal. 2., Neubearb. Aufl. / Hrsg. M. Resler. Tübingen: Niemeyer, 1995. 364 S.
- Eneide — Heinrich von Veldeke: Eneide. Mit Einleitung und Anmerkungen / Hrsg. O. Behaghel [1882]; Nachdruck: Hildesheim: G. Olms, 1970. 816 S.
- Erec — Hartmann von Aue: Erec. Mittelhochdeutsch / Neuhochdeutsch, Hrsg. von V. Mertens, Stuttgart: Reclam, 2008. 722 S.
- Jüngerer Titurel — Albrechts Jüngerer Titurel. Bd III/1 (Strophe 4395–5417) / nach den Grundsätzen von W. Wolf kritisch hrsg. von K. Nyholm, Berlin, 1984.
- Heinrich — Hartmann von Aue: Der arme Heinrich. Mittelhochdeutsch / Neuhochdeutsch / Hrsg. von U. Rautenberg, Stuttgart: Reclam, 2008. 722 S.
- Helmbrecht — Wernher der Gärtner: Helmbrecht. Mittelhochdeutsch / Neuhochdeutsch / Hrsg., übersetzt u. erläutert von F. Tschirch, Stuttgart: Reclam, 2007.
- Herzmære — Konrad von Würzburg: Herzmære // Novellistik des Mittelalters. Märendichtung / Hrsg., übers. und kommentiert K. Grubmüller, Frankfurt / M., 1996.
- Gerhard — Rudolf von Ems: Der guote Gêrhart / Hrsg. J. Asher. 3. Aufl. Tübingen: Niemeyer, 1989.
- Gregorius — Gregorius der gute Sünder. Mittelhochdeutsch/Neuhochdeutsch. Mhd. Text nach F. Neumann, übertr. B. Kippenberg; Nachwort H. Kuhn, Stuttgart: Reclam, 2005.

- Iwein — Hartmann von Aue: Iwein. Mittelhochdeutsch / Neuhochdeutsch / Hrsg. und übers. von R. Krohn, komm. von M. Schnyder. Stuttgart: Reclam, 2001.
- Krone — Heinrich von dem Türlin: Die Krone (Verse 1–12281), nach der Handschrift 2779 der Österreichischen Nationalbibliothek. Nach Vorarbeiten von A. Ebenbauer, K. Zatloukal und H. P. Pütz / Hrsg. F. P. Knapp, M. Niesner, Tübingen: Niemeyer, 2000; Heinrich von dem Türlin: Die Krone (Verse 12282–30042), nach der Handschrift Cod. Pal. germ. 374 der Universitätsbibliothek Heidelberg; nach Vorarbeiten F. P. Knapp, K. Zatloukal / Hrsg. von A. Ebenbauer und F. Kragl, Tübingen: Niemeyer, 2005.
- Kudrun — Kudrun. Mittelhochdeutsch / Neuhochdeutsch / Hrsg. und übers. von U. Störmer-Caysa. Stuttgart: Reclam, 2010.
- Lancelot — Prosa-Lancelot I. u. II. / Hrsg. von H.-H. Steinhoff. Frankfurt/M.: Deutscher Klassiker Verlag, 1995. 675 S.
- Parzival — Wolfram von Eschenbach: Parzival. Mittelhochdeutscher Text nach der Ausgabe von K. Lachmann, Übersetzung und Nachwort von W. Spiewok. 2 Bände, Stuttgart 1986 (= Reclams Universalbibliothek; Bde 3681 und 3682).
- Reinhart — Heinrich der Glîchezâre: Reinhart Fuchs. Mittelhochdeutsch — Neuhochdeutsch / Neuhochdeutsch Prosaübersetzung, Nachwort und Anmerkungen von W. Spiewok. Leipzig, 1977 (= Reclams Universalbibliothek).
- Rother — König Rother. Mittelhochdeutsch / Neuhochdeutsch / Hrsg. von I. Bennewitz u.a. Stuttgart: Reclam, 2007. 485 S.
- Titurel — Wolfram von Eschenbach. Sechste Ausgabe von K. Lachmann, Berlin; Leipzig, 1926.
- Tristrant — Eilhart von Oberg: Tristrant und Isalde / Hrsg. von D. Buschinger und W. Spiewok, Greifswald, 1993.
- Willehalm — Rudolf von Ems: Willehalm von Orlens / hrsg. aus dem Wasserburger Codex der Fürstlich Fürstenbergischen Hofbibliothek in Donaueschingen von V. Junk, Berlin, 1905 (DTM 2); Nachdruck: Dublin; Zürich, 1967.

References

1. Baeva, G. A. O valentnosti mezhdometii v nemetskom iazyke [On interjection valency in the German language]. *Sistemnoe opisanie leksiki germanskikh iazykov: Mezhvuzovskii. sb.* Vyp. 5. Leningrad, Leningrad State University, 1985, pp. 104–108. (In Russian)

2. Baeva, G. A. Problemy istoricheskoi rekonstruktsii kommunikativno-pragmatischen kategorii v diakronii: Tak o chem zhe govorili Khil'tibrant i Khadu-

brant? [The questions of historic reenactment of communicative-pragmatic categories in diachrony: So, what did Hildebrand and Hadubrand talk about?]. *Očerki po istoricheskoi pragmatike germanskikh iazykov*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2012, pp. 20–28. (In Russian)

3. Birr-Tsurkan, L. F. *Edinitsy rechevogo etiketa i ikh funkcionirovanie v sredneverkhnenemetskom iazyke* [The units of speaking etiquette and their function in the Middle High German. Thesis of PhD]. SPbSU. St. Petersburg, 2007. 21 p. (In Russian)

4. Peshkovskii, A. M. *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in academic presentation]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury, 2001. 510 p. (In Russian)

5. Shakhovskii, V. I. *Lingvisticheskaia teoriia emotsii* [Linguistic theory of emotions]. Moscow, Gnosis, 2008. 416 p. (In Russian)

6. Baeva, G. A. Die Interjektionen in der Geschichte der deutschen Sprache. *Entwicklungsetappen in der Geschichte der deutschen Sprache*. Hrsg. F. Simmler. Berlin, WEIDLER Buchverlag, 2000, S. 9–20.

7. Baeva, G. Sprachliche Mittel zum Ausdruck der Autorenpräsenz im mittelalterlichen Tristan-Roman. *Etudes Medievales 15, Amiens*, 2013, S. 14–21.

8. Bax, M. Die lebendige Dimension toter Sprachen. Zur pragmatischen A Analyse von Sprachgebrauch in historischen Kontexten. *Zeitschrift für germanistische Linguistik*. Berlin, New York, de Gruyter Publ., 1983, S. 1–21.

9. Besch, W. *Duzen, Siezen, Titulieren: zur Anrede im Deutschen heute und gestern*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht Publ., 1998. 160 S.

10. Besch, W. Anredeformen des Deutschen im geschichtlichen Wandel / *Sprachgeschichte: ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung*. Hrsg. von W. Besch, A. Betten, O. Reichmann, St. Sonderegger. Berlin, New York, de Gruyter Publ., 2013, S. 2599–2629.

11. Ehrismann, G. *Geschichte der deutschen Literatur bis zum Ausgang des Mittelalters*. Bd. II. München, Beck Publ., 1922. 356 S.

12. Ernst, P. Werner, M. *Linguistische Pragmatik in historischen Bezügen*. Berlin, New York: de Gruyter, 2016. S. 9–19.

13. Jacobs, A. The historical perspective in pragmatics. Eds A. Jacobs, A. H. Jucker. *Historical Pragmatics. Pragmatic Developments in the History of English*. Amsterdam, Benjamins, 1996, pp. 1–33.

14. Kilian, J. *Historische Dialogforschung. Eine Einführung*. Tübingen, Niemeyer, 2005. 180 S.

15. *Lexer Matthias Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch*. Stuttgart, Hirzel Verlag, 1992. 504 S.

16. Schwarz-Friesel, M. *Sprache und Emotion*. Tübingen und Basel, A. Francke Verlag, 2007. 401 S.

17. Singer, S. *Wolframs Stil und der Stoff des Parzivals*. Wien, 1916. 190 S.

18. Sitta, H. Vorwort. *Ansätze zu einer pragmatischen Sprachgeschichte*. Tübingen, Niemeyer, 1980, S. 7–8.

19. Sonderegger, S. Gesprochene Sprache im Nibelungenlied. *Monfort*, Bd. 32, 1980, S. 360–379.
20. Sonderegger, S. Aufgaben einer pragmatikorientierten Sprachgeschichte. Thesen. *Ansätze zu einer pragmatischen Sprachgeschichte*. Tübingen, Niemeyer, 1980, S. 132–134.
21. Sonderegger, S. Reflexe der gesprochenen Sprache im Althochdeutschen. *Sprachgeschichte. Ein Handbuch. Teil 2*, 2000, S. 1231–1240.
22. Sonderegger, S. „Gesprochen oder nur geschrieben?“ Mündlichkeit in mittelalterlichen Texten als direkter Zugang zum Menschen. *Germanica selecta*, 2002, S. 491–503.
23. *Redeszenen in der mittelalterlichen Großepik. Komparatistische Perspektiven* / Hrsg. M. Unzeitig, N. Miedema, Fr. Hundnurscher. Berlin: de Gruyter, 2011. 317 S.
23. Weithase, I. *Zur Geschichte der gesprochenen deutschen Sprache*. 2 Bd. Tübingen, Niemeyer, 1961.
-

Баева Галина Андреевна

профессор кафедры немецкой филологии СПбГУ, доктор филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Baeva Galina Andreevna

Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University,
Doctor of Philological Sciences
Address: 7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation
E-mail: baevaga@mail.ru

ОБРАЩЕНИЕ КАК ОРГАНИЗУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ В ЭПИСТОЛЯРНОМ ДИСКУРСЕ

Ключевые слова: эпистолярный дискурс, этикетность, обращение, адресация, переписка.

В статье рассматриваются особенности оформления и функции обращения в эпистолярном дискурсе ранненово немецкого периода на примере переписки Г. В. Лейбница 1702 года.

Обращение в переписке Лейбница встречается в начальной части письма (зачине) и в концовке письма, так называемом “*Courtoisie*». Сравнение немецкоязычных писем Лейбница и писем на других европейских языках позволяет сделать вывод о большей объемности немецких обращений, включающих в себя, как правило, целый ряд титулов, сопровождаемых определенными уважительными эпитетами, употребление которых следует строгим правилам эпистолярного жанра. В силу того что дискурсивными характеристиками эпистолярного дискурса являются ритуальность и адресованность, а основными функциями обращения в письмах — функции адресации и этикетности, в статье делается вывод об организующей роли обращения в эпистолярном дискурсе ранненово немецкого периода.

L. F. BIRR-TSURKAN
St. Petersburg State University

ADDRESS AS AN ORGANISING ELEMENT IN EPISTOLARY DISCOURSE

Keywords: epistolary discourse, etiquette, address, form of address, correspondence.

This paper analyses the forms and functions of address in epistolary discourse of the Early New German period as exemplified by Gottfried Wilhelm Leibniz's correspondence dating from 1702.

Therein, address would appear in the opening part of a letter as well in its closure known as *Courtoisie*. By comparing Leibniz's German letters with those written in other European languages, the author concludes that German forms of address tend to be more extensive. They would usually include a whole list of titles accompanied by appropriate expressions of respect following strict rules of epistolary narrative. Since the epistolary discourse is ritualised and addressed and the principal functions of address are considered to be those of direction and labelling, it is therefore concluded that address had an organising role to play in the Early New German epistolary discourse.

Под дискурсом, как известно, понимаются различные виды актуализации текста в связи с экстралингвистическими фактора-

ми [7, с. 137]. В широком смысле «термин “дискурс” используется для обозначения разных видов речи и речевых произведений..., связность и осмысление которых воссоздается с учетом всей совокупности не собственно языковых факторов» [7, с. 414]. Согласно М. Фуко, дискурс представляет собой не просто некий набор знаков или значимых элементов текста, а сочетание практик, систематически применяемых для создания текстов как предметов дискурсивного анализа [13, S. 5]. Такое понимание дискурса позволяет говорить о существовании эпистолярного дискурса как совокупности практик, реализуемых при создании эпистолярного жанра. Эпистолярный дискурс объединяет письменные сообщения, посылаемые адресату, находящемуся на некотором расстоянии от адресанта. На протяжении многих веков письмо было единственным способом обмена информацией между коммуникантами, лишенными непосредственного контакта. Правила оформления писем формировались постепенно и не были неизменными на разных этапах существования эпистолярного дискурса. Дискурсивный анализ возможен не только на современном синхронном срезе, но и на различных стадиях развития дискурса. И. Х. Варнке и Ю. Шпитцмюллер указывают на то, что дискурс является историческим феноменом, причем историчность дискурса проявляется на двух уровнях: с одной стороны, участники дискурса сами ее генерируют, следуя традициям, а с другой — исторически обусловленные знания и традиции формируют дискурс [13, S. 42]. В истории немецкого эпистолярного дискурса одним из важных этапов его формирования является ранненововерхненемецкий период, когда появилось множество письмовников (Briefsteller) с примерами разных типов писем и подробным описанием их характерных особенностей. Немецкие письмовники положены в основу многих лингвистических работ, таких как, например, работа И. Клеттке-Менгель, посвященная прусской переписке дворянства XVI века [9], Р. Никиш об особенностях искусства письма XVII–XVIII веков [11] или Р. Веллузиг, обратившегося к теме немецкого письма XVIII века [12].

Материалом настоящей статьи, однако, являются не письмовники с образцами различного рода писем, а реальная переписка исторического лица — саксонского ученого и дипломата, основателя и первого президента Берлинской академии наук Готфрида Вильгельма Лейбница, изданная Берлинской и Гёттингенской академиями наук, а именно 21 том, включающий 447 писем 1702 г. [10]:

автором примерно одной трети (141 письмо) является сам Лейбниц, а остальные 306 адресованы ему. При этом большинство писем написано на французском языке, значительная часть — на латыни и отдельные письма на английском, итальянском и нидерландском языках. Немецкоязычные письма составляют лишь шестую часть (70 писем) изданной переписки, но такое количество позволяет сделать выводы об особенностях немецкого эпистолярного дискурса начала XVIII века, названного Р. Велузингом «веком письма» (“Zeitalter des Briefes“) [12, S.8]. Кстати, с точки зрения И. Клеттке-Менгель, именно вытеснение латинского языка различными европейскими языками способствовало распространению эпистолярного жанра, латинскому языку отводилась лишь роль «идиомы международного взаимопонимания»¹. Р. Никиш отмечает при этом особую роль французского языка в становлении европейского эпистолярного дискурса: лишь письмо, написанное на французском языке, отвечало всем общественным канонам². Это мы видим и в количественном соотношении писем в переписке Г. В. Лейбница, хотя она же свидетельствует и о нарастающем влиянии родного языка в эпистолярном жанре, что также отмечает Р. Никиш³.

Особенностью эпистолярного дискурса является его адресованность и связанная с ней этикетность. С точки зрения Э. Б. Арутюнян, диссертация которой посвящена королевскому эпистолярному наследию XV–XIX веков, «категория этикетности определяет своеобразие макро- и микротекстовой организации письма при оформлении адресных и адресатных формул» [2, с. 5], при этом «адресованность реализуется с помощью специфических средств, ярким представителем которых является начальное обращение к адресату» [там же, с. 10]. На двустороннюю природу обращения и необходимость рассматривать его «как в аспекте адресации, так

¹ Cp.: „Eine der wesentlichen Ursachen für die im 16. Jh. einsetzende Flut, besonders von Handschreiben und Privatbriefen, ist also die Tatsache, daß in den europäischen Ländern die jeweilige Muttersprache als Schriftsprache das Lateinische verdrängt. Dieses bleibt vorwiegend internationales Verständigungsidiom“ [9, S. 3].

² Cp.: „Der übermächtige Einfluß der französischen Gesellschaftskultur auf die deutschen Höfe hatte zur Folge, daß nach 1650 allein der französisch geschriebene Brief als gesellschaftsfähig galt. Das blieb so bis weit ins 18. Jh. hinein“ [11, S. 40].

³ Cp.: „Immerhin regte sich schon recht früh im 17. Jh. Widerstand gegen die fremdsprachigen Einflüsse <...> Tatsächlich verstand sich in der zweiten Hälfte des Barock-Jahrhunderts nur eine Minderheit dazu, ihre amtliche oder gar private Korrespondenz deutsch abzufassen“ [11, S. 41].

и в функциональном ряду этикетных средств» указывает В. Е. Гольдин: «Любой тип обращения не только участвует в организации направленности речи, но и выполняет этикетную функцию» [3, с. 64]. И далее: «Обращение — это функция служебной лингвистической единицы, заключающаяся в подчеркивании направленности текста в целом и отдельных его частей адресату, а также в установлении соответствий между представлениями адресанта и адресата о характере социально типизированных отношений между ними в процессе создания и восприятия текста» [там же, с. 114–115].

Согласно лингвистическому словарю под редакцией В. Н. Ярцевой, «обращение является носителем двух, обычно совместно реализующихся функций: призывной (апеллятивной) и оценочно-характеризующей (экспрессивной)» [7, с. 341]. В эпистолярном жанре призывная функция обращения отходит на второй план, тем не менее обращение в письме сохраняет функцию выражения адресованности письма, направленности его адресату, а благодаря оценочно-характеризующей функции обращений в эпистолярном жанре находит отражение характер отношений между адресатом и адресантом. В этом контексте справедливо замечание Т. Н. Кабановой относительно сохранения у обращения в письмах функции «коммуникативной настройки на тип межличностных отношений» [5, с. 13]. В. Е. Гольдин также отмечает, что «обращение... обслуживает одну из важнейших сторон речевой деятельности: организацию и регуляцию коммуникативных отношений» [3, с. 114].

Письмо является одним из текстовых прототипов, которые «закрепляются в общественном и индивидуальном сознании через системы определенных признаков и служат моделью в дискурсивном развитии отдельных классов и видов текстов» [4, с. 61]. Е. В. Комлева отмечает, что «при этом прототипизация касается как формы, так и содержания компонентов речевой коммуникации» [6, с. 174]. Эпистолярный дискурс отличается высокой степенью ритуализованности и требует соблюдения определенных правил оформления письма. Обязательными формально-содержательными составляющими любого письма являются зачин, основная часть и концовка. (Если, конечно, не брать во внимание те случаи, когда какая-либо из частей намеренно опускается в случае близких отношений между отправителем и получателем, не говоря уже о таком жанре, как бытовая записка) [1, с. 5]. В зачине могут располагаться место

и дата написания письма, адрес, обращение и наименование адресата, приветствие. Затем следует текст основной части, где раскрывается собственно причина написания данного письма, намерение и интенции говорящего (пишущего). Концовка обычно состоит из прощания и подписи. К XVIII веку архитектура письма более или менее сформирована, трехчастная структура прослеживается в большинстве писем.

Ранненовонемецкие письмовники различали внутренние и внешние формы обращения (“innere” und “äußere” Anredeform oder Titulatur). Внутренними считались обращения в начале письма, по ходу текста, а также конечный блок, так называемый “Courtoisie”, т. е. блок обращений в конце письма. Как внешние рассматривались титулы в самом адресе письма [8, S. 102].

В немецкоязычной переписке Г. В. Лейбница непосредственное обращение к адресату в зачине письма содержится лишь в менее трети писем (26 из 70). Кроме того, различия касаются его визуального оформления. Визуальная структура текста является одним из объектов текстоориентированного дискурсивного анализа. И. Х. Варнке и Ю. Шпитцмюллер объясняют ее релевантность для дискурса не только тем, что визуальная структура подчеркивает содержательную структуру текста, но и тем, что визуальные средства служат для индикации коллективного знания [13, S. 31]. Так, в ряде писем Г. В. Лейбница обращение могло быть оформлено либо одной отдельно стоящей строкой, либо несколькими строками. Например, в одну строку:

WohlEdler etc. insonders Hochg. H. (Leibniz an Johann Thiele Reinerding (?), Hannover, Anfang Mai 1702).

WohlEdler Insonders Hochgeehrter Herr Geheimter Justiz Rath, (Johann Barthold Knoche an Leibniz, Lietzenburg, 20. Mai 1702).

HochEdler, Vest und Hochgelahrter Hochgebietender Herr, (Conrad Johann Dannenberg an Leibniz, Hannover, 5. September 1702).

В две строки:

HochEdelGebohrner Herr, / HochzuEhrender Herr, und Hochgeneigter Gönner (Daniel Ernst Jablonski an Leibniz, Berlin, 4. April 1702).

Wohl gebohrner Herr Insonders Hochgeehrter Herr Geheimter Rath, / Hochgeneigter Patron (Johann Theodor Jablonski an Leibniz, Berlin, 25. April 1702).

Wohlgebohrner etc. HochzuEhrender Herr Geheimbter Rath / hoher und zuverläßiger großer Gönner, (Nicolaus Förster an Leibniz, Hannover, 1. Mai 1702).

Наиболее редки случаи оформления обращения в три строки:

Chur-Fürst. Durch. zu Braunschweig-Hannover hochansehnlicher Geheimbder Rath, / HochEdler, Vest und Hochgelahrter, / mit kindlicher Liebe und unterthänigem Respect hochgeneigter Herr Vetter, und hoher Patron. (Johanna Regina Leibniz und Johann Caspar Westphal an Leibniz, Leipzig, 18. Mai 1702. Beilage zum Brief).

Оформление обращения в зачине письма в одну или несколько строк диктовалось социальным статусом адресата и взаимоотношениями между автором письма и адресатом. Так, К. Фургер отмечает, что двустрочное обращение использовалось лишь по отношению к коронованным особам, князьям и графам, а также тогда, когда автор письма хотел подчеркнуть свое особое уважение к адресату. В этом случае подобное оформление допускалось и между лицами, занимающими равное социальное положение, а чтобы придать письму более личностный характер, автор мог отказаться от употребления слова *Herr*⁴, как, например, в письме Иоганны Регины Лейбниц к Готфриду Вильгельму Лейбницу:

HochEdler Patron, Mit kindl. Reverence Hochzuehrender H. Vetter, (Johanna Regina Leibniz an Leibniz Leipzig, 18. Mai 1702).

Кармен Фургер отмечает характерную для немцев особую страсть к титулам (“die Deutschen bezeichnende Titelsucht”) [8, S. 107] и подробно анализирует, какие титулы каким лицам вменялись правилами переписки XVII и начала XVIII веков. Так, например, ссылаясь на издание 1729 г. письмовника И. Г. Нойкирха (Johann George Neukirch, *Akademische Anfangs-Gründe. Zur Briefverfassung. Braunschweig. 1729*), она отмечает, что только для представителей

⁴ Ср.: „Über eine zweiteilige Form verfügten die Anreden eines Kaisers oder Königs, sowie von Fürsten und Grafen... Für eine Anrede auf zwei Zeilen sollte sich der Briefschreiber... vor allem dann entscheiden, wenn er gegenüber dem Adressaten zu besonderem Respekt verpflichtet war... Einen zweizeiligen Aufbau erhielten ferner auch Anreden in Korrespondenzen, die zwischen gesellschaftlich Gleichgestellten gewechselt wurden. Um das Schreiben in diesem Fall ein wenig persönlicher zu gestalten, fiel dabei das «Herr» in der ersten Zeile weg, während das «Gnädig» durch «Hochgeehrt» ersetzt wurde“ [8, S. 111].

светских сословий называлось пятнадцать различных уважительных эпитетов, например, *Hochwohlgeboren* соответствовал уровню «баронов, а также благородных лиц знатного рода» (“Freiherren und Barone sowie Edelleute adligen Standes”), а *Hoch-Edelgeboren* отводилось «советникам на службе императора, короля или князя, а также бургомистрам крупных имперских городов» (“Ratspersonen in kaiserlichen, königlichen oder auch fürstlichen Diensten sowie Bürgermeistern von großen Reichsstädten”). Доценты университетов, академий и гимназий употребляли обращения *Hoch-Edler*, *Vest und Hochgelarter*, *Hoch-Edler und Hochgelahrter* или просто *Hoch-Edler*, в то время как к «гофмейстерам на службе дворян и знати» (“Hofmeister in adligen und vornehmen Anstellungen”) следовало обращаться как к *Hoch-Wohl-Edler und Hoch-Wohlgelahrter*, а эпитет *Edel* отводился «советникам в небольших городах и коммерсантам, а также людям искусства и представителям таких профессий, как книгопечатники, аптекари, граверы или часовщики» (“Ratspersonen in kleineren Städten und Kaufleute, ebenso aber auch auf Künstler und Angehörige von Berufsgruppen wie den Buchdruckern, Apothekern, Kupferstechern oder Uhrmachern”) [8, S. 109]. Далее К. Фургер отмечает зависимость обращения не только непосредственно от социального статуса адресата, но и от социальной иерархии, существовавшей между адресатом и автором письма. Например, *Hochgeehrter Herr* использовалось в том случае, если адресат и адресант занимали одинаковую общественную позицию, а *Günstiger* или *Gebietener Herr* вменялось использовать лицам рангом ниже адресата. Обращение к лицу мужского пола *Vetter*, *Schwager* или к женщине *Schwesterchen* свидетельствовало о близких, но необязательно родственных отношениях между участниками переписки [там же].

В корреспонденции Г. В. Лейбница среди уважительных эпитетов в обращении представлены как *Hochwolgebohrner*, так и *Hochedelgebohrner* (и то, и другое — по отношению к Лейбницу), а также очень широко используется просто *Wohlgelahrter* (этот эпитет фигурирует как в письмах к Лейбницу, так и в обращениях к его адресатам):

Hochwolgebohrner *H. Insonders hochgeneigter Gönner* (Heinrich Christian Kortholt an Leibniz, Berlin, 2. Mai 1702).

Hochedelgebohrner *Hochgeehrtester Herr!* (Philipp Wilhelm von Hörnigk an Leibniz, Regensburg, 24. Dezember 1702).

Wohlgebohrner Herr, Hochgeneigter Patron (Samuel Benedikt Carpzov an Leibniz, Teplitz, 11. September 1702).

Wohlgebohrner hochg. H. (Leibniz an Philipp Wilhelm von Hörnigk, Berlin, 2. Dezember 1702).

Данные эпитеты в большинстве своем представляют композиты, причем оформление их на письме различно, зачастую все компоненты сложного слова пишутся с заглавной буквы, хотя одно и то же слово может встречаться в переписке в разном написании, например *HochEdelGebohrner* наряду с *HochEdelgeborner* или *Hoch-edlgebohrner*.

Нередко уважительные эпитеты сопровождаются усилительными наречиями *insonders* или *sonders* со значением «особенно», что, вероятно, служит выражению еще большего почтения:

HochEdler, Vest und Hochgelahrter Insonders Hochg. H. (Leibniz an Johann Peter Ludewig, Hannover, 30. April 1702).

Wohlgebohrner Herr etc. / sonders Hochgeehrter Herr Geheimbter Rath (Friedrich Alhard von Oberg an Leibniz, Halberstadt, 24. Juli 1702).

Весьма частотен эпитет *Hochgelahrter*, подчеркивающий ученую деятельность Лейбница:

HochEdler, Vest und Hochgelahrter Hochgebietender Herr (Conrad Johann Dannenberg an Leibniz, Hannover, 5. September 1702).

HochEdler gestrenger Hochgelahrter Hochverehrtester Herr und Patron (Johann Theodor Gottfried Sonnemann an Leibniz, Hildesheim, 10. August 1702).

Данный эпитет используется и самим Лейбницем в обращении к коллегам:

HochEdler, Vest und Hochgelahrter Insonders Hochg. H. (Leibniz an Johann Peter Ludewig, Hannover, 30. April 1702).

В обращениях к Лейбницу представлен также его титул тайного советника:

Wohlgebohrner Herr etc. / sonders Hochgeehrter Herr Geheimbter Rath (Friedrich Alhard von Oberg an Leibniz 20, Halberstadt, 24. Juli 1702).

Во многих письмах, адресованных к Лейбницу, адресант называет его своим покровителем или патроном (*Gönner, Patron*),

сопровождая это обращение эпитетами *Hochgeneigter/hochgeneigtester* ‘благосклонный/благосклоннейший’, *Hochgeehrtester* ‘самый уважаемый’, *Hochgebietender* ‘всемогущий’, *zuverlässiger* ‘надежный’, *groß* ‘большой’:

Wohlgebohrner etc. HochzuEhrender Herr Geheimbter Rath hoher und zuverlässiger großer Gönner (Nicolaus Förster an Leibniz, Hannover, 1. Mai 1702).

Hochwolgebohrner H. Insonders hochgeneigter Gönner (Heinrich Christian Kortholt an Leibniz, Berlin, 2. Mai 1702).

HochEdelgeborner Herr Hochgeehrtester Herr und hochgeneigtester Patron (Philipp Helfrich Krebs an Leibniz, Wetzlar, 10. Juni 1702).

Sonders Hochgeehrtester Patron (Otto Mencke an Leibniz, Leipzig, 5. Juli 1702).

Wohlgebohrner Herr, Hochgeneigter Patron (Samuel Benedikt Carpzov an Leibniz, Teplitz, 11. September 1702).

Wohlgebohrner Herr, Hochgebietender Patron (Joachim Friedrich Feller an Leibniz, Regensburg, 2. November 1702).

В переписке представлены также случаи, когда сам Лейбниц обращается к своему адресату как к покровителю, также сопровождая обращение различными эпитетами (в примерах ниже это *fürnehm* ‘благородный’ и *großwerthest* ‘дражайший’):

Hochwürdiger HochzuEhrender Herr und fürnehmer Gönner (Leibniz an Samuel Benedikt Carpzov 10, Berlin, 5. September 1702).

Hochgeehrtester Herr Gesandter Großwerthester Gönner (Leibniz an Christoph Schrader, Berlin, 2. Dezember 1702).

Обращение *Vetter*, кроме уже приведенных выше писем Иоганны Регины Лейбниц, встречается также в адресованном к Лейбницу письме, автором которого был Иоганн Фридрих Фрайеслебен:

HochEdler Herr, Hochgeehrtester Herr Vetter und Gevatter, großer Patron (Johann Friedrich Freiesleben an Leibniz, Glauchau, 30. Oktober 1702).

Обращения в зачине писем допускали всякого рода сокращения, например *Hochgeehrter* до *Hochg.*, *Herr* до *H.*:

WohlEdler etc. insonders Hochg. H. (Leibniz an Johann Thiele Reinerding (?), Hannover, Anfang Mai 1702).

Hochwurdiger, Hochgeehrter H. (Leibniz an Gustave Jean François Lohreman, Hannover, 4. Mai 1702).

Формула *etc.* использовалась как свидетельство имплицитного содержания обязательных с точки зрения этикета эпитетов в обращении, например:

Wohlgebohrner Herr etc. / sonders Hochgeehrter Herr Geheimbter Rath (Friedrich Alhard von Oberg an Leibniz, Halberstadt, 24. Juli 1702).

Hochwurdiger etc. (Leibniz an Daniel Ernst Jablonski, Berlin, 31. Oktober 1702).

Во всех приведенных выше примерах бросается в глаза этикетно закрепленное в обращении адресанта к адресату отсутствие имени или фамилии. Ни в одном письме переписки Лейбница в обращении зачина письма не употребляется имя адресата. Об этом правиле оформления писем упоминает в своей работе Кармен Фургер⁵.

Как отмечает К. Фургер, особенностью барочной переписки является использование уважительных эпитетов не только по отношению к представителям мужского пола, но и по отношению к женщинам, на которых, как правило, распространялось употребление тех же эпитетов, которые отводились их супругам или отцам, при том что к незамужним женщинам обращались *Jungfer*, в то время как *Fräulein* оставлялось за незамужними представительницами дворянства. В немецкоязычной переписке Лейбница обращение к женщине в зачине письма встречается единожды — к Иоганне Регине Лейбниц:

WohlEdle, Hochgeehrte Jungfrau Muhme (Leibniz an Johanna Regina Leibniz, Hannover, 3. Mai 1702).

Как видно из этого примера, Г. В. Лейбниц использует в качестве обращения *Jungfrau*, синонимичное упомянутому К. Фургер *Jungfer*, и *Muhme*, хотя его адресатом была его племянница, а не пожи-

⁵ Ср.: „Auch der Einsatz von französischsprachigen Anreden in deutsche Briefen scheint nicht ganz unproblematisch zu sein... Die Meinungen hinsichtlich der Frage, ob — und wenn ja — in welchen Situationen im deutschen Briefverkehr französische Anreden verwendet werden durften, gehen in der Briefsteller-Literatur des 17. und frühen 18. Jahrhunderts sehr auseinander“ [8, S. 110].

лая родственница, кума, крестная или тетя, как трактуется значение этого слова в словарях.

Наконец, необходимо отметить, что в ряде немецкоязычных писем переписки Лейбница фигурируют французские обращения, например:

Monsieur le Conseiller, et treshonnoré Patron (Andreas Morell an Leibniz, Arnstadt, 4. April 1702).

Вопрос об употреблении французских обращений в немецких письмах, по словам К. Фургер, не был оставлен без внимания немецкими письмовниками и решался неоднозначно.

Во всяком случае, что касается переписки Лейбница, французское влияние прослеживается однозначно, причем в немецкоязычном оформлении обращения в большинстве своем очень объемны и тяжеловесны, а французские письма содержат большое число примеров, когда обращение сокращается до одного слова *Monsieur*, *Monseigneur*, *Madame* или *Mademoiselle*. Из 297 писем на французском языке обращение *Monsieur*, оформленное отдельной строкой, встречается в 89 раз, *Madame* — 32 раза, *Monseigneur*, *Mademoiselle* — по одному разу. Кроме того, весьма частотно употребление таких обращений в составе первого предложения письма, без каких-либо дополнительных эпитетов (порядка 30 случаев).

Подобное употребление нераспространенного обращения *Monsieur* представлено и в письме, оформленном на немецком языке:

Monsieur (Fürstin Luise von Hohenzollern an Leibniz, Hechingen, 5. April 1702).

Если продолжить сравнение обращений в зачине писем переписки Лейбница на других языках, то можно отметить наличие уважительных эпитетов, например, в англоязычных письмах: *Dear Sr*, *Most Honored Sir*, *Honour'd Sr*. Однако в сравнении с ними приведенные выше немецкие обращения явно проигрывают в краткости, так что замечание, сделанное К. Фургер о тяжеловесности и объемности немецких обращений в сравнении с французскими или итальянскими⁶, представляется совершенно справедливым.

⁶ Ср.: „Im Vergleich zum deutschen Titel fällt das französische resp. italienische Pendant viel schlanker aus. Während sich die beiden fremdsprachigen Titel auf die wesentlichen Angaben zum sozialen Status sowie zur Funktion des Briefempfängers

Отсутствие обращения в зачине письма нередко как бы компенсируется в первой фразе письма, когда адресат называется в третьем лице, как, например, в переписке с И. Г. Экардом:

*“Ich bin alhier Gott lob glücklich ankommen, **Monsieur Eckard** wird Mein briefgen aus Wolfenbutel empfangen haben“* (Leibniz an Johann Georg Eckhart, Lietzenburg, 13. Juni 1702).

*“**Monsieur Eckard** wird gebethen die beyden briefe bestellen zu lassen den einen nach Paris bey M. Schlem, den andern auff die Post franco Caßel, allwo nicht nothig etwas meinetwegen zu bezahlen“* (Leibniz an Johann Georg Eckhart, Lietzenburg, 20. Juni 1702).

*“**Des Herrn Geheimbden Raths Excellentz** Schreiben vom 13 und 15. Juni habe wohl 5 erhalten...“* (Johann Georg Eckhart an Leibniz, Hannover, 23. Juni 1702).

*“Weilen die zeit Kirschen einzumachen herbey nahet, so wolle **Mons. Eckard** Sorge tragen, daß wenn man die rechten Kirschen dazu am besten haben kan, ...“* (Leibniz an Johann Georg Eckhart, Lietzenburg, 22. Juli 1702).

Ритуализованный характер обращения к адресату в эпистолярном тексте проявляется не только в зачине письма, но также и в его концовке, так называемой “*Courtoisie*”, которая состоит из нескольких частей. Открывалась эта часть, как правило, фразой типа *ich verharre mit allem ersinnlichen Respect*, в котором автор письма заверял адресата в своей верности, преданности и дружбе, затем следовал повтор начального обращения к адресату, например *Ewr. Excellenz*, и, наконец, подпись типа *Unterthäniger und gehorsamer Knecht*⁷, например:

...alstets verharrend Ewrer Excellence Unterthänigst gehorsamster Conrad Iohan Dannenberg (Conrad Johann Dannenberg an Leibniz, Hannover, 5. September 1702).

beschränkten, beinhaltete der deutsche Titel noch zusätzliche Angaben zu Herrschaften oder Gütern“ [8, S. 106].

⁷ Ср.: „Eröffnen konnte der Briefschreiber die «*Courtoisie*» mit einem Satz wie «*ich verharre mit allem ersinnlichen Respect*», womit er gegenüber dem Korrespondenzpartner seine Treue, Ergebenheit oder auch Freundschaft versicherte. Als Nächstes folgte die Wiederholung der Anrede des Briefempfängers, z.B. „*Ewr. Excellenz*», worauf der Briefverfasser die Submission, z.B. «*Unterthäniger und gehorsamer Knecht*» folgen ließ. Diese Ehrerbietung bestand in der Regel aus ein bis zwei Adjektiven, welche der Schreiber entsprechend dem sozialen Status des Briefempfängers zu wählen hatte“ [8, S. 115].

В контексте данной статьи наибольший интерес представляет именно та часть *Courtoisie*, которая содержит повтор начального обращения к адресату письма. При этом обращение могло варьироваться по сравнению с зачином письма или полностью с ним совпадать, ср., например:

Sonders Hochgeehrtester Patron ...*In Erwartung einer geneigten Antwort, verbleibe ich unter Gottes Schutz Meines Hochgeehrtesten Patrons ergebenster diener L. Otto Menckenius* (Otto Mencke an Leibniz, Leipzig, 5. Juli 1702).

HochEdelgeborner Herr Hochgeehrtester Herr und hochgeneigtester Patron ... *alß der mit treuester begierde unaussetzlich verharre Meines hochgeehrtesten Herrn und hochgeneigteten Patrons Gantz ergebenster gehorsamster Diener P. H. Krebs. Wezlar, 10. junii 1702* (Philipp Helfrich Krebs an Leibniz, Wetzlar, 10. Juni 1702).

WohlEdle, Hochgeehrte Jungfrau Muhme ... *und lebenszeit verbleibe Meiner hochg. Jungfrau Muhme Ehrendienst-ergebenster Vetter G. W. v. Leibniz* (Leibniz an Johanna Regina Leibniz, Hannover, 3. Mai 1702).

Hochwürdiger HochzuEhrender Herr und fürnehmer Gönner ... *Ich verbleibe mit schuldigster Hochachtung und ergebenheit E. Hochwürden_dienstverbundenster Gottfried Wilhelm von Leibniz* (Leibniz an Samuel Benedikt Carpsov, Berlin, 5. September 1702).

Hochwürdiger etc. ... *Erwartend forderlichst dero befehl und nachricht und verbleibe E. Hochw Dienstergebenster GWL* (Leibniz an Daniel Ernst Jablonski, Berlin, 31. Oktober 1702).

Повтор эпитетов, использованных в начале письма, подчеркивает их строго регламентированный характер.

В отдельных случаях обращение, содержащееся в *Courtoisie* совершенно не совпадает с начальным обращением в зачине письма, как, например:

Wohlgebohrner Herr, Hochgeneigter Patron ... *Gott erhalte E. Excell. in allem verlangten wohlgehen zu dem gemeinen besten lange Jahre. Unter welchem Wunsch ich verharre E. Excell. etc. Töplitz, d. 11. Sept. 1702* (Samuel Benedikt Carpsov an Leibniz, Teplitz, 11. September 1702).

Кроме того, зачастую те письма, которые не имеют начального обращения, содержат его в части “*Courtoisie*”, например:

...Ich versichre mich im ubrigen E. Excell. hohen affection und gnadigen fürsprache der ich bin ... Berlin d. 8. Jul. 702 (Heinrich Christian Kortholt an Leibniz, Berlin, 8. Juli 1702).

...Es pardoniren E. Excell. indefsen meine weitlaufftigkeit, denn ich es nicht kürtzter machen können und bleiben gewoogen ... Berlin d. 13. Jul. 702 (Heinrich Christian Kortholt an Leibniz, Berlin, 13. Juli 1702)

... Welches bestens zu incaminiren bitte und in ubrigen iederzeit verbleibe E. Hochw. dienstergebenster G. W. v. Leibniz. (Leibniz an Gustave Jean François Lohreman, Berlin, 20. September 1702).

Тем не менее и в этих случаях выбор формул обращений продиктован требованиями этикета, которым следовал автор письма. Соблюдение ритуального характера эпистолярного дискурса способствовало установлению и поддержанию определенных отношений между его участниками.

Таким образом, если в устной речи основная цель обращения — назвать собеседника и привлечь его внимание, то в эпистолярном дискурсе апеллятивная функция обращения уходит на второй план. Главная его задача здесь — назвать адресата с учетом его социального статуса, а также соотношения социального положения адресата и автора письма, и тем самым соблюсти определенные требования этикета, следуя выработанным канонам оформления письма. Обращение в немецкоязычной переписке В. Г. Лейбница фигурирует в начале письма и в его концовке, так называемом “*Courtoisie*”. Начальное обращение в немецкоязычных письмах отличается объемностью, занимает иногда не одну, а две-три строки, включает в себя определенный набор уважительных эпитетов, употребление которых подчиняется определенным правилам этикета. В том случае, если начальное обращение отсутствует, то адресация письма может произойти в первой фразе, в которой адресат называется в третьем лице, но с соблюдением тех же правил этикета переписки XVII–XVIII века. Отличительной особенностью обращения является отсутствие упоминания имени или фамилии, авторы ограничиваются лишь набором соответствующих титулов адресата.

Конечное обращение в части “*Courtoisie*” может либо полностью дублировать начальное обращение, либо частично его варьировать (в сторону сокращения), либо компенсировать его отсутствие в записке письма.

Основными функциями обращения в письме ранненовонемецкого периода являются функции адресации и этикетности. Называя адресата письма, обращение также отражает социально-личностные отношения между адресатом и автором письма. Особенностью эпистолярного дискурса является его ритуализованность, этикетность и адресованность. Тем самым можно говорить об организующей роли обращения в эпистолярном дискурсе ранненовонемецкого периода.

Литература

1. Акишина, А. А., *Формановская, Н. И.* Этикет русского письма. 5-е изд., испр. и доп. М: Русский язык, 2007. 208 с.
2. Арутюнян, Э. Б. Функционирование речевого этикета в королевском эпистолярном наследии (XV–XIX вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук / РГПУ им. А. И. Герцена. СПб, 2000. 18 с.
3. Гольдин, В. Е. Обращение: теоретические проблемы. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. 129 с.
4. Гончарова, Е. А. Научная коммуникация — дискурс — интердискурсивность // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: сб. науч. ст. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2001. С. 59–68.
5. Кабанова, Т. Н. Эпистолярный текст частной переписки в аспекте теории речевого общения (на материале рукописных и опубликованных текстов XX в.): автореф. дис. ... канд. филол. наук / ЧГПУ. Челябинск, 2004. 24 с.
6. Комлева, Е. В. Функционально-семантическая категория апеллятивности как фактор текстообразования (на материале современного немецкого языка): дис. ... докт. филол. наук / РГПУ им. А. И. Герцена. СПб, 2014. 441 с.
7. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. 682 с.
8. *Furger, C.* Briefsteller. Das Medium „Brief“ im 17. und frühen 18. Jahrhundert. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2010. 230 S.
9. *Klettke-Mengel, I.* Fürsten und Fürstenbriefe (Zur Briefkultur im 16. Jh.). Köln: Grote, 1986. 114 S.
10. *Leibniz, G. W.* Sämtliche Schriften und Briefe / hrsg. von der Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften und Akademie der Wissenschaften zu Göttingen. Erste Reihe. Allgemeiner politischer und historischer Briefwechsel. 21. Bd. Berlin; Göttingen: Akademie Verlag, 2012. 879 S.

11. Nickisch, R. M. G. Die Stilprinzipien in den deutschen Briefstellern des 17. und 18. Jahrhunderts. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1969. 290 S.

12. Vellusig, R. Schriftliche Gespräche. Briefkultur im 18. Jh.. Wien; Köln; Weimar: Böhlau, 2000. 393 S.

13. Warnke, I. H., Spitzmüller, J. Methoden und Methodologie der Diskurslinguistik — Grundlagen und Verfahren einer Sprachwissenschaft jenseits textueller Grenzen. Berlin; New York: de Gruyter, 2008. 54 S.

References

1. Akishina, A. A., Formanovskaya, N. I. *Etiket russkogo pisma* [Etiquette of Russian letters]. Moscow, Russkii iazyk, 2007. 208 p. (In Russian)

2. Arutiunian, E. B. Funktsionirovanie rechevogo etiketa v korolevskom epistolarnom nasledii (XV–XX vv.). Autoref. diss. kand. filol. nauk [The functioning of the speech etiquette in the Royal epistolary legacy (XV–XIX centuries. Thesis of PhD)]. RGPU A. I. Gerzena. St. Petersburg, 2000. 18 p. (In Russian)

3. Gol'din, V. E. *Obrashchenie: teoreticheskie problemy* [Address: theoretical problems]. Saratov, Saratov University Press, 1987. 129 p. (In Russian)

4. Goncharova, E. A. Nauchnaia kommunikatsiia — diskurs — interdiskursivnost' [Scientific communication — discourse — interdiscursivity]. *Text i diskurs. Problemy ekonomicheskogo diskursa: sbornik nauchnykh statei*. St. Petersburg, SPbGUEF Publ., 2001, pp. 59–68. (In Russian)

5. Kabanova, T. N. *Epistolarnyi tekst chastnoi peregovora v aspekte teorii rechevogo obshcheniia (na materiale rukopisnykh i opublikovannykh tekstov XX v.)*. Autoref. diss. kand. filol. nauk [Epistolary text of private correspondence in the aspect of the theory of speech communication (On the material of manuscripts and published texts of XX century)]. Thesis of PhD]. ChGPU. Cheliabinsk, 2004. 24 p. (In Russian)

6. Komleva, E. V. Funktsional'no-semanticheskaia kategoriia apellativnosti kak faktor tekstoobrazovaniia (na materiale sovremennogo nemetskogo iazyka). Diss. dokt. filol. nauk [Functional-semantic category of appellative as a factor of text formation (on the material of modern German)]. Dis. Dr. philol. sci.]. RGPU A. I. Gerzena. St. Petersburg, 2014. 441 p.

7. *Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar'. Iazykoznanie* [Great Encyclopedic Dictionary. Linguistics]. Ed. by V. N. Jarzevoi. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1990. 682 p. (In Russian)

8. Furger, C. *Briefsteller. Das Medium „Brief“ im 17. und frühen 18. Jahrhundert*. Köln, Weimar, Wien, Böhlau, 2010. 230 p.

9. Klettke-Mengel, I. *Fürsten und Fürstenbriefe. (Zur Briefkultur im 16. Jh.)*. Köln, Grote, 1986. 114 p.

10. Leibniz, G. W. *Sämtliche Schriften und Briefe*. Hrsg. von der Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften und Akademie der Wissenschaften

zu Göttingen. *Erste Reihe. Allgemeiner politischer und historischer Briefwechsel*. 21. Bd. Berlin, Göttingen, Akademie Verlag, 2012. 879 p.

11. Nickisch, R. M. G. *Die Stilprinzipien in den deutschen Briefstellern des 17. und 18. Jahrhunderts*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1969. 290 p.

12. Vellusig, R. *Schriftliche Gespräche. Briefkultur im 18. Jh.* Wien, Köln, Weimar, Böhlau, 2000. 393 p.

13. Warnke, I. H., Spitzmüller, J. *Methoden und Methodologie der Diskurslinguistik — Grundlagen und Verfahren einer Sprachwissenschaft jenseits textueller Grenzen*. Berlin, New York, de Gruyter, 2008. 54 p.

Бирр-Цуркан Лилия Федоровна

доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ, кандидат филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Birr-Tsurkan Lilia Fedorovna

Associate Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University,
Doctor of Philological Sciences
Address: 7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: l.birr-tsurkan@spbu.ru

**ДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ
ПАРАТЕКСТОВ НАУЧНОГО СТИЛЯ
(НА ПРИМЕРЕ АВТОРСКОГО ПРЕДИСЛОВИЯ
К НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫМ МОНОГРАФИЯМ ПО ЛИНГВИСТИКЕ)**

Ключевые слова: научный лингвистический дискурс, дискурсивные маркеры, функции дискурсивных маркеров, паратексты, авторское предисловие.

В статье рассматриваются различные теоретические подходы к дискурсивным маркерам как языковым единицам, выполняющим разнообразные функции в научном дискурсе, выявляются их свойства и особенности функционирования. Проводится также анализ употребления дискурсивных маркеров авторского предисловия к монографиям по лингвистике, выделенных на основе реализуемых ими функций.

I. A. VORONOVSKAYA

St. Petersburg State University

**DISCOURSE MARKERS OF SCIENTIFIC STYLE PARATEXTS
ILLUSTRATED BY AUTHOR'S PREFACE
TO GERMAN LINGUISTIC MONOGRAPHS**

Keywords: scientific linguistic discourse, discourse markers, functions of discourse markers, paratexts, author's preface.

The paper deals with different theoretical approaches to discourse markers as linguistic units fulfilling various functions in scientific discourse, brings to light their characteristics and peculiarities of functioning. The author of the article also carries out a review of the usage of scientific style paratext discourse markers — author's preface to linguistic monographs — separated out on the basis of their functions.

Научный дискурс занимает особое место в современных лингвистических исследованиях, что обусловлено неоднозначной и многоаспектной природой объекта изучения и многообразием подходов к его рассмотрению. В.И. Карасик положил в основу исследования дискурса социолингвистический подход, сфокусировав таким образом внимание на «анализе участников общения как представителей той или иной социальной группы и анализе обстоятельств общения в широком социокультурном контексте» [5, с. 5]. Он предлагает выделять два основных типа дискурса: персональный (лично-ориентированный) и институциональный.

В первом случае говорящий выступает как коммуникативная личность со всеми присущими ей личностными характеристиками, во втором случае — как репрезентант определенного социального института. По мнению А. В. Голоднова, для определения типа институционального дискурса следует принимать во внимание статусно-ролевые характеристики участников общения, цель общения и прототипное место общения [4, с. 86]. В институциональном дискурсе, который представляет собой общение в заданных социально-ролевых рамках, В. И. Карасик выделяет определенные подвиды дискурса, к которым он относит и научный дискурс. А. В. Голоднов принимает в качестве основополагающего критерия для выделения определенных типов, или порядков дискурса общественную (социокоммуникативную) практику «в исторически сложившейся сфере социального взаимодействия», которая детерминирует «коммуникативные интенции, виды речевых действий, типовое содержание, языковое оформление и общее коммуникативное поведение субъектов общения» [4, с. 88]. На основе данного критерия им выделяются обиходно-бытовой, массмедийный, литературный, политический, экономический, научный и другие типы дискурсов, которые в целом именуется социофункциональными.

Целью научного общения является прежде всего получение новых знаний о явлении, событии или предмете, выделение их свойств и качественных характеристик. Научный дискурс отличаются такие черты, как абстрактность, логичность, точность и объективность. В рамках научного дискурса статусно-ролевые отношения между коммуникантами предусматривают использование особого профессионального языка, определенных моделей коммуникации, специфических стратегий и жанров. Научный дискурс, как и любой другой дискурс, может анализироваться, по мнению В. Е. Чернявской, как «языковое выражение (языковой коррелят) определенной общественной практики, упорядоченное и систематизированное особым образом использование языка, за которым стоит социально, идеологически и исторически обусловленная ментальность» [9, с. 143]. В настоящий момент достаточно основательно изучены предметная специфика, интертекстуальные связи, особенности антропоцентрической направленности, эмоционально-экспрессивная составляющая научного дискурса, в то время как прагмалингвистический аспект исследования не рассматривался так активно, поэтому он привлекает все большее внимание. Пред-

варительный отбор языковых и синтаксических средств, а также их последующее использование детерминированы определенным коммуникативно-прагматическим пространством», т.е. ситуация реальной коммуникации определяет не только тематику, но и способ ее языковой репрезентации. В этой связи значительную роль играют вспомогательные языковые единицы, которые помогают выстраивать и направлять коммуникацию, имеют определенную «дискурсивную семантику» — выражают коммуникативно-прагматическую информацию, обеспечивают связность отдельных фрагментов научного текста.

Вспомогательные языковые единицы подобного рода могут использоваться в оформлении не только научного дискурса, поэтому многие лингвисты рассматривают их роль и функции вне контекста какого-то определенного типа дискурса. Тем не менее композиционно-смысловая структура письменного научного текста и способы подачи информации позволяют говорить об определенных специфических особенностях функционирования в нем вспомогательных языковых единиц. Среди отечественных и зарубежных ученых, однако, нет единого определения самого понятия, равно как и названия данных языковых единиц. Вспомогательные языковые единицы именуют «дискурсивными маркерами», «дискурсивными частицами», «дискурсивными словами», «дискурсивными коннекторами», «дискурсивами», «дискурсивными операторами», «прагматическими маркерами», «прагматическими частицами» и др. (“pragmatic marker” (Brinton 1996), “discourse markers” (Fraser 1990; Schiffrin 1987; Lenk 1998; Fischer 2014), “operatoren” (Barden, Elstermann, Fiehler 1999), “pragmatic expressions” (Erman 1987), “discourse particles” (Schourup 1982; Kroon 1995, 1998), “diskursmarker” (Gohl, Günthner 1999; Günthner 1999b; Günthner, Imo 2003; Imo 2007; Imo 2012), “Gliederungssignale” (Gülich 1970; Willkop 1988; Weinrich 1993; Helbig, Buscha 2001) (цит. по: В. Имо [12, S. 1–2]).

Столь же разнообразны и определения вспомогательных языковых единиц. Б. Фрезер, использующий термин «прагматические маркеры», рассматривает достаточно широкий класс этих единиц и выделяет в нем дискурсивные маркеры как подкласс. Исследователь полагает, что они являются функциональным классом лексических выражений, который существует в любом языке. Дискурсивные маркеры не приносят никакого значения в пропозициональное содержание высказывания, всегда находятся в нача-

ле предложения и являются единицами не синтаксического, а прагматического плана. Б. Фрезер подчеркивает, что дискурсивные маркеры не создают отношения между своим лево- и правосторонним контекстом, они лишь проясняют это задуманное говорящим отношение [11]. Д. Шиффрин, которая занималась исследованием устного дискурса, полагает, что дискурсивные маркеры — это единицы, зависящие от последовательности смыслов, тем или происхождения, разбивающие речь на части [13, р. 57]. Исследователь уделяет внимание собственному значению дискурсивных маркеров, которые действуют на разных — референтом, межличностном и экспрессивном — уровнях дискурса, осуществляя и демонстрируя связь этих уровней. А. А. Кибрик считает дискурсивными маркерами «слова или словосочетания, кодирующие значения, отличные от пропозиционального содержания (или от истинностной оценки)» [6, с. 3]. Данная трактовка указывает на собственное, иное по сравнению с содержанием высказывания значение дискурсивных маркеров. Е. Ю. Викторова, использующая для дискурсивных маркеров термин «дискурсив», считает их вспомогательными коммуникативными единицами, отличающимися большим структурным, семантическим и функциональным разнообразием, которые, несмотря на это, образуют «единый класс слов и выражений, служащих для передачи регулятивной и дискурсивной информации, принадлежащих речеорганизующему уровню коммуникации и выполняющих функции организации дискурса и демонстрации автором своего отношения к речи и ее содержанию» [1, с. 14]. Она рассматривает данные вспомогательные языковые единицы как особую систему транскатегориальных единиц, чье основное предназначение «состоит в помощи коммуникантам в оформлении речи на всех стадиях дискурсивного процесса — во время создания, реализации и восприятия дискурса» [2, с. 1].

В данной статье мы будем использовать термин «дискурсивный маркер», поскольку вспомогательные единицы подчеркивают или маркируют определенные смыслы в научном тексте и выполняют при этом определенные функции. Отсутствие единообразия как при обозначении, так и определении дискурсивных маркеров свидетельствует о многомерности понятия и многокомпонентности класса данных единиц [7, с. 158]. Многие исследователи подчеркивают транскатегориальный характер дискурсивных маркеров, объединяющих в своем составе единицы, которые относятся к разным

частям речи и имеют различную структуру. Таким образом, структура, семантика и состав дискурсивных маркеров остаются вопросами дискуссионными. С точки зрения выполняемых ими функций дискурсивные маркеры весьма разнообразны. Эти функции ориентированы на коммуникативно-организующий, или вспомогательный уровень общения, который выделяется наряду с коммуникативно-информативным, или основным уровнем. Дискурсивные маркеры, передающие информацию коммуникативно-прагматического характера и являющиеся единицами вспомогательного уровня коммуникации, противопоставляются основным, самостоятельным единицам, передающим пропозициональную, фактуальную информацию. Эти вспомогательные языковые единицы отражают характер взаимодействия между участниками коммуникации, они «передают информацию в оценочно-интерпретационном, контактно-регулирующем плане межличностных отношений» [2, с.2]. Г.Кларк также выделяет два уровня, или две системы коммуникации: первичную систему, являющуюся основной задачей коммуникации, и вторичную систему, которую он дефинирует как такую часть использования языка, с помощью которой происходит взаимодействие коммуникантов, создание, выстраивание и управление основной коммуникацией [1, с. 11]. По мнению П. Ауэра и С. Гюнтер, дискурсивные маркеры выполняют целый ряд совершенно разных дискурсноориентированных функций, которые могут быть связаны с членением текста, с включением в него высказываний и эпистемических положений, с отношениями между коммуникантами, а также со сменой темы (цит. по: [10, S. 336]). Большинство исследователей отмечает в качестве ведущей функции дискурсивных маркеров связующую функцию, обеспечивающую связность текста, что, в свою очередь, является важнейшей текстовой категорией, которая позволяет развивать тему и обеспечивает целостность текста. «Дискурсивные маркеры, проявляя свойства когезии и когерентности, обеспечивают его грамматическую и смысловую цельность» [7, с.158]. Не менее значимыми являются и прагматические функции, реализуемые дискурсивными маркерами, к которым относятся отражение процесса взаимодействия между коммуникантами и отношение автора к написанному. В первом случае дискурсивные маркеры помогают направлять внимание адресата, воздействовать на него, облегчая тем самым интерпретацию научного текста. Во втором случае благодаря наличию данной функции дискурсивные

маркеры участвуют в создании лично окрашенного, своеобразного и потому отличающегося от других научного текста.

Дискурсивные маркеры отличает полифункциональность, что в известной степени затрудняет четкое выделение групп дискурсивных маркеров, реализующих ту или иную функцию. Например, дискурсивный маркер *außerdem* сигнализирует переход от одной части текста к другой, от одного блока информации к другому, возможно, не менее важному, обеспечивая связность и целостность текста; с другой стороны, он может восприниматься адресатом как сигнал актуализации и акцентирования внимания на не менее существенной информации. Исследователи дискурсивных маркеров предлагают различные подходы к их изучению и, соответственно, различные классификации. В данной статье мы рассматриваем дискурсивные маркеры достаточно широко и относим к ним слова, словосочетания и обороты речи, которые выполняют текстоорганизующую и связующую функции, способствуют реализации диалогичности научного текста, в которой находит свое выражение процесс взаимодействия автора с адресатом, передают отношение автора к написанному и к действительности в целом. В этой связи подход Е. Ю. Викторовой к классификации дискурсивных маркеров, в основу которого положен тип передаваемой ими информации, видится наиболее приемлемым для описания вспомогательных языковых единиц научного дискурса. Исследователь выделяет дискурсивы-регулятивы, выполняющие межличностную языковую функцию и выражающие регулятивную информацию, и дискурсивы-организаторы, выполняющие текстовую функцию и выражающие дискурсивную информацию [1, с. 11].

Функционирование дискурсивных маркеров текстов научного дискурса мы рассмотрим на примере паратекста, а именно авторского предисловия к немецкоязычным монографиям по лингвистике. Авторское предисловие многими исследователями относится к вспомогательным текстам, или паратекстам, основной задачей которых являются «сопровождение» и подготовка восприятия читателем базового текста. И. Р. Гальперин именует их «предтекстами» и подчеркивает, в частности, что предисловие не сообщает читателю новое научное знание, оно «настраивает» его на восприятие основного текста, пробуждает интерес, выполняя роль своеобразного компаса [3, с. 58]. Предисловие не существует вне основного текста, оно подготавливает научный диалог автора и его адресата.

В проанализированных предисловиях (20 предисловий к первым изданиям монографий объемом от 0,5 до 1,5 страниц) можно выделить следующие типы дискурсивных маркеров:

1. Дискурсивные маркеры-организаторы, обеспечивающие композиционно-структурную связность текста предисловия и организующие его; их можно разделить на более мелкие подгруппы, а именно на маркеры, указывающие:

- на порядок следования информации: *Im ersten Teil wenden wir uns dem Mythos und der Funktion der Jugendsprache zu...* (Schlobinski, Kohl, Ludewigt) *in den Folgekapiteln wollen wir zeigen, dass und wie Jugendsprache im Rahmen einer Ethnographie des Sprechens zu behandeln ist* (Schlobinski, Kohl, Ludewigt); *Vor diesem Hintergrund werden wir im ersten Kapitel verschiedenartige Bestimmungen von Fachsprache erörtert...* Das gilt bereits für **das zweite Kapitel**, das der Gliederung von Fachsprachen gewidmet ist... (Roelcke); **Daran schließt sich** die Schilderung dreier interdisziplinärer Bereiche... (Vater); ...darum versucht **das 3. Hauptstück** dieser Darstellung, Entwicklungstendenzen deutlich zu machen...; ...**schließlich** möchten wir... (Roelcke, Lemnitzer, Zinsmeister); **Im Glossar** finden Sie wichtige Begriffe... (Ehrhardt, Heringer);
- введение новой или дополняющей информации: *Neben der Berücksichtigung des Spannungsverhältnisses zwischen Theorie und Praxis steht in der vorliegenden Darstellung...* (Roelcke); **Auch** auf die Besonderheiten der einzelnen Satztypen wird näher eingegangen (Zielinski); **Nicht nur** die Grundkonzeption, sondern auch die Ausrichtung der einzelnen Kapitel wurde... erarbeitet...; **Nicht nur inhaltlich, sondern auch technisch** ist ein Buch dieser Art eine besondere Herausforderung (Sandig); **Nichtsdestoweniger** wird das Buch als eingehende Einführung in die wichtigen Anwendungsbereiche... (Bernstein); Entsprechende Hinweise finden sich außerdem in den Literaturangaben im Anschluss an die Kapitel. (Lüger); Die vorliegende Einführung noch einmal zu überarbeiten... wurde **unter anderem (u.a.)** auch motiviert durch die Tatsache... (Schwarz);
- противопоставление или небольшое отступление от основной линии изложения: *Natürlich machen Sprachbeschreibungen dieser Art die konkreten Arbeitshinweise... nicht überflüssig, andererseits dürfen sie aber auch...* (Lüger); **In keinem Fall** kann man nur die Elemente oder nur die Regeln... darstellen (Sommerfeldt); **Im Gegenteil:**

das Buch soll eine Einladung sein, auf dem Entdeckungsweg weiter zu gehen... (Sandig 2006);

- выделение и подчеркивание важности информации: ...**insbesondere** die Gliederung der Derivation nach den Formativen der Affixe... (Fleischer, Barz); *Die ausgewählten Operationen sind in erster Linie produktive Verfahren...* (Sommerfeldt); *Vor diesem Hintergrund erscheint eine eingehende Beschäftigung mit Fachsprachen... von großer Bedeutung* (Roelcke);
- вывод или заключение: **Abschließend** sei betont, dass das Buch als Kollektivarbeit der beiden Autoren entstanden ist... (Heinemann, Viehweger); **Schließlich** möchten wir Ihnen danken... (Lemnitzer, Zinsmeister); **Abschließend** sei vielen an dieser Stelle für das Zustandekommen dieser Einführung gedankt... (Neuland).

Данная группа маркеров оказалось достаточно многочисленной, объединив дискурсивные маркеры, обеспечивающие композиционно-структурную целостность паратекста, и дискурсивные маркеры, выполняющие локальную связующую функцию и реализующие отношения противопоставления, уточнения или добавления информации.

2. Дискурсивные маркеры-регулятивы, реализующие в дискурсе авторское начало и отвечающие за связь между автором и читателем. Они также передают отношение автора к написанному и выражают авторскую оценку. В отличие от художественных текстов, где авторская оценка выражается имплицитно и свободно выбранными для этого средствами, в тексте авторского предисловия выражение данной интенции приобретает определенное своеобразие. Автор должен не только кратко ввести читателя в проблематику своего исследования и подготовить его восприятие основного текста, но и вправе поделиться своими эмоциями и ощущениями, рассказать о возможных затруднительных моментах во время создания монографии, а также высказать слова благодарности за различного рода участие в работе над исследованием. Адресат авторского предисловия является представителем одной и той же с автором профессиональной и социокультурной группы. В данном блоке дискурсивных маркеров можно выделить следующие подгруппы маркеров:

- указывающих на оценку достоверности информации (повышение / понижение достоверности сообщаемого): ...*wird das*

Buch... für den Benutzer zweifellos von Nutzen sein. (Bernstein); *Bezüge zur Rhetorik ...genauer auszuloten wäre sicher ein Gewinn...* (Sandig 2006); *Mit der Lektüre dieses Buches ist es sicherlich nicht getan; ...das heißt vermutlich, dass...* (Heringer);

- акцентирующих внимание читателя на важной или дополнительной информации: *Insbesondere lassen sich so der Missbrauch und die Umdeutung germanischer Mythologie leicht erkennen* (Schuppener); *Unser Buch wendet sich an einen breiten Nutzerkreis, in erster Linie an Pädagogen, Lehrer und Studenten...* (Bernstein); *Bewusst gemacht werden müssen aber auf alle Fälle die Operationen zur Abwandlung der Grundstrukturen...* (Sommerfeldt); *... kann das Buch das behandelte Thema keinesfalls erschöpfend umfassen...* (Bernstein); Dabei er gaben sich *vor allem für die Textsortenanalyse einige Modifikationen* (Lüger);
- указывающих на различного рода (эмоциональную) оценку: *...auf die Einbringung aller durchgeführten Arbeitsprojekte und Übungen musste leider... verzichtet werden* (Imhasly, Marfurt, Portmann);
- отсылающих адресата к источнику информации: *In der modernen Linguistik hat sich in den letzten zehn Jahren...eine vehemente Entwicklung vollzogen.; zum Beispiel (z.B.)* (Zielinski); *bei Spencer 1991, Ramers/Vater 1995* (Vater); *Das Buch ist aus Vorlesungen zur Einführung in die Sprachwissenschaft entstanden...* (Vater); *Diese Arbeit ist entstanden aus der Idee, in das Chaos der Stilistik einmal Sinn und Ordnung zu bringen...* (Sandig 1986); *Der Band ist aus textlinguistischen Einführungskollegs erwachsen...* (Dressler); *Aktueller Auslöser war dann das gemeinsame Projekt bei der Virtuellen Hochschule Bayern...*(Heringer); *Der vorliegende Band ist hervorgegangen aus einem zweiseitigen Grundkurs...* (Imhasly, Marfurt, Portmann);
- указывающих на выражение мнения автора: в отличие от базового текста научной монографии в анализируемых авторских предисловиях маркеров типа *aus unserer Sicht, wir meinen /glauben* и т. д. обнаружено не было.

Данный тип дискурсивных маркеров представлен в рамках авторского предисловия небольшим количеством примеров. В некоторых предисловиях имеют место случаи эксплицитной номинации адресата базового текста в форме *das Buch wendet sich an... den breiten Nutzerkreis, Fachlinguisten, Pädagogen, Lehrer, Studenten, Lernende und Lehrende im Fach Deutsch und im Germanistikstudium,*

Studierende der Sprach und Kulturwissenschaften, linguistisch interessierte Leser.

Для текстов монографий список дискурсивных маркеров этой группы будет, вероятно, значительно расширен за счет появления маркеров, указывающих на оценку содержания высказывания, авторизирующих или перформативных маркеров.

Использование дискурсивных маркеров в авторском предисловии как паратексте научного дискурса обнаруживает определенные особенности. Более многочисленной и разноплановой оказалась группа дискурсивных маркеров-организаторов, обеспечивающих организацию дискурса и ориентацию в нем адресата для оптимального восприятия как фактуальной, так и коммуникативной информации [1, с. 11]. Этот факт тем не менее не должен рассматриваться как указание на то, что в рамках авторского предисловия дискурсивные маркеры выполняют лишь «техническую», «строительную» функцию. Маркировка отношения автора к написанному и взаимодействия между автором и адресатом научного текста представлена более скудно, что обусловлено спецификой и функциональной направленностью данного паратекста. Рассмотренные дискурсивные маркеры, имеющие коммуникативно-прагматическую направленность, отражают как сложность и многообразие внутритекстовых связей паратекстов научного дискурса, так и специфику научных текстов в целом.

Литература

1. *Викторова, Е. Ю.* Дискурсивные слова: единство в многообразии // Известия Саратов. ун-та. Новая серия. 2014. Т. 14. Филология. Журналистика. Вып. 1. С. 10–15.
2. *Викторова, Е. Ю.* Дискурсивы в зарубежной лингвистике. 10 с. URL: https://www.sgu.ru/sites/default/files/textdocsfiles/2015/02/25/viktorova_e.yu_.diskursivny_v_zarubezhnoy_lingvistike.pdf (дата обращения: 19.02.2017).
3. *Гальперин, И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 2007. 139 с.
4. *Голоднов, А. В.* Риторический метадискурс: основания прагмалингвистического моделирования и социокультурной реализации (на материале современного немецкого языка). СПб.: Астерион, 2011. 344 с.
5. *Карасик, В. И.* О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.

6. *Кибрик, А. А.* Лекция «Дискурсивные маркеры» // М.: МГУ. Факультет филологии, 2008. URL: <http://www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/courses/discourse/New/14-discourse-markers.pps> (дата обращения: 10.01.2017).
7. *Козут, С. В.* Дискурсивные маркеры в письменном научном дискурсе // Сибирский филологический журнал. 2016. № 2. С. 157–163. URL: www.philology.nsc.ru/journals/spj/pdf/2016_2/17.pdf (дата обращения: 15.01.2017).
8. *Мурашкова, Е. М.* Подходы к исследованию дискурсивных маркеров // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Серия «Лингвистика». 2014. № 5. С. 53–59.
9. *Чернявская, В. Е.* Лингвистика текста. Лингвистика дискурса: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2013. 208 с.
10. *Auer P., Günthner S.* Die Entstehung von Diskursmarkern im Deutschen – ein Fall von Grammatikalisierung? // Grammatikalisierung im Deutschen / Hrsg. N. Leuschner, T. Mortelmans, S. De Groot. Berlin; New York: de Gruyter, S. 335–362.
11. *Fraser, B.* An approach to discourse markers // Journal of Pragmatics. 1990. № 14. P. 383–395.
12. *Imo, W.* Diskursmarker: grammatischer Status — Funktionen in monologischen und dialogischen Kontexten — historische Kontinuität. Interaktion Sprache. Arbeitspapierreihe. Arbeitspapier Nr. 65 (06/2016) URL: <http://arbeitspapiere.sprache-interaktion.de/arbeitspapiere/arbeitspapier65.pdf> (дата обращения: 15.01.2017).
13. *Schiffrin, D.* Discourse Markers. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 364 p.

Источники иллюстративного материала

- Bernstein, W. Z.* Pseudopartizipien im deutschen Sprachgebrauch. Heidelberg: Julius Groos Verlag, 1992. 125 S.
- Donalies, E.* Basiswissen Deutsche Phraseologie. Tübingen: A. Franke Verlag, 2009. 126 S.
- Dressler, W.* Einführung in die Textlinguistik. Tübingen: Niemeyer, 1972. 135 S.
- Ehrhard, C., Heringer H. J.* Pragmatik. Paderborn: Fink Verlag, 2011. 156 S.
- Erben, J.* Deutsche Syntax. Eine Einführung. Bd. 12. Bern: Langs Germanistische Lehrbuchsammlung, 1984. 128 S.
- Fleischer W., Barz I.* Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. 4. neu bearb. Aufl. Berlin; Boston: de Gruyter, 2012. 382 S.
- Gansel Ch., Jürgens F.* Textlinguistik und Textgrammatik. Eine Einführung. Neuausgabe der 2., überarb. und ergänzte Aufl. von 2007. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2009. 271 S.
- Heinemann M., Heinemann W.* Grundlagen der Textlinguistik: Interaktion — Text — Diskurs. Tübingen: Niemeyer, 2002. 294 S.

- Heinemann, W., Viehweger, D. Textlinguistik. Eine Einführung. Tübingen: Niemeyer, 1991. 310 S.
- Heringer H. J. Interkulturelle Kommunikation. Grundlagen und Konzepte. 3., durchges. Aufl. Tübingen: A. Franke Verlag, 2010. 256 S.
- Imhasly B., Marfurt B., Portmann P. Konzepte der Linguistik. 3. Aufl. Wiesbaden: Aula-Verlag, 1986. 238 S.
- Lemnitzer L., Zinsmeister H. Korpuslinguistik. Eine Einführung. Tübingen: Gunter Narr, 2006. 220 S.
- Lüger H.-H. Pressesprache. 2., neu bearb. Aufl. Tübingen: Niemeyer, 1995. 169 S.
- Neuland E. Jugendsprache. Eine Einführung. Tübingen: A. Franke Verlag, 2008. 210 S.
- Roelcke, Th. Fachsprachen. 3., neu bearb. Aufl. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2010. 250 S.
- Sandig B. Textstilistik des Deutschen. Berlin; New York: de Gruyter, 2006. 584 S.
- Sandig, B. Stilistik der deutschen Sprache. Berlin; New York: de Gruyter, 1986. 368 S.
- Schlobinski, P., Kohl, G., Ludewigt, I. Jugendsprache. Fiktion und Wirklichkeit. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1993. 241 S.
- Schuppener G. Spuren germanischer Mythologie in der deutschen Sprache. Leipzig: Edition Hamouda Wissensverlag, 2007. 135 S.
- Schwarz M. Einführung in die Kognitive Linguistik. 3., überarb. Aufl. Tübingen: A. Franke Verlag, 2008. 298 S.
- Sommerfeldt K.-E. Operationale Grammatik des Deutschen. Eine Skizze. München: Iudicium-Verlag, 1993. 156 S.
- Vater H. Einführung in die Sprachwissenschaft. 2. durchges. Aufl. München: Fink Verlag, 1996. 296 S.
- Zielinski W.-D. ABC der deutschen Nebensätze. München: Max Hueber Verlag, 1981. 185 S.

References

1. Viktorova, E. Iu. Diskursivnye slova: edinstvo v mnogoobrazii [Discursive words: uniformity in diversity]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaia Seriya*, 2014. Filologia. Zhurnalistika, vol. 14, iss. 1, pp. 10–15. (In Russian)
2. Viktorova, E. Yu. *Diskursivy v zarubezhnoi lingvistike [Discourse markers in foreign linguistics]*. 10 p. Available at: <http://docplayer.ru/27641052-Diskursivy-v-zarubezhnoy-lingvistike.htm> (accessed: 19.02.2017). (In Russian)
3. Galperin, I. R. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniia [Text as subject of linguistic research]*. Moscow, Nauka Publ., 2007. 139 p. (In Russian)
4. Golodnov, A. V. *Ritoricheskiy metadiskurs: osnovaniia pragmalingvisticheskogo modelirovaniia i sotsiokul'turnoi realizatsii (na materiale sovremennogo*

nemetskogo iazyka) [*Rhetorical metadiscourse: grounds for pragmalinguistic modeling and socio-cultural implementation (on the material of the modern German language)*]. St. Petersburg, Asterion Publ., 2011. 344 p. (In Russian)

5. Karasik, V.I. O tipakh diskursa [About types of discourse]. *Iazykovaia lichnost': institutsional'nyi i personal'nyi diskurs: sb. nauch. tr.* Volgograd, Peremena Publ., 2000, pp. 5–20. (In Russian)

6. Kibrik, A.A. *Lektsiia «Diskursivnye markery» [Discourse markers]*. Moscow, Fakultet filologii MGU Publ., 2008. Available at: <http://www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/courses/discourse/New/14-discourse-markers.ppt> (accessed: 10.01.2017). (In Russian)

7. Kogut, S.V. Diskursivnye markery v pis'mennom nauchnom diskurse [Discourse markers in written scientific discourse]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, 2016, no. 2, pp. 157–163. Available at: www.philology.nsc.ru/journals/spj/pdf/2016_2/17.pdf (accessed: 15.01.2017). (In Russian)

8. Murashkovskaia, E.M. Podkhody k issledovaniuu diskursivnykh markerov [Approaches to discourse markers analysis]. *Vesnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seria "Lingvistika"*, 2014, no. 5, pp. 53–59. (In Russian)

9. Cherniavskaia, V.E. *Lingvistika teksta. Lingvistika diskursa [Text Linguistics. Discourse Linguistics: A textbook]*. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2013. 208 p. (In Russian)

10. Auer P., Günthner S. Die Entstehung von Diskursmarkern im Deutschen - ein Fall von Grammatikalisierung? // Grammatikalisierung im Deutschen / Hrsg. N. Leuschner, T. Mortelmans, S. De Groot. Berlin, New York: de Gruyter, S. 335–362.

11. Fraser, B. An approach to discourse markers. *Journal of Pragmatics*, 1990, no. 14, pp. 383–395.

12. Imo, W. Diskursmarker: grammatischer Status — Funktionen in monologischen und dialogischen Kontexten — historische Kontinuität. *Interaktion Sprache. Arbeitspapierreihe*. Arbeitspapier no. 65 (06/2016). Available at: <http://arbeitspapiere.sprache-interaktion.de> (accessed: 15.01.2017).

13. Schiffrin, D. *Discourse Markers*. Cambridge, Cambridge University Press, 1987. 364 p.

Вороновская Инна Алексеевна

старший преподаватель кафедры немецкой филологии СПбГУ

Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Voronovskaya Inna Alexeevna

Senior teacher of German Philology Department, St. Petersburg State University

Address: 7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: inna_w@mail.ru

НАРУШЕНИЕ МАКСИМ ГРАЙСА В РЕЛИГИОЗНОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКИХ И РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ РЕЛИГИОЗНОЙ ТЕМАТИКИ)¹

Ключевые слова: религиозный дискурс, инцитивно-прескриптивный тип дискурса, религиозная коммуникация, максимы Грайса, фразеологические единицы.

В статье предлагается пример сравнительного анализа фразеологизмов религиозной тематики в немецкой и в русской фразеологии в качестве иллюстрации нарушения двух максим П. Грайса: максим качества и количества. Дискурс как лингвистическое явление рассматривается в статье в рамках понимания дискурса и дискурсивного анализа учеными Петербургской лингвистической школы. Религиозный дискурс — особая знаковая система, которая включает следующие разновидности: аппрециативно-информативный, десигнативно-системный и инцитивно-прескриптивный. В статье рассматриваются немецкие и русские фразеологизмы, передающие характеристики религиозной коммуникации, происходящей в рамках инцитивно-прескриптивного типа как иллюстрации нарушения максим Грайса. Для религиозного дискурса соблюдение принципа кооперации П. Грайса не является релевантным, например при глоссологии. Фразеологизмы способны воспринимать характеристики дискурса, являющегося их источником. Модель многоуровневого лингводискурсивного анализа DIMEAN позволяет проследить происхождение фразеологизма: религиозный дискурс → религиозная коммуникация → словосочетание → фразеологизация → фразеологизм, и, таким образом, выявить его дискурсивные характеристики. Фразеологизмы с религиозными дискурсивными характеристиками немецкого и русского языков подвергаются анализу с применением модели DIMEAN впервые.

K. V. MANEROVA

St. Petersburg State University

THE VIOLATION OF GRICEAN MAXIMS IN RELIGIOUS DISCOURSE: A CASE STUDY OF THE GERMAN AND RUSSIAN RELIGIOUS PHRASEOLOGY

Keywords: religious discourse, incitivprescriptive discourse type of religious communication, the maxims Grice's, phraseological units.

This article presents a case study of a comparative analysis of religious phraseological units in the German and Russian phraseology as an illustration of the violation of

¹ Статья подготовлена в рамках прохождения научной стажировки по совместному гранту DAAD и СПбГУ «Дмитрий Менделеев» в 2016 г.

two Paul Grice's maxims: the maxim of quality and the maxim of quantity. Discourse as a linguistic phenomenon is discussed here according to the St. Petersburg linguistic school's interpretation of discourse and discourse analysis. Religious discourse is a semiotic system that consists of the following types: appraisive-informative, designative-systemic and incitive-prescriptive. The article focuses on German and Russian phraseological units conveying features of religious communication that occurs within the incitive-prescriptive type of discourse and uses them to illustrate the violation of Grice's maxims of quantity and quality. Grice's cooperative principle is irrelevant to religious discourse when dealing with such phenomena as, for instance, glossolalia. Phraseological units can reflect characteristics of the discourse they originate from. Discourse Linguistic Multi-layered Analysis (DIMEAN) allows us to track the origin of a phraseological unit (religious discourse → religious communication → word group → phraseologization → phraseological unit) and thereby identify its discursive characteristics. This is the first time the DIMEAN model has been used to analyse Russian and German phraseological units with religious discursive characteristics.

В статье предлагается лингвистический анализ дискурсивных единиц, а именно фразеологизмов религиозной тематики немецкого и русского языков как единиц, воспринявших характеристики религиозного дискурса. Религиозный дискурс можно назвать особой знаковой системой: он относится к области институциональных дискурсов с многовековой историей и в отличие от других подобных типов дискурса, например правового, связан с духовной сферой. Религиозный дискурс имеет столько вариантов, сколько в мире существует религий: христианство, буддизм, иудаизм, ислам, монотеистические и политеистические, пантеистические религии и др. Однако для всех разновидностей религиозного дискурса можно выделить одну общую черту: опыт трансцендентного как веру в некую высшую силу, создавшую этот мир, доказательство существования которой, как правило, наличествует исключительно в сакральных текстах и утверждается в религиозной коммуникации, но не объясняется первичным размышлением индивидуума. Религиозный дискурс обладает свойством мультимодальности, т. е. совмещает текст, изображение и звук; важная составляющая религиозного дискурса — коммуникация в ее устной форме.

А. Лаш отмечает, что долгое время лингвистика избегала изучения сакральной коммуникации, так как языкознание (как наука) и теология (как комплекс дисциплин изложения вероучения о Боге) занимаются разными доменами знания и преследуют разные цели [20, S. 537]. Лишь в последние годы в русле конвергенции

разных типов знания религия как отдельная область знания о мире, как пишет Х. Куссе [19], стала рассматриваться в качестве объекта лингвистического исследования в германистике: в аспекте изучения ритуальных языковых практик (см. Г. Мозер [22], К. Елих [16]), в рамках анализа отдельного типа культурно детерминированной коммуникации (см. Х. Куссе [19]), рассмотрения дискурсивных особенностей языковых структур и единиц религиозной тематики (см. Т. Клие [18]), теории речевых актов (см. И. Пауль [23]), типов текста (см. Н. А. Бондарко [1]). Отдельного внимания удостоились фразеологизмы, имеющие в своем составе религиозный компонент и библеизмы (см. Г. Вальтер, В. М. Мокиенко [29], К. В. Манерова [7]). В состав фразеологизмов религиозной тематики входят одно или несколько ключевых слов, лексически, тематически или же исторически относящихся к религиозному христианскому дискурсу. Несмотря на усиливающуюся фрагментацию и переосмысление современного религиозного пространства Германии, фразеология, возникшая в нем, обширна и по сей день не утратила своей употребительности: *j-n ins Gebet nehmen* 'взяться за кого-то', *die Kirche im Dorf lassen* 'не преувеличивать', *kein großes Kirchenlicht sein* 'звезд с неба не хватать'. Исследователи отмечают, что для фразеологических единиц религиозный дискурс может выступать в качестве «смыслогенерирующего источника» [8]. Здесь можно назвать библеизмы немецкого и русского языков: *das A und das O* 'альфа и омега': «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь», Апокалипсис Иоганна Богослова), *sein Scherflein beitragen* ('внести свою лепту' — из притчи о бедной вдове; фразеологизм вошел в немецкий язык благодаря переводу М. Лютера), где компонент *das Scherflein* обозначает мелкую монету в пол-пфенига (*Obol*), распространенную в VIII веке в Саксонии, в русском же фразеологизме компонент «лепта» является заимствованием из греческого *lepton* 'мелкая монета', *wie eine Salzsäule sitzen* 'застыть как соляной столб' — из библейского сюжета о бегстве Лота и его семье) и др. [7, с. 112]. В число этих фразеологизмов можно отнести и единицы, происходящие из церковного ритуала: *читать как пономарь* (монотонно, без выражения), *jemandem die Leviten lesen*, *jemandem die Episteln lesen* 'читать кому-то проповедь, читать кому-то нотации'. Таким образом, можно утверждать, что отдельные фразеологизмы религиозной тематики можно анализировать в аспекте их дискурсивных характеристик.

Дискурс как лингвистическое явление рассматривается в статье в рамках понимания дискурса и дискурсивного анализа учеными Петербургской лингвистической школы, а именно: осмысление дискурса как объекта, «включающего в себя помимо вербально выраженного текста иные содержательные области» [10, с. 49], проведение лингводискурсивного анализа «от языковых средств, который не теряет своей значимости и в рамках современной лингводискурсивной методологии, несмотря на то что дискурсивная лингвистика стремится к предельно широкому охвату языковых явлений» [9, с. 34]. Эти тезисы коррелируют с изложением сути дискурса как коммуникативной практики немецким лингвистом Инго Варнке. Дискурсы, пишет Варнке, появляются как речевые акты и как лингвистический продукт. Дискурсы — динамичные процессы в устной и письменной речи, а также корпус высказываний. Дискурс, с одной стороны, является определенным способом выражения декларативных операций, с другой стороны — общностью интертекстуально и транстекстуально связанных результатов таких операций: высказываний, текстов [30, S. 78]. Таким образом, религиозный дискурс в рамках этого направления рассматривается как лингвистическое явление.

В статье для анализа фразеологических единиц немецкого и русского языков будет частично использована модель многоуровневого лингводискурсивного анализа под названием DIMEAN (*Modell der diskurslinguistischen Mehr-Ebenen-Analyse*), разработанная Юргеном Шпитцмюллером и Инго Варнке [25]. Поясним: интратекстуальный лингводискурсивный анализ как часть модели DIMEAN подразумевает анализ лексических единиц в направлении от дискурса к лексеме, где лексемы — важные единицы таких исследований. Авторы Ю. Шпитцмюллер и И. Варнке подчеркивают: «Отдельное слово как лексема и элемент оформления дискурса может служить объяснением многих вопросов» [25, S. 139]. На это же указывает Вольфганг Тойберт: «Из дискурса мы узнаем, что означают языковые знаки, слова, словосочетания, сегменты текста и даже целые тексты» [26, S. 45]. Позволим развить этот тезис и дальше: не только отдельные слова, но и многокомпонентные устойчивые словосочетания, фразеологизмы могут воспринимать характеристики дискурса и, следовательно, становиться объектом интратекстуального лингводискурсивного анализа, несмотря на то обстоятельство, что в модели DIMEAN фразеологизмы как исследуемые

единицы эксплицитно не названы, хотя употребленный авторами немецкий термин «*Mehrworteinheiten*», приведенный в описании модели DIMEAN, подразумевает не только свободные словосочетания, но и фразеологические единицы). Таким образом, интратекстуальный лингводискурсивный анализ от дискурса через высказывание к составляющим его единицам, таким как фразеологизмы, позволит установить дискурсивные характеристики этих единиц. Модель DIMEAN позволяет проследить происхождение фразеологизма в направлении от широкого явления к узкому: **религиозная коммуникация как совокупность коммуникативных практик** → **языковой коррелят религиозных коммуникативных практик**, т. е. **религиозный дискурс как совокупность устных текстов** → **словосочетание** → **фразеологизация** → **фразеологизм**, и, таким образом, выявить дискурсивные характеристики фразеологизма.

Рассмотрим особенности религиозного дискурса подробнее. Ч. Моррис в своей работе “*Signs, Language and Behavior*” [21] приводит три типа религиозного дискурса: аппрециативно-информативный мифологический, десигнативно-системный космологический и инциитивно-прескриптивный. Все три типа отличаются особым образом маркированными формами языкового выражения, как отмечает И. Пауль [23], и представляют собой интерес для лингводискурсивного анализа. Аппрециативно-информативный тип подразумевает изложение мифологических составляющих религии, например агиографической литературы (жития святых), библейских легенд; десигнативно-системный тип охватывает космогонические аспекты религии, например миф о сотворении мира, как он излагается в Прологе Евангелия от Иоанна (Johannes, Prolog): *Im Anfang war das Wort und das Wort war bei Gott und das Wort war Gott*. Инциитивно-прескриптивный тип религиозного дискурса понимается как форма религиозного общения, информирования реципиентов через наставление или нравоучение. Для религии, согласно определению Э. Дюркхайм, важны две ее составляющих: духовные убеждения и ритуалы [15]. Прескриптивна сама форма религиозной коммуникации участников (или «актеров», в терминах дискурсивной лингвистики): суть религиозной коммуникации заключается в сообщении и передаче реципиенту прескрипций морального толка, утверждающих необходимость или отсутствие неких действий, подобных тем, что отражены в религиозном декалоге, например: *Liebe deinen Nächsten wie dich selbst; Du sollst nicht stehlen*. В свою

очередь, декалоги мировых религий отражают нравственную доминанту, восприятие и следование которой со стороны верующих является другой составляющей этого типа дискурса — инциитивной. Таким образом, инциитивно-прескриптивный дискурс — это тип дискурса, в рамках которого сообщаются религиозные нормы, следование которым должно утвердить реципиента в его убеждениях, ценностях, действиях (на богослужении, на обрядах инициации). Названный тип дискурса предусматривает особый тип коммуникации — «убеждение через наставление» (*нем.* Persuasion), в христианских религиях наставление происходит обычно в виде церковной или пасторской проповеди, молитвы и богослужения, т. е. в процессе ритуальной, храмовой литургии.

Религиозная коммуникация детерминирована общим духовным наследием, закреплена в символах, имеющих и письменную форму (например, Символ веры; Credo), знаках, текстах, фразовых единицах и высказываниях, утверждающих высшую духовную инстанцию, в том числе и во фразеологизмах (*das wolle Gott, das liegt ganz bei Gott, все в руке Божьей*). Предполагается, что и религиозная, храмовая коммуникация, как любая другая, должна отвечать «принципу кооперации», сформулированному Г. П. Грайсом. Согласно этому принципу, коммуниканты должны придерживаться определенных максим (четырёх постулатов) для совершения успешной коммуникации: как отмечает В. Бублиц, на первый план в доктрине Г. П. Грайса выходит рациональность действия и взаимопонимание [14, S. 198]. Максимы 1) количества (полноты), 2) качества, 3) релевантности, 4) способа являются объектом пристального внимания прагмалингвистов (см. ссылки на работы Рольфа, Кеммерлинга, Чапмана, Спербера, Уилсона в работе П. Ауэра [12, S. 95]) и применяются для исследования разных типов дискурсов, например делового [12], юридического [4], политического [11]. Максимы Грайса в религиозном дискурсе не были предметом отдельного исследования с применением лингводискурсивного анализа.

Лингвисты не раз критиковали принцип кооперации П. Г. Грайса: не каждая коммуникативная ситуация направлена на достижение «кооперации», как, например, в случае обмана, введения в заблуждение, умолчания, протеста, игнорирования партнера или, добавим, в случае если коммуникация носит некий условный, метаинституциональный или надобъективный характер. В подобных случаях соблюдение максим Грайса не является обязательным

условием. Коммуникация в рамках рассматриваемого инцидивно-прескриптивного типа дискурса представляет собой пример метаинституционального взаимодействия. В религиозном дискурсе возможно языковое несоблюдение принципа кооперации, в мировой лингвистике получившее название «нарушение максим Грайса». В. Бублиц отмечает, что именно несоблюдение максим Грайса делает их суть доступнее для описания и понимания [14, S. 220]. Рассмотрим подробно нарушение двух первых максим: максим качества и количества на примере немецких и русских фразеологизмов религиозной тематики как единиц с дискурсивными характеристиками.

1. Максима количества (полноты) характеризует информативность высказывания, и ее содержание формулируется следующим образом: «Твое высказывание должно содержать не меньше информации, чем требуется. Твое высказывание не должно содержать больше информации, чем требуется». Нарушение этой максимы мы усматриваем в том, что в религиозной ритуальной коммуникации, протекающей в рамках инцидивно-прескриптивного типа дискурса, новая информация не сообщается; наоборот, ее участники, в зависимости от типа ритуала, повторяют уже существующие убеждения. По этой причине вокабуляр литургии стабилен и архаичен, неизменяем, не содержит неологизмов и во многом описывает ритуальный процесс.

Так, немецкий фразеологизм *in Zungen reden (sprechen)* (книж. шутил. устар.) происходит из религиозного дискурса, применяется для характеристики быстрой, эмоциональной, неинформативной или гиперинформативной и поэтому непонятной речи: *говорить захлеб, витийствовать, разливатьсь соловьем*.

Значение данного фразеологизма, *говорить непонятно, быстро*, актуализировано в контексте следующих немецких примеров из литературных произведений:

Wie sollten sie einen General begreifen, der in Zungen redete! [24]

Und redet in Zungen, ganz schnell [27].

Выражение в исходном значении восходит к некоторым местам Нового Завета, где характеризует эмоциональную, экстатическую ритуальную речь выступлений перед древнехристианской общиной: «Die Zeichen, die da folgen werden denen, die da glauben, sind

diese: in meinem Namen werden sie böse Geister vertreiben, in neuen Zungen reden» [29, S. 175]. Указанное выражение в значении ‘говорить на иностранных языках (и понимать их)’ также встречается в библейском тексте, например в «Деяниях апостолов» (Apostelgeschichte 2, 3–4): *Und es erschienen ihnen Zungen, zerteilt, wie von Feuer, und er setzte sich auf einen jeglichen unter ihnen; und sie wurden alle voll des Heiligen Geistes und fingen an, zu predigen mit anderen Zungen, nach dem der Geist ihnen gab auszusprechen*. По мнению В. М. Мокиенко и Х. Вальтера [29], «представление о говорении на иностранных языках и воспроизведении непонятной речи стало основой для характеристики возбужденной речи проповедника» [там же], т. е. косвенной характеристикой ритуальной коммуникации. С применением модели DIMEAN можно проследить процесс развития фразеологического значения у словосочетания *in Zungen reden*: *религиозная коммуникация как совокупность коммуникативных практик* (храмовая литургия) → *языковой коррелят религиозных коммуникативных практик, т. е. религиозный дискурс как совокупности текстов* (текст Евангелия) → *словосочетание (in Zungen reden* как описание вербального аспекта ритуала) → *фразеологизация* (семантическая деривация) → *фразеологизм (in Zungen reden — ohne Punkt und Komma reden, ФЕ с дискурсивной характеристикой)*.

Таким образом, значение немецкого выражения *in Zungen reden* в процессе фразеологизации семантически и стилистически модифицировалось в значение ‘говорить взахлеб, много, неинформативно’, как в приводимом далее примере из произведения Г. Гауптмана *Der Narr in Christo Emanuel Quint*:

Sie sprachen in Zungen, und John, der Schmied, der vielleicht wirklich an diesem Tage über den Durst getrunken hatte, tat sich um Ostern dadurch hervor, daß er eine wunderbare, letzte Enthüllung des Geheimnisses für den Auferstehungstag, ja eine doppelte Auferstehung und Offenbarung des Heilands im Gärtnerhause zu Miltzsch fanatisch weissagte [17, S. 292].

В русском языке выражение *говорить новыми языками* не претерпело фразеологизации, однако приведем некоторые фразеологизмы русского языка, происходящие из близкого явления, охарактеризованного как глоссолалия. Термин «глоссолалия» происходит от греческого γλῶσσα (*glōssa*), γλῶττα (*glōtta*) ‘язык’, ‘речь’ и λαλέω (*laleo*) ‘говорить, лепетать’ и буквально означает ‘говорить на язы-

как' (ср. нем. *in Zungen reden*). Под глоссолалией понимается особая речь церковного ритуала, часто содержащая архаизмы, с архаичной акцентуацией слов, с изменением просодии и ритма речи, а также экстагическая речь во время проведения церковного ритуала. Ингвер Пауль отмечает, что данное явление однозначно выходит за рамки повседневной коммуникации, глоссолалия не свойственна разговорно-обиходному стилю речи [22, S. 2258]. Глоссолалия в инциитивно-прескриптивном типе религиозного дискурса является частным проявлением нарушения максимы количества, это обстоятельство иллюстрируют следующие русские фразеологизмы, характеризующие глоссолалию:

говорить как дьякон на амвоне — говорить много, неинформативно, болтать;

читать (отчитывать, бубнить) как диакон (как пономарь) — читать (произносить) что-л. монотонно, без выражения, уныло;

молоть как дьячок — говорить много, непонятно (часто: гнусавым голосом);

голос как у дьячка — монотонный, скучный, тягучий голос без выражения;

Не трепи языком, как дьячок псалтырем — не говори много, не говори лишнего, замолчи.

В известном примере из русской литературы фразеологизм *читать как пономарь* характеризует глоссолалию как нежелательную манеру прочтения текста вслух:

«Фамусов:

Петрушка, вечно ты с обновкой,

С разодранным локтем. Достань-ка календарь;

Читай не так, как пономарь (курсив мой. — К. М.),

А с чувством, с толком, с расстановкой» [2, с. 56].

2. Максима качества имплицитует истинность высказывания: «Не говори того, что ты считаешь ложным. Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований», т. е. «будь искренним, соблюдай условия передачи достоверной и истинной информации». Нарушение максимы качества имплицитует, например, русская фразема *говорить, как Бог на душу (на сердце) положит* со значением 'говорить, что вздумается, что хочется, что попало'. В условиях религиозной коммуникации трактовка максимы качества обуслов-

лена обстоятельством не рационального, как его сформулировал Грайс, а трансцендентного характера — незыблемостью духовной убежденности коммуникантов в существовании верховного божества и искренностью их веры. Интерпретация любого явления действительности в религиозной коммуникации определена присутствием верховной силы, ее влиянием на судьбу человека, что предполагает обращение к ней. Об этом косвенно свидетельствуют такие поговорки немецкого и русского языков с апеллятивной функцией (Routineformeln), как *Allmächtiger Gott! Du gerechter Gott! Gott bewahre (behüte)!; Herr, wirf Hirn vom Himmel; So wahr mir Gott helfe!; Um Gottes willen!; das sei Gott befohlen!; Mein Gott!; Gott steh mir bei! Gott noch mal! Не дай бог; Не приведи господь; боже сохрани (упаси, оборони); Клянусь богом!; бога ради!; боже правый!* и др.

Абсолютное знание, которым обладает божество, его власть над жизнью всего сущего утверждаются в немецких и русских фразеологизмах следующего порядка: *Gott weiß, wer/wo/wie/was/wann/ob; Das walte Gott!; Das wolle Gott! Jeder für sich, Gott für uns alle!; in Gottes Hand stehen; бог дал, бог взял — Gott hat's gegeben, Gott hat's genommen; одному богу ведомо; бог прибрал; все в руке божьей.*

Пример из рассказа К. Тухольского служит иллюстрацией употребления фразеологизма религиозной тематики в качестве каталожки:

*Und als sie gerade alle auseinandergehen wollen, mit dem festen und sicheren Bewußtsein, die große Gelegenheit ihres Lebens endlich erreicht zu haben und sie — **das walte Gott!** — richtig auszunutzen [28, S. 5581].*

Пословица *Der Mensch denkt, Gott lenkt* — человек предполагает, а бог располагает, восходит к Библии, немецкий вариант — к латинской Вульгате, к Книге притчей Соломоновых (16, 9): «*Cor hominis dispinit viam suam, sed domini est dirigere fressus eius*» [Des Menschen Herz denkt sich seinen Weg aus, aber es ist die Sache des Herren allein, seinen Schritt zu lenken].

Максима качества в религиозном дискурсе имеет двойственную, амбивалентную природу: «В конвенциональном общении адекватное восприятие речи обеспечивается тем, что коммуниканты настроены на стереотипные наборы скриптов, благодаря чему потенциально амбивалентные высказывания воспринимаются как однозначные» [5, с. 145]. Поясним наш тезис. С одной стороны, в религиозной коммуникации в среде верующих отмечается соблю-

дение максимы качества, обусловленное убежденностью коммуникантов в безусловной истинности существования Бога. Приведем в качестве примера русскую поговорку *Бог есть!*, употребляемую как констатирующее высказывание функционально-смыслового типа речи в ситуациях со счастливым, справедливым, или же ожидаемым как таковой исходом, ср. пример из произведения «Заповедник» Сергея Довлатова: «Мы увидимся. *Бог есть*... Мне бы хотелось ей верить» [3]. С другой стороны, агностицизм или же атеистические установки коммуникантов позволяют не принимать установки инцитивно-прескриптивного дискурса, усмотреть в подобных ассертивных высказываниях нарушение максимы качества Грайса «Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований».

Таким образом, религиозный тип дискурса в его инцитивно-прескриптивном типе подразумевает особый вид коммуникации — надобъективной и метаинституциональной, в которой не является релевантным соблюдение максим количества и качества. Новая информация в процессе коммуникации, проходящей в рамках названного типа религиозного дискурса, не сообщается, искренность коммуникантов в рамках совершения сакрального ритуала не подвергается сомнению, истинность передаваемой информации для участников непреложна. Можно сделать предположение о том, что нарушение указанных максим может рассматриваться в качестве средства языковой рестрикции, своеобразного отграничения общения в рамках религиозной коммуникации от профанного. Рассматриваемые фразеологизмы немецкого и русского языков, воспринявшие характеристики религиозного дискурса, иллюстрируют нарушение максим Грайса в указанном типе дискурса.

Интерес для дальнейшего анализа представляет нарушение максим релевантности и способа в религиозном дискурсе, зафиксированное во фразеологических единицах немецкого и русского языков. Проведение контрастивного анализа названных фразеологизмов может выявить особенности отражения дискурсивных характеристик во фразеологии для каждого отдельного из пары сравниваемых языков.

Литература

1. *Бондарко, Н. А.* Немецкая духовная проза XIII–XV веков: язык, традиция, текст. СПб: Нестор история, 2014. 674 с.
2. *Грибоедов, А. С.* Горе от ума: комедия в 4 действиях в стихах. Минск: Нар. асвета, 1969. 148 с.
3. *Довлатов, С.* Заповедник. Л.: Васильевский остров, 1990. С. 14.
4. *Дорфман, Т. В., Чернова, О. Е.* Учебно-методический комплекс по дисциплине «Русский язык и культура речи». Магнитогорск: МаГУ, 2011. 240 с.
5. *Епишкин, Н. И.* Исторический словарь галлицизмов русского языка. М.: Словарное издательство ЭТС, 2010.
6. *Кусе, Х.* Парадоксы оправдания в религиозном дискурсе. Логический анализ языка. Языки этики. М.: ЯРК, 2000. С. 271–280.
7. *Манерова, К. В.* Ключевые компоненты фразеологизма как носители культурного кода (контрастивный анализ немецких и русских фразеологизмов религиозной тематики) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 10 (64). С. 111–115.
8. *Мухамедова, Э. В.* Религиозный дискурс как смыслогенерирующий источник библейских фразеологизмов // Гуманитарные исследования. 2011. № 1 (37). С. 50–55.
9. *Нефёдов, С. Т.* Дискурсивные функции модальных слов в научной аргументации // Университетский научный журнал. 2016. № 21. С. 34–42.
10. *Филиппов, К. А.* Лингвистика текста и современный анализ устной речи. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2016. 228 с.
11. *Чернявская, В. Е.* Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М.: Директ-Медиа, 2014. 128 с.
12. *Чрдицели, Т. В.* Максимумы Грайса в деловом дискурсе // Первая научно-практическая Интернет-конференция «Язык и межкультурная коммуникация» (10–11 декабря 2009 года). URL: http://www.confcontact.com/2009fil/7_chrdit.php (дата обращения: 03.01.2017).
13. *Auer, P.* Sprachliche Interaktion. Eine Einführung anhand von 22 Klassikern. 2., aktualisierte Aufl. Berlin, New York: de Gruyter. 2013. 288 S.
14. *Bublitz, W.* Englische Pragmatik. Eine Einführung. 2. neu bearbeitete und erweiterte Aufl. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2009. 304 S.
15. *Dürkheim, E.* Die elementaren Formen des religiösen Lebens („Les formes élémentaires de la vie religieuse“). Neuaufl. Frankfurt/M.: Verlag der Weltreligionen, 2007. 694 S.
16. *Ehlich, K.* Sprache und sprachliches Handeln. Pragmatik und Sprachtheorie, Prozeduren des sprachlichen Handelns, Diskurs, Narration, Text, Schrift. 3 Bde. Berlin, New York: de Gruyter, 2007. 799 S.
17. *Hauptmann, G.* Der Narr in Christo Emanuel Quint. Berlin: Aufbau-Verlag, 1962. 292 S.

18. Klie, Th. Riskante Liturgien. Zur Pragmatik des religiösen Metapherngebrauchs in gesellschaftlicher Öffentlichkeit // Metaphern in Wissenskulturen / Hrsg. M. Junge. Wiesbaden: Springer Verlag, 2010. S. 15–26.
19. Kuße, H. Kulturwissenschaftliche Linguistik. Eine Einführung. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2012. 280 S.
20. Lasch, A. Texte im Handlungsbereich der Religion // Textsorten, Handlungsmuster, Oberflächen / Hrsg. St. Habscheid. Berlin: de Gruyter, 2011. S. 537–555.
21. Morris, C. Signs, Language and Behavior. New York: Prentice-Hall, 1946. 388 p.
22. Moser, H. Sprache und Religion. Zur muttersprachlichen Erschließung des religiösen Bereichs. Beihefte zur Zeitschrift Wirkendes Wort. 7. Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1964.
23. Paul, I. Rhetorisch-stilistische Eigenschaften der Sprache von Religion und Kirche // HSK Rhetorik und Stilistik: ein internationales Handbuch historischer und systematischer Forschung = Rhetoric and stylistics [...]: = Handbooks of linguistics and communication science XII. Rhetorik und Stilistik in der Anwendung / Hrsg. U. Fix und co. Berlin: de Gruyter, 2008. Bd. 1. S. 2257–2274.
24. Plievier, Th. Stalingrad; München u.a. Berlin: Aufbau-Verlag, 1984. S. 301.
25. Spitzmüller, J., Warnke, I. Diskurslinguistik. Eine Einführung in Theorien und Methoden der transtextuellen Sprachanalyse. Berlin; Boston: de Gruyter, 2011. 236 S.
26. Teubert, W. Korpuslinguistik, Hermeneutik und die soziale Konstruktion der Wirklichkeit // Linguistik Online, 2006. N 28. S. 41–60.
27. Tucholsky, K. Das Wirtshaus in Spessart // Tucholsky, Kurt. Werke-Briefe-Materialien, Berlin: Directmedia Publ., 2000 [1957]. 5550 S.
28. Tucholsky, K. Wie sieht der Erfinder des Reißverschluss aus? // Tucholsky, Kurt. Werke-Briefe-Materialien, Berlin: Directmedia Publ., 2000 [1957]. 5550 S.
29. Walter, H., Mokienco, V. Deutsch-russisches Wörterbuch biblischer Phrasologismen. Mit historisch-etymologischen Kommentaren. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald. Philosophische Fakultät, 2009. 200 S.
30. Warnke, I. Diskurslinguistik und die „wirklich gesagten Dinge“ : Konzepte, Bezüge und Empirie der transtextuellen Sprachanalyse // Faktizitätsherstellung in Diskursen. Die Macht des Deklarativen. Berlin; New York: de Gruyter, 2013. S. 75–98.

References

1. Bondarko, N.A. *Nemetskaia dukhovnaia proza XIII–XV vekov: iazyk, traditsiia, tekst* [German spiritual prose XIII-XV centuries: language, tradition, text]. St. Petersburg, Nestor Istorii Publ., 2014, 674 p. (In Russian)
2. Griboedov, A.S. *Gore ot uma: komediia v 4 deist. v stikhakh* [The Woes of Wit]. Minsk, Nar. asveta Publ., 1969. 148 p. (In Russian)

3. Dovlatov, S. *Zapovednik*. Leningrad: Vasiievskii Ostrov, 1990. S. 301.
4. Dorfman, T.V., Chernova, O.E. *Uchebno-metodicheskii kompleks po distsipline «Russkii iazyk i kul'tura rechi»* [Educational-methodical complex on discipline "Russian Language and Speech Culture"]. Magnitogorsk, MaSU Publ., 2011. 240 p. (In Russian)
5. Epishkin, N.I. *Istoricheskii slovar' gallitsizmov russkogo iazyka* [Historical Dictionary of Gallicisms in Russian]. Moscow, Slovarnoe izdatel'stvo ETS, 2010. Available at: http://www.ets.ru/pg/r/dict/gall_dict.htm (accessed: 02.01.2017). (In Russian)
6. Kuse, Kh. *Paradoksy opravdaniia v religioznom diskurse. Logicheskii analiz iazyka. Iazyki etiki* [Paradoxes of justification in the religious discourse. Logical analysis of language. Languages of ethics]. Moscow, IaRK, 2000, pp. 271–280. (In Russian)
7. Manerova, K.V. *Kliuchevye komponenty frazeologizma kak nositeli kul'turnogo koda (kontrastivnyi analiz nemetskikh i russkikh frazeologizmov religioznoi tematiki)* [Key components in phraseologism as a cultural code carriers (contrastive analysis of German and Russian of phraseology of religious subjects)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2016, no. 10 (64), pp.111–115. (In Russian)
8. Mukhamedova, E.V. *Religiozniy diskurs kak smyslogeneriruiushii istochnik bibleiskikh frazeologizmov* [Religious discourse as meaning generating source of phraseology]. *Gumanitarnye issledovaniia*, 2011, no. 1 (37), pp.50–55. (In Russian)
9. Nefedov, S. T. *Diskursivnye funktsii modal'nykh slov v nauchnoi argumentatsii* [Discourse function of modal words in scientific argumentation]. *Universitetskii nauchnyi zhurnal*, 2016, no. 21, pp.34–42. (In Russian)
10. Filippov, K. A. *Lingvistika teksta i sovremennyi analiz ustnoi rechi* [Text Linguistics and modern analysis of speech]. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2016. 228 p. (In Russian)
11. Cherniavskaia, V. E. *Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemy rechevogo vozdeistviia* [Discourse of power and the power of discourse: problems of speech influence]. Moscow, Direkt-Media Publ., 2014. 128 p. (In Russian)
12. Chidileli, T.V. *Maksimy Graisa v delovom diskurse. Pervaia nauchno-prakticheskaiia Internet-konferentsiia "Iazyk i mezhkul'turnaia kommunikatsiia" (10–11 dekabria 2009 goda)* [Grice's maxims in business discourse. First scientific and practical Internet-conference "Language and Intercultural Communication" (10–11 december 2009)]. Available at: http://www.confcontact.com/2009fil/7_chridit.php (accessed: 03.01.2017). (In Russian)
13. Auer, P. *Sprachliche Interaktion. Eine Einführung anhand von 22 Klassikern. 2, aktualisierte Aufl.* Berlin, de Gruyter, 2013. 288 S.
14. Bublitz, W. *Englische Pragmatik. Eine Einführung. 2. neu bearbeitete und erweiterte Auflage.* Berlin, Erich Schmidt Verlag, 2009. 304 S.

15. Dürkheim, E. *Die elementaren Formen des religiösen Lebens*. („*Les formes élémentaires de la vie religieuse*“). Neuauf., Frankfurt/M., Verlag der Weltreligionen, 2007. 694 S.
16. Ehlich, K. *Sprache und sprachliches Handeln. Pragmatik und Sprachtheorie, Prozeduren des sprachlichen Handelns, Diskurs, Narration, Text, Schrift*. 3 Bde. Berlin, New York, de Gruyter, 2007. 799 S.
17. Hauptmann, G. *Der Narr in Christo Emanuel Quint*. Berlin: Aufbau-Verlag, 1962. S. 292. Available at: <http://www.dwds.de> (accessed: 22.02.2017).
18. Klie, Th. Riskante Liturgien. Zur Pragmatik des religiösen Metapherngebrauchs in gesellschaftlicher Öffentlichkeit. *Metaphern in Wissenskulturen*. Hrsg. M. Junge, M. Wiesbaden. 2010, S. 15–26.
19. Kuße, H. *Kulturwissenschaftliche Linguistik. Eine Einführung*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 2012. 280 S.
20. Lasch, A. Texte im Handlungsbereich der Religion. *Textsorten, Handlungsmuster, Oberflächen*. St. Habscheid. Berlin, de Gruyter, 2011. S. 537–555.
21. Morris, Ch. *Signs, Language and Behavior*. New York, Prentice-Hall, 1946. 388 p.
22. Moser, H. *Sprache und Religion. Zur muttersprachlichen Erschließung des religiösen Bereichs. Beihefte zur Zeitschrift Wirkendes Wort*. 7. Düsseldorf, Pädagogischer Verlag Schwann, 1964.
23. Paul, I. Rhetorisch-stilistische Eigenschaften der Sprache von Religion und Kirche. *HSK Rhetorik und Stilistik: ein internationales Handbuch historischer und systematischer Forschung = Rhetoric and stylistics [...] : = Handbooks of linguistics and communication science XII. Rhetoric and Stylistic in der Anwendung*. Hrsg. U. Fix und co. Berlin, de Gruyter, 2008. Bd. 1. S. 22257–2274.
24. Plievier, Th. *Stalingrad*. Berlin, Weimar: Aufbau-Verlag, 1984. S. 301. Available at: <http://www.dwds.de> (accessed: 22.02.2017).
25. Spitzmüller, J., Warnke, I. *Diskurslinguistik. Eine Einführung in Theorien und Methoden der transtextuellen Sprachanalyse*. Berlin, Boston, de Gruyter, 2011. 236 S.
26. Teubert, W. Korpuslinguistik, Hermeneutik und die soziale Konstruktion der Wirklichkeit. *Linguistik Online*, 2006, no. 28, S. 41–60. Available at: <http://www.linguistik-online.del28> (accessed: 09.12.2016).
27. Tucholsky, K. Das Wirtshaus in Spessart. *Tucholsky, Kurt. Werke-Briefe-Materialien*. Berlin, Directmedia Publ., 2000 [1957]. S. 5550. Available at: <http://www.dwds.de> (accessed: 22.02.2017).
28. Tucholsky, K. Wie sieht der Erfinder des Reißverschlusses aus? *Tucholsky, Kurt. Werke-Briefe-Materialien*. Berlin, Directmedia Publ., 2000 [1957]. S. 5550. Available at: <http://www.dwds.de> (accessed: 22.02.2017).
29. Walter, H., Mokienko, V. *Deutsch-russisches Wörterbuch biblischer Phrasologismen. Mit historisch-etymologischen Kommentaren*. Greifswald, Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald. Philosophische Fakultät, 2009. 200 S.

30. Warnke, I. Diskurslinguistik und die „wirklich gesagten Dinge“. Konzepte, Bezüge und Empirie der transtextuellen Sprachanalyse. *Faktizitätsherstellung in Diskursen. Die Macht des Deklarativen*. Berlin, New York, de Gruyter. 2013. S.75–98.

Манерова Кристина Валерьевна

доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ, кандидат филологических наук
Санкт-Петербургского государственного университета
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Manerova Kristina Valerievna

Associate Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University,
Doctor of Philological Sciences
Address: 7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: k.manerova@spbu.ru

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСА РЫНКА ТРУДА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЙ ПРЕССЫ)

Ключевые слова: дискурс рынка труда, неологизм, заимствование, метафора, терминология.

В статье рассматривается лексика текстов, входящих в дискурс рынка труда в немецкой прессе и ее особенности. В рамках данной темы уделяется внимание неологизмам, которые появляются в немецком языке в связи с возникновением новых форм занятости и по причине того, что новые технологии привели к изменению мест, где осуществляется трудовая деятельность. Рассматриваются наиболее частотные лексические единицы, среди которых присутствуют заимствования — в основном из английского языка, а также экономические, социологические и медицинские термины. Лексика дискурса отражает многочисленные проблемы, существующие на современном рынке труда: трудности процесса трудоустройства, низкую оплату, необходимость работы по совместительству, психологические проблемы работников и ухудшение их здоровья. Проиллюстрировано также употребление метафор и фразеологизмов.

A. V. MELGUNOVA

St. Petersburg State University

LEXICAL FEATURES OF THE LABOUR MARKET DISCOURSE (IN THE GERMAN PRESS)

Keywords: labour market discourse, neologism, loanword, metaphor, terminology.

The article deals with the analysis of the lexical units in the texts of the labour market discourse. The examples were collected in the German press. Much attention is given to the neologisms, which appear in the German language because of many changes in the modern job world: new forms of employment and the new technologies, which have changed the modern workplace. To the most often used lexemes belong several loanwords from the English language and terms of economics, social science and medicine. The lexic of discourse reflects the problems in this sphere. It is also shown, what kinds of metaphors and idioms are used.

Дискурс рынка труда в немецкой прессе представлен статьями и интервью, объединенными тематикой трудоустройства, различных видов занятости и места трудовой деятельности в жизни современных немцев.

По определению Т. А. Ван Дейка, «дискурс — это сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстра-

лингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресанта), необходимые для понимания текста» [1, с. 7]. В случае со сферой занятости экстралингвистическими факторами являются постоянные изменения в структуре занятости, появление новых законодательных норм и форм организации труда.

Проанализированные статьи были опубликованы в течение последних восьми лет на сайтах немецких газет и журналов “Spiegel”, “Welt”, “Zeit”, “Stern”, “Süddeutsche Zeitung” и в специализированном выпуске журнала “Kulturaustausch”.

Существует определённая типичная для данной сферы лексика, давно вошедшая в немецкий язык: *die Festanstellung* — ‘постоянное место работы’, *Überstunden* — ‘сверхурочная работа’, *der Freiberufler* — ‘человек свободной профессии, фрилансер’, *der Selbstständige* ‘индивидуальный предприниматель’ и т. д. Однако язык сферы занятости постоянно пополняется **неологизмами**, возникновение которых обусловлено экстралингвистическими факторами.

Например, после введения в начале XXI века пособия по безработице Hartz IV появился целый ряд существительных, образованных от названия пособия: *Hartz-IV-Empfänger* — ‘получатель пособия’, *Hartz-IV-Familie* — ‘семья, живущая на пособие’, *Hartz-IV-Simulant* — ‘социальщик-симулянт’ и др.

Широко распространённым понятием стало обозначение *die Zeitarbeit* — ‘работа в фирме по временному найму’ (*die Zeitarbeitsfirma*). Этот вид работы практически всегда является предметом критики в прессе по причине нарушения прав работников.

Важное место занимает вопрос о справедливой оплате труда. Недостаток средств заставляет работников браться за низкооплачиваемый труд, совмещать несколько работ. В этой области появились такие неологизмы, как *der Minijob* — ‘миниработа’ (т. е. работа за базисную зарплату), *der Minijobber* — ‘занятый на миниработе’, *der 1-Euro-job* — ‘работа за 1 евро в час’.

Совмещение нескольких мест работы привели к появлению лексических единиц *das Multijobbing* (*die Mehrfachbeschäftigung*) — ‘работа на нескольких работах, совместительство’, *der Multijobber* — ‘совместитель’.

Часто понятия «миниработа» и «мультизанятость» взаимосвязаны, так как занятые на низкооплачиваемых работах вынуждены быть совместителями:

Das Phänomen der **Mehrfachbeschäftigung** auf dem deutschen Arbeitsmarkt beschränkt sich aber nicht nur auf Personengruppen ohne Studiums-, Ausbildungs- oder Schulabschluss, sondern zieht sich durch alle Bevölkerungsschichten. <...> Besonders begehrt ist das auch als **Minijob** bekannte Arbeitsverhältnis auf 400-Euro-Basis, weil hier keine Abgaben geleistet werden müssen. Auch die **Kombination mehrerer Minijobs** oder die eigene **Selbstständigkeit in Kombination mit einem Minijob** ist eine beliebte Variante, um mehr Geld ins Portemonnaie zu sprühen [WFI]. — Феномен «**мультизанятости**» на немецком рынке труда не ограничивается группами населения без законченного высшего, профессионального или школьного образования, а затрагивает все слои населения. <...> Особенно желаемыми являются трудовые отношения на основе базисной зарплаты 400 евро, также известные как **миниработа**, так как при этом не должны отчисляться взносы. Популярным вариантом для пополнения дохода является также **комбинация нескольких миниработ** или **совмещение индивидуального предпринимательства с миниработой**.

Соответственно, все чаще можно встретить такие обозначения работы, как *der Zweitjob*, *der Drittjob*, *der Viertjob* — ‘вторая, третья, четвертая работа.’

Seit Jahren schon beobachten die Arbeitsmarktforscher in Deutschland einen Trend zum **Zweit-** oder gar **Drittjob** [SPG]. — «Уже не первый год исследователи рынка труда наблюдают в Германии тенденцию ко **второй** или даже **третьей работе**».

Широко распространены обозначения, связанные с продолжительностью рабочего дня: *Teilzeitarbeit* — ‘неполный рабочий день’, *Teilzeitbeschäftigung* — ‘неполная занятость’, *Halbtagsarbeit* — ‘работа при сокращенном наполовину рабочем дне’; а также с нетипичным местом работы (не в офисе): *die Heimarbeit* — ‘работа на дому’, *der Heimarbeiter* — ‘работающий на дому’, *die Telearbeit* — ‘удаленная работа’, *der Telearbeitsplatz* — ‘удаленное рабочее место’.

“Zwar gibt es in Deutschland viele Arbeitsplätze in der Industrie, die sich für **Heimarbeit** nicht eignen“, sagt er [ST]. — «Правда, в немецкой промышленности есть много рабочих мест, которые не подходят для **работы на дому**», — говорит он.

Неологизмы, имевшие место в общественной дискуссии и подвергнутые в прошлые годы критике в рамках акции «Антислово

года», не встретились в рассмотренном материале. Вероятно, это можно объяснить имевшей место критикой данных слов в связи с их некорректностью по отношению к работникам. К примеру, в лексических единицах *die Personalentsorgung* — ‘увольнение’, *die Belegschaftsaltpasten* — ‘сотрудники, от которых предприятие хотело бы избавиться’ люди приравниваются к мусору: основное значение *Entsorgung* — ‘устранение (вредных) отходов’, *Altlasten* ‘старое загрязнение почвы токсичными отходами’. В прессе стараются избегать подобных формулировок.

Большое количество лексических единиц в данной сфере, в том числе, как мы видели ранее, многие неологизмы, представляют собой **заимствования** (прежде всего из английского языка), например: *das Multitasking* — ‘многозадачность’, *das Downshifting* — ‘дауншифтинг, переход с высокооплачиваемой работы на более спокойную низкооплачиваемую’, *das Home-Office* — ‘офис на дому’, *der Nine-to-Five-Job* — ‘работа с девяти до пяти’.

Возможно также соединение заимствованного и немецкого компонента: *der Dumping-Löhner* — ‘работник, получающий заниженную зарплату’.

Многие заимствования имеют немецкоязычные соответствия. К примеру, *das Home-Office* — *die Heimarbeit*, *das Multijobbing* — *die Mehrfachbeschäftigung*. Однако в отдельных случаях заимствованные и немецкие лексические единицы не полностью эквивалентны. Например, мы можем наблюдать в настоящее время частичное изменение значения слова *die Heimarbeit*.

Предпосылками к изменению значения обладают все лексемы. Причиной изменения значения может быть сохранение обозначения для денотата, который подвергся изменению [4, S. 259–260]. Раньше понятие *die Heimarbeit* подразумевало выполнение на дому какой-либо несложной или неквалифицированной работы. В последние же годы, в связи с развитием новых технологий и средств коммуникации, стал возможным полноценный перенос рабочего места сотрудника (например, менеджера) из офиса фирмы домой.

Одной из ключевых лексических единиц современного дискурса рынка труда является существительное *das Prekariat* — ‘прекариат’, служащее обозначением определенного социального класса.

Dort finden wir das Prekariat, das auf der ganzen Welt rasch anwächst. Es besteht aus Millionen von Menschen, die ohne irgendeine

*Art von Arbeitsplatzsicherheit leben und arbeiten. <...> Ihr Einkommen ist gering und nicht stabil. Sie haben keinen festen Arbeitsplatz [KLZ, S. 17]. — Там мы обнаруживаем **прекариат**, доля которого возрастает во всём мире. Он состоит из миллионов людей, живущих и работающих без какой-либо стабильности в отношении занятости. <...> Их доход низкий и нестабильный. У них нет постоянного места работы.*

Это слово является неологизмом иностранного происхождения, образованным по аналогии со словом *das Proletariat* от французского существительного, имеющего значение 'затруднительное положение' [2, S. 55]. Изначально данная лексическая единица использовалась как термин в политологии и социологии, но теперь вошла в общеупотребительный язык.

Аналогичное немецкое прилагательное *prekär*, также происходящее из французского языка, не является неологизмом, но можно сказать, что мы наблюдаем процесс сужения значения прилагательного. Согласно словарю Лангеншайдт [3, S. 800], *prekär* — определение к ситуации, в которой человек не знает, что делать и как лучше поступить, т. е. 'затруднительная, щекотливая, критическая'. Однако в последнее время в связи с распространением понятия «прекариат» данное прилагательное ассоциируется именно с этим понятием и используется в основном в контексте рынка труда в значении 'нестабильный, негарантированный': *prekäre Verhältnisse, prekäre Beschäftigung* и т. п.

*Viele Kulturschaffende haben unter **den prekären Arbeitsbedingungen** allerdings Probleme [ZTB]. — Правда, многие работники культуры имеют проблемы в нестабильных условиях труда.*

В лексике входящих в дискурс текстов отражаются многочисленные проблемы, существующие в сфере занятости: *harte Arbeit* — 'тяжелая работа', *das Armutrisiko* — 'риск бедности', *der Hungerlohn* — 'нищенская зарплата', *die Finanznot* — 'бедственное финансовое положение', *die Arbeitsunsicherheit* — 'неуверенность в рабочем месте', *die Überforderung* — 'чрезмерные требования', *der Druck* — 'давление' (*Druck erleben* — 'испытывать давление'), *Zeitdruck* — 'цейтнот', *schuften* — 'вкалывать', *überlastet* — 'перегруженный', *mühsam* — 'трудный, утомительный', *stressig* — 'нервный (о работе)'.

При этом тема бедности не обязательно связана с темой безработицы: широко распространено понятие *die Erwerbsarmut* — ‘бедность работающего населения’ — экономический термин, созданный по аналогии с английским *working poor — arme Erwerbstätige*, т. е. ‘работающие бедные’.

Негативные с точки зрения работника аспекты присутствуют в описании специфики общения на рабочем месте. Одним из важных понятий данной сферы является *die Fremdbestimmung* — ‘чужое влияние, выполнение чужой воли’ и соответствующее прилагательное *fremdbestimmt*. Применительно к работе они обозначают полную зависимость от руководства, невозможность работнику проявлять инициативу и самостоятельность в принятии решений.

*Nehmen wir den Manager, der sich fremdbestimmt fühlt und der heilfroh ist, dass er im Zuge einer Firmenfusion seinen Job verliert und endlich seinen Traum vom Aussteigen wahr machen kann [ZTS]. — Возьмем, например, менеджера, который чувствует себя **исполняющим чужую волю** и который безмерно рад, что в ходе слияния фирм теряет свою работу и наконец может осуществить мечту об окончании карьеры.*

В качестве отдельной темы можно рассматривать проблемы самочувствия работников и ухудшения состояния их здоровья. Постоянным обсуждением таких вопросов в прессе объясняется присутствие медицинской терминологии наряду с общеупотребительной лексикой на тему ‘болезнь’: *die Depression* — ‘депрессия’, *der Stress* — ‘стресс’, *der Psychostress* — ‘психологический стресс’, *arbeitsbedingter Stress* — ‘стресс, вызванный работой’, *die Erschöpfung* — ‘истощение, переутомление’, *die Frührente* — ‘ранний уход на пенсию (обычно по причине проблем со здоровьем)’.

Ключевым словом здесь является *das Burn-out (das Burn-out-Syndrom)* — ‘синдром выгорания’ (т. е. психологическая усталость от работы).

*Ich habe das Gefühl, dass Arbeit heute viel häufiger krank macht. Es herrscht mehr Wettbewerb als früher; Leistung und Geld sind wichtiger geworden. Deshalb häufen sich auch Fälle von **Burn-out** [KLZ, S. 22]. — У меня такое чувство, что работа сегодня намного чаще приводит к **болезни**. Конкуренция возросла, результативность и деньги стали важнее. Поэтому учащаются случаи **синдрома выгорания**.*

Данная лексическая единица, пришедшая в немецкий язык из терминологии психологии и медицины, употребляется не только специалистами, но и присутствует в интервью самих работников:

*Seit dem **Burn-out** versuche ich, Probleme nicht mehr mit nach Hause zu nehmen [ZTA]. — С тех пор, как у меня случился **синдром выгорания**, я пытаюсь не забирать больше проблемы домой.*

Типичным является присутствие в одном контексте нескольких лексических единиц, обозначающих отрицательные эмоциональные и физические состояния:

*Viele Arbeitnehmer fühlen sich **gestresst**, die Zahl der **Burnout-Diagnosen** nimmt zu, 75.000 Menschen sind 2013 wegen **psychischer Erkrankungen in Frührente** gegangen, als Ursache gilt oft das **stressige** Arbeitsleben [SPA]. — Многие работники испытывают **стресс**, количество **диагнозов выгорания** возрастает, 75 тыс. человек **досрочно ушли на пенсию** из-за **психических заболеваний**, причиной этого часто считается **стресс** на работе.*

Естественно, что в дискурсе рынка труда присутствует не только описание негативных моментов (хотя большинство статей посвящено именно проблемам), но и позитивные аспекты: *der Spass* — ‘удовольствие’, *die Freude* — ‘радость’, *positiver Stress* — ‘позитивный стресс’, *erfüllende Tätigkeit* — ‘работа, соответствующая потребностям’, *die Arbeitszufriedenheit* — ‘удовлетворенность работой’.

Лексическим единицам текстов, относящихся к различным темам дискурса, свойственна определенная сочетаемость с другими единицами. Например, существительное *der Minijob* часто соседствует с лексикой, подчеркивающей дополнительный характер этой занятости: *hinzuverdienen* — ‘подрабатывать’, *nebenbei* — ‘наряду с’, *parallel* — ‘параллельно’, *gleich* — ‘сразу’.

Говоря об использовании **метафоры**, можно отметить, что некоторые метафоры являются типичными для данного дискурса. К примеру, *Sklaverei* — ‘рабство’, *der Sklave* — ‘раб’ — самая типичная метафора — прежде всего используется, если речь идет о низкооплачиваемой работе и работе в фирме по временному найму. В следующем отрывке присутствуют две метафоры:

*Für manche ist sie **ein Sprungbrett** in eine feste Stelle, andere halten Zeitarbeit für moderne **Sklaverei** [SPZ]. Для одних она — **трамплин***

к постоянной занятости, а другие считают временную работу современным **рабством**.

Встречается также метафорическое употребление глаголов: *sieben* — ‘проводить отбор’ (кандидатов), дословно — ‘просеивать’; *rutschen* — ‘скатиться’ (в депрессию); *auffressen* — ‘пожирать, уничтожать’ (о воздействии работы на человека).

В рассмотренном материале также было зафиксировано использование **фразеологизмов**, например: *in Lohn und Brot sein* — ‘иметь постоянный заработок’, *die Fühler ausstrecken* — ‘прощупать почву’ (о поиске работы).

Употребление фразеологизмов часто связано с описанием работниками драматичных жизненных ситуаций: *aus allen Wolken fallen* ‘быть огорошенным’ (о реакции на увольнение), *auf der Strecke bleiben* — ‘пасть жертвой в борьбе за существование’, *sich über Wasser halten* — ‘с трудом сводить концы с концами’:

Ich promoviere derzeit und arbeite nicht Vollzeit, daher versuche ich mich mit 900 Euro pro Monat über Wasser zu halten [SDZ]. — В настоящее время я собираюсь защищать диссертацию и работаю не на полную ставку, поэтому пытаюсь как-то сводить концы с концами, имея 900 евро в месяц.

Таким образом, можно отметить, что в лексике текстов дискурса рынка труда большое место занимают неологизмы, относящиеся в первую очередь к одной из ведущих тем дискурса — «формы занятости». Лексика включает заимствования, для части которых существуют и немецкие эквиваленты.

Сфера занятости представляет собой многоаспектное явление жизни общества. Рассмотренные публикации пересекаются тематически с текстами других дискурсов, чем объясняется использование терминологии, заимствованной из различных областей знания — социологии, экономики, медицины. Отдельные термины — *das Prekariat*, *das Burn-out* — становятся ключевыми словами ведущих тем дискурса.

Выбор языковых средств в текстах дискурса рынка труда отражает динамику процессов, имеющих место в современной сфере занятости — как, например, появление особых социальных групп и новых категорий работников. Лексика фиксирует изменения, связанные с организацией трудовой деятельности, оплатой труда и представлением современных немцев о месте работы в их жизни.

Литература

1. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 310 с.
2. Duden. Unsere Wörter des Jahrzehnts 2000–2010. Mannheim, Zürich: Dudenverlag, 2011. 80 S.
3. Langenscheidt. Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. Berlin, München: Langenscheidt, 2003. 1254 S.
4. Schippan, Th. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen: Niemeyer, 2002. 306 S.

Источники иллюстративного материала и принятые сокращения

- KLZ — Standing G. Wir nannten es Arbeit // *Kulturaustausch. Zeitschrift für internationale Perspektiven*. 2013. N 2. S. 17.
- SDZ — Erbitsch S. Wir Ausgebeuteten // *Süddeutsche Zeitung*/ 2015, 11. März. S. 4. URL: <http://www.sueddeutsche.de/wirtschaft/zeitarbeit-lohndumping-burn-out-wir-ausgebeuteten-1.2376298> (дата обращения: 15.01.2017).
- SPA — Kaufmann M. Wie viel wollen wir noch arbeiten? // *Spiegel online*/2014, 01. Mai. S. 1. URL: <http://www.spiegel.de/karriere/arbeitszeit-einfuehrung-der-30-stunden-woche-und-elterngeldplus-a-966832.html> (дата обращения: 10.01.2017).
- SPG — Schmidt C. Trend zum Drittjob // *Spiegel online*/2003, 17. November. S. 1. URL: <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-29212871.html> (дата обращения: 15.01.2017).
- SPZ — Nonnenmann J. Verleih mich! // *Spiegel online*/2011, 25. Mai. S. 1. URL: <http://www.spiegel.de/karriere/zeitarbeit-verleih-mich-a-764000.html> (дата обращения: 10.01.2017).
- STJ — Pleul P. Immer weniger Deutsche arbeiten von Zuhause aus // *Stern*/2014, 19. Februar. S. 1. URL: <http://www.stern.de/wirtschaft/job/studie-immer-weniger-deutsche-arbeiten-von-zu-hause-aus-3404606.html> (дата обращения: 15.01.2017).
- WFI — Gräber B. Auch für Minijobber lohnen sich Rentenbeiträge // *Welt Digital*/2016, 07. Juni. S. 1. URL: <https://www.welt.de/finanzen/verbraucher/article156018717/Auch-fuer-Minijobber-lohnen-sich-Rentenbeitraege.html> (дата обращения: 11.01.2017).
- ZTA — Lübke F. Gehen oder bleiben? // *Zeit online*/2012, 08. März. S. 1. URL: <http://www.zeit.de/2012/11/C-Beruf-Aeltere-Arbeiter> (дата обращения: 10.12.2016).
- ZTB — Kreienbrink M. Eine Bühne für Burn-out // *Zeit online*/2016, 26. Mai. S. 1. URL: <http://www.zeit.de/karriere/beruf/2016-05/theater-burnout-schauspieler-arbeit-kuenstler-darsteller-arbeitsbedingungen> (дата обращения: 10.12.2016).

ZTS — Groll T. Nicht jeder Mensch ist für Arbeit geboren // Zeit online/2011, 21. Juni. S. 2. URL: <http://www.zeit.de/karriere/beruf/2011-06/interview-sinnsuche-karriere> (дата обращения: 20.12.2016).

References

1. Deik, T. A. van. *Iazyk. Poznanie. Kommunikatsiia* [*Language. Cognition. Communication*]. Moscow, Progress Publ., 1989. 310 p. (In Russian)
2. Duden. *Unsere Wörter des Jahrzehnts 2000–2010*. Mannheim, Zürich, Dudenverlag, 2011. 80 S.
3. Langenscheidt. *Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache*. Berlin, München, Langenscheidt, 2003. 1254 S.
4. Schippan, Th. *Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache*. Tübingen, Niemeyer, 2002. 306 S.

Мельгунова Анна Владиславовна

доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ, кандидат филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Melgunova Anna Vladislavovna

Associate Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University,
Doctor of Philological Sciences
Address: 7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: a.melgunova@spbu.ru

КРИТЕРИИ ИЗУЧЕНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН В ДИСКУРСЕ СМИ

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, теория прецедентности, прецедентное имя, дискурс немецких СМИ, деонимическая деривация.

Изучение функционирования прецедентных имен в дискурсе немецких СМИ возможно на основании определенных критериев, среди которых можно выделить морфологический, деривационный, синтаксический и пунктуационный. Названные критерии в наибольшей степени характеризуют особенности употребления прецедентных имен в массмедийных текстах. Объектом изучения выступают также синонимические и атрибутивные потенции прецедентных имен. В результате исследования было установлено, что их характеризует целый ряд отклонений: использование в несвойственном именам собственным числе или роде, употребление определенного артикля, введение в текст с помощью кавычек. Прецедентные имена обычно тяготеют к определенным синтаксическим позициям в предложении, в частности, для них характерна позиция «семантического предиката». Дополнительно их отличает способность к образованию дериватов, также сохраняющих статус прецедентных феноменов. В статье анализируются синонимические свойства прецедентных имен, их способность замещать друг друга в тексте.

E. S. STEPANOV

St. Petersburg State University

CRITERIA OF THE STUDY OF PRECEDENT NAMES IN THE MASS MEDIA DISCOURSE

Keywords: cognitive linguistics, theory of precedence, precedent name, german mass media discourse, deonymic derivation.

It is possible to study the functioning of precedent names in the discourse of German mass media on the grounds of particular criteria. The present article dwells on the empathized examination of the morphological, derivational, syntactical and punctuation peculiarities of the use of precedent names in the mass media discourse, the particular attention is given to their synonymous and attributive potentials. Precedent names tend to outstand above the textual background due to deflexures in their manifestation: usage in number and gender extrinsic to the proper names, usage of the definite article, integration into the text by means of quotation marks. Precedent names tend to take up specific syntactical positions; in particularity, the position of the “semantic predicate” can be proper for them. They are able to form derivates, which possess the status of the precedent phenomena too. The article is concerned with the capability of precedent names to substitute each other in the text, this way they can show their synonymic properties.

Отличительной особенностью современного дискурса немецких СМИ является высокая степень насыщенности различными интертекстуальными слоями и дополнительной семантической информацией, что проявляется, к примеру, в частотном использовании прецедентных имен как особых знаков национальной культуры, придающих тексту дополнительные смыслы. Прецедентным считается имя, основывающееся на культурно значимом тексте или прецедентной ситуации, а также известное широкому кругу представителей лингвокультурного сообщества и широко ими употребляемое [7, S. 17]. Высокую частотность прецедентных имен в дискурсе массмедиа можно объяснить тем, что многие они стали прецедентными именно благодаря их нестандартному использованию в текстах публицистического стиля, где произошло закрепление их коннотативного значения. С помощью прецедентных имен в дискурсе выражаются его социокультурные, психологические и когнитивные аспекты, поэтому изучение прецедентных имен в дискурсе позволяет лучше понять авторские интенции. Таким образом, исследование особенностей употребления прецедентных имен в СМИ представляет собой важную научную задачу. С опорой на классификацию Е. А. Нахимовой [2, с. 55] можно выделить шесть критериев изучения функционирования прецедентных имен в дискурсе СМИ, а именно морфологический, атрибутивный, синонимический, темпоральный, пунктуационный критерий и ссылки на источники прецедентности. Кроме того, в дополнение представляется необходимым ввести еще два критерия: деривационный и синтаксический. Необходимо отметить, что в нашем понимании к группе онимов относятся не только личные имена (антропонимы), но также названия событий (праксонимы), исторических периодов (хрононимы), имена вещей и объектов (хрема-тонимы) [8, S. 105–324].

Рассмотрим каждый из данных критериев в отдельности.

Морфологический критерий. При изучении морфологических признаков прецедентных имен особое внимание стоит обратить на категории числа и рода прецедентного имени. Внутри категории числа наблюдается неравномерное распределение разрядов между классами имен собственных, или онимов, и имен нарицательных, или апеллятивов. Если в обычных условиях апеллятивы, как правило, способны образовывать формы множественного числа, то имена собственные такие формы образуют редко: для обозначения

членов одной семьи (*die Müllers*) или для номинации нескольких людей с одинаковым именем (*Petras, Hänse*) [6, с. 76]. В случае с прецедентными именами ситуация выглядит по-иному. Зачастую употребление онима в коннотативном значении во множественном числе выступает дополнительным маркером его прецедентности. Использование прецедентного имени во множественном числе несет, как правило, пейоративную коннотацию и указывает на негативные качества лица:

- (1) *Von den Wulffs, Merkels und Kochs hingegen darf man — so sieht es jedenfalls bisher aus — nicht sehr viel erwarten* (Kaiser).

Прецедентные имена способны также терять свою родовую соотнесенность. Так, изначально мужское имя может применяться для характеристики женщины, в этом случае его род меняется на женский:

- (2) *Birthler könnte die neue Gauck werden* (Birtler).

Данный пример основывается на массовых протестных акциях в Германии, вызванных недовольством политикой Йоахима Гаука. Автор статьи на этом основании предполагает, что Марианну Биртлер тоже могут ожидать подобные протесты, и потому называет ее возможным «новым Гауком».

Деривационный критерий. В результате деонимической деривации происходит транспозиция имени собственного из одной части речи в другую, при этом наблюдается сдвиг в его семантике. В отличие от онимической деривации, которая ведет к возникновению проприальных словообразовательных конструктов с онимической или апеллятивной основой, в результате деонимической деривации на основе имени собственного образуется апеллатив.

В качестве мотивационной основы выделяются два основных типа деонимических конструкций: выражение принадлежности к объекту, обозначенному онимом, и выражение сравнения на основе качеств, признаков объекта, обозначенного онимом.

Деонимические конструкты от прецедентных онимов сохраняют свое коннотативное сопоставительное значение на основе признаков, присущих исходному имени, и являются, таким образом, также одним из подвидов прецедентных феноменов, так как они соответствуют критериям прецедентности.

В аспекте деонимической деривации особый интерес представляет рассмотрение глаголов. В этой сфере можно встретить примеры, образованные от имен собственных по различным моделям:

- оним + суффикс *-(e)n*: *guttenbergen, wulffen*;
- оним + суффикс *-eln*: *gauckeln*;
- оним + суффиксы *-is / -ier / -en*: *merkalisieren*;
- префикс *ver-* + оним + суффикс *-en*: *verballhornen* [7, S. 61].

Среди имен прилагательных встречаются дериваты с суффиксами *-ig* (*wulffig*) и *-isch* (*merkeltisch, guttenbergisch*). Депроприальные нарицательные имена встречаются достаточно редко, они образуются при помощи суффиксов *-erei* (*-elei*) (*Gauckelei, Guttenbergerei*), а также *-(ier)ung*: *Wulffung, Schavanisierung*.

Пунктуационный критерий. Использование кавычек с именем собственным может сигнализировать о его нестандартном функционировании в дискурсе, так кавычки могут вводить в текст в том числе и прецедентные имена:

- (3) *Der Bau der neuen «Berliner Mauer» habe nicht erst jetzt, sondern bereits in den 90er-Jahren, gleich nach dem Zerfall der Sowjetunion, begonnen* (Smirnova).

Однако в большинстве исследованных случаев прецедентные имена употребляются без каких-либо особых сигнальных средств: их коннотативное употребление выразительно само по себе и не нуждается в дополнительных внешних средствах оформления.

Синонимический критерий. При анализе примеров, содержащих прецедентные имена, можно заметить, что некоторые из них способны функционировать в дискурсе как синонимы. Контекстуальными синонимами считаются «слова и сочетания слов, которые в определенных контекстах могут замещать друг друга» [3, с. 55]. Семантика одного прецедентного имени при этом уподобляется семантике другого благодаря выделению сем, присущих обоим именам, и наличию одинаковых коннотаций. Так, в статье про строительство стены, ограждающей Израиль от Палестины, для описания этой стены автор использует прецедентные имена:

- (4) *ein eiserner Vorhang* (Daniel).

- (5) *Anti-Palästinensischer Schutzwall* (там же),

где во втором словоупотреблении обыгрывается форма имени *Antifaschistischer Schutzwall*.

Синтаксический критерий. Прецедентные имена, являющиеся онимами на простом лексическом уровне, в принципе, могут использоваться в качестве любого члена предложения, что и имя существительное: таким образом, они могут замещать позиции субъекта, объекта, предиката и атрибута. Но наиболее характерны для них роли субъекта и предиката. Так, прецедентное имя часто является субъектом предложения:

- (6) *Mehr Staatsgeld, weniger Steuern und Defizitausgleich — das kann nicht einmal ein Theo Waigel, obwohl der manchmal ähnliche Wolkenkuckucksheime in den Himmel malt* (Altes Bett).

Прецедентным именам может быть свойственная особая, сильная синтаксическая позиция, которую О. Е. Фролова называет позицией «семантического предиката»: «позиция семантического предиката в высказывании является критерием, определяющим степень включенности имени в речь и культуру» [5, с. 68]. В частности, выделяются следующие разновидности семантических предикатов:

- он — имярек;
- он — как имярек;
- он — настоящий (типичный, второй, новый, будущий) имярек;
- он — просто (прямо) имярек [5].

И хотя, по мнению исследователей, конструкции с семантическим предикатом свойственны в основном прецедентным именам, относящимся к группе антропонимов, установлено, что такую функцию могут выполнять и другие типы прецедентных имен, как в следующем конкретном примере с использованием хремотонима *Berliner Mauer*. Этот вариант конструкции встречается довольно часто в дискурсе немецких СМИ:

- (7) *Farage: Der Euro ist die neue Berliner Mauer* (Mühlbauer).

Особое внимание обращает на себя употребление артикля при таких семантических предикатах. М. Турмайр в этой связи утверждает, что структуры, где неопределенный артикль является единственным сигналом коннотативного употребления онима, свойственны только узуальным метафорам и сравнениям:

Gerhard Schröder ist ein Robin Hood [9, S. 14].

Неопределенный артикль выражает некую «типичность» характеристики и свидетельствует об узуальности сравнения и об утрате у таких структур метафорического значения. Действительно, в большинстве проанализированных примеров коннотативному использованию прецедентного имени сопутствует, как правило, определенный артикль:

(8) *Und da bringen die Guttenbergs offenbar etwas mit, nach dem sich die Deutschen sehnen* (Gauland).

Однако встречаются и случаи употребления некоторых прецедентных имен с неопределенным артиклем, что свидетельствует о серийности их употребления и, как результат, об определенной степени стирания образности прецедентного имени:

(9) *42 Jahre nach dem Mauerbau von Berlin entsteht zwischen Israel und dem Westjordanland ein neuer Eiserner Vorhang* (Heumann).

Атрибутивный критерий. Необходимо отметить, что коннотативному употреблению прецедентного имени часто сопутствует использование атрибутов, что усиливает образность и в итоге эффективность воздействия на реципиента. Как было отмечено выше, О. Е. Фролова указывает на то, что в русском языке при использовании прецедентного имени в качестве «семантического предиката» возможно добавление таких препозиционных атрибутов как *настоящий, типичный, второй, новый, будущий* и так далее. Говоря об ономастических метафорах в немецком языке, Турмайр подчеркивает, что им свойственно добавление атрибутов *richtig, echt: Er ist ein echter Don Juan* [9, S. 16]. В дискурсе немецких СМИ чаще всего в качестве атрибута встречается прилагательное *neu*:

(10) *Europas neuer Eiserner Vorhang* (Ihle).

Хотя Турмайр утверждает, что атрибут *zweiter* не может сочетаться с именем в позиции семантического предиката, случаи реального употребления в СМИ показывают, что такое сочетание возможно:

(11) *Viele schaffen es nicht einmal über die magische Grenze, die zum zweiten Eisernen Vorhang zu werden droht* (Asyl).

Прецедентные имена употребляются в СМИ и с несогласованными атрибутами в постпозиции:

- (12) *Im Hinblick auf die materielle Absicherung seiner Existenz im Alter ist Castorf, man muss es so uncharmant sagen, der Christian Wulff des deutschen Stadttheaters* (Martens).

Темпоральный критерий. Если денотатом прецедентного имени является некое лицо или явление из прошлого, то оно может использоваться в необычном темпоральном контексте, например в будущем времени, что создает особый эффект воздействия на реципиента, а также подчеркивает коннотативное функционирование прецедентного имени. Очевидно, что такое сопоставление актуального и прошлого нацелено на то, чтобы реципиент провел определенные параллели между двумя отображенными событиями:

- (13) *Der Premier werde „vor einer neuen Berliner Mauer stehen», prophezeit die Zeitung Ta Nea* (Höhler).

Ссылки на источники прецедентности. Обычно прецедентное имя вводится в дискурс без отсылок к прецедентному феномену, лежащему в его основе. Объясняется это отчасти тем, что прецедентные онимы сами по себе являются знаками культуры, известными подавляющему большинству лингвокультурного сообщества. Если источник прецедентности эксплицируется, то для этого имеются вполне определенные основания. Например, для достижения своих целей автор может обозначить прецедентную ситуацию, лежащую в основе прецедентного имени, чтобы обратить внимание на связь между онимом и ситуацией [1, с. 9]:

- (14) *Ein bisschen sieht es so aus, als sei da wer auferstanden. Viel Gel im Haar, runde Brille, Ende 30, CSU-Politiker — und jetzt ist auch noch der Dokortitel weg. Der neue Guttenberg heißt Andreas Scheuer* (Vates).

В данном примере объясняются причины, почему Андреаса Шойера можно считать «новым Гуттенбергом»: обоих политиков помимо внешнего сходства объединяет факт лишения их научной степени.

Из проведенного анализа можно сделать вывод, что прецедентные имена в процессе их функционирования в дискурсе немецких СМИ демонстрируют целый ряд морфологических, синтаксиче-

ских и деривативных особенностей. Эти особенности в своей совокупности усиливают прагматический эффект, достигаемый при употреблении прецедентных имен в дискурсе. Прецедентные имена, таким образом, являются одним из сильных элементов текста.

Литература

1. *Захаренко, И. В.* Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык. Сознание. Коммуникация. М.: МАКС Пресс, 1997. № 1. С. 82–103.
2. *Нахимова, Е. А.* Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т; Институт социального образования, 2007. 207 с.
3. *Ольшанский, И. Г., Гусева А. Е.* Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. М.: Академия, 2005. 416 с.
4. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь / И. С. Брилева, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных. М.: Гнозис, 2004. 318 с.
5. *Фролова, О. Е.* Имя собственное в культуре и речи // Русская речь. 2006. № 6. С. 68–72.
6. *Эйхбаум, Г. Н.* Теоретическая грамматика немецкого языка. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. 276 с.
7. *Fleischer, W.* Name und Text. Ausgewählte Studien zur Onomastik und Stilistik. Tübingen: Niemeyer, 1992. 189 S.
8. *Nübling, D., Fahlbusch F., Heuser R.* Namen. Eine Einführung in die Onomastik. Tübingen: Gunter Narr, 2012. 367 S.
9. *Thurmair, M.* Der Harald Juhnke der Sprachwissenschaft. Metaphorische Eigennamenverwendungen // Deutsche Sprache. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2003. S. 1–27.

Список использованных материалов

- Kaiser — *Kaiser J.* Generation Wulff // *Süddeutsche Zeitung*. 05.02.2000. S. 17.
Birthler — *Birthler* soll die neue Gauck werden // *Süddeutsche Zeitung*. 16.12.1999. S. 11.
Daniel — *Daniel E.* Israels Zaun // *FOCUS*. 24.06.2002. URL: http://www-focus.de/panorama/boulevard/brennpunkt-israels-zaun_aid_207351.html (дата обращения: 31.04.2018).
Altes Bett — *Altes Bett, neuer Ehepartner* // *Süddeutsche Zeitung*, 09.05.1995.
Mühlbauer — *Mühlbauer P.* Berliner Mauer // *Telepolis*. 09.07.2015. URL: <https://www.heise.de/tp/features/Farage-Der-Euro-ist-die-neue-Berliner-Mauer-3374172.html> (дата обращения: 31.04.2018).

- Gauland — *Gauland A.* CSU: Glanz und Glaubwürdigkeit // Tagesspiegel. 31.10.2010. URL: <http://www.tagesspiegel.de/meinung/guttenberg-und-seehofer-csu-glanz-und-glaubwuerdigkeit-/1971270.html> (дата обращения: 31.04.2018).
- Heumann — *Heumann P.* Israel mauert // FOCUS. 17.02.2003. S. 122–127.
- Martens — *Martens M.* Europas neuer Eiserner Vorhang // Frankfurter Allgemeine. 05.08.2015. URL: <http://www.faz.net/aktuell/politik/europaeische-union/festung-europa-schutzwaele-gegen-fluechtlinge-13730176.html> (дата обращения: 31.04.2018).
- Asyl — *Asyl* // FOCUS. 26.07.2004. S. 150–153.
- Ihle — *Ihle Chr.* Monarchie und Alltag // taz. 14.03.2012. URL: <http://www.faz.net/aktuell/politik/europaeische-union/festung-europa-schutzwaele-gegen-fluechtlinge-13730176.html> (дата обращения: 31.04.2018).
- Höhler — *Höhler G.* Hellas, hoffnungslos // Badische Zeitung. 24.08.2012. S. 3.
- Vates — *Vates D.* Der neue Guttenberg heißt Andreas Scheuer // Frankfurter Rundschau. 17.01.2014. URL: <http://www.fr-online.de/politik/csu-der-neue-guttenberg-heisst-andreas-scheuer,1472596,25920436.html> (дата обращения: 31.03.2018).

References

1. Zakharenko, I. V. Pretsedentnoe imia i pretsedentnoe vyskazyvanie kak simvol'y pretsedentnykh fenomenov [Precedent name and precedent utterance as symbols of precedent phenomena]. *Iazyk. Soznanie. Kommunikatsiia*. Moscow, MAKS Press, 1997, no. 1, pp. 82–103. (In Russian)
2. Nakhimova, E. A. *Pretsedentnye imena v massovoi kommunikatsii [Precedent names in the mass communication]*. Ekaterinburg, Ural. gos. ped. In-t; Institut sotsial'nogo obrazovaniia Publ., 2007. 207 p. (In Russian)
3. Olshanskiy, I. G., Guseva A. E. *Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache*. Moscow, Akademia Publ., 2005. 416 p.
4. *Russkoe kul'turnoe prostranstvo: Lingvokul'turologicheskii slovar': Vyp. pervyi [Russian cultural space: Linguocultural vocabulary: First issue]*. I. S. Brileva, N. P. Vol'skaia, D. B. Gudkov, I. V. Zakharenko, V. V. Krasnykh. Moscow, Gnozis Publ., 2004. 318 p. (In Russian)
5. Frolova, O. E. Imia sobstvennoe v kul'ture i rechi [Proper name in culture and speech]. *Russkaia rech'*, no. 6. Moscow, Nauka Publ., 2006, pp. 68–72. (In Russian)
6. Eichbaum, G. N. *Teoreticheskaja grammatika nemetskogo iazyka [Theoretical grammar of German]*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 1996. 276 p. (In Russian)
7. Fleischer, W. *Name und Text. Ausgewählte Studien zur Onomastik und Stilistik*. Tübingen, Niemeyer, 1992. 189 S.

8. Nübling, D., Fahlbusch F., Heuser R. *Namen. Eine Einführung in die Onomastik*. Tübingen, Gunter Narr, 2012. 367 S.

9. Thurmair, M. Der Harald Juhnke der Sprachwissenschaft. Metaphorische Eigennamenverwendungen. *Deutsche Sprache*. Berlin, Erich Schmidt Verlag, 2003. S. 1–27.

Степанов Евгений Сергеевич

аспирант кафедры немецкой филологии СПбГУ

Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Stepanov Evgenii Sergeevich

Postgraduate student of German Philology Department, St. Petersburg State University,

Address: 7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: eugenity@mail.ru

ФОКУСНЫЕ ЧАСТИЦЫ КАК ПРОЕКЦИИ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА ИНТЕРАКЦИИ В НАУЧНЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Ключевые слова: язык науки, научный текст, научный лингвистический дискурс, эгореферентность, импликация, фокусные частицы.

Данная статья посвящена анализу семантико-функционального потенциала фокусных частиц в научном тексте. Фокусные частицы являются одним из языковых средств скрытой эгореферентности, при употреблении которых устанавливается имплицативная содержательная соотнесенность с автором научного текста. Особое внимание в статье уделяется специфике употребления данных лексических единиц в контекстах научного сообщения и установлению набора характерных функций фокусных частиц в научном лингвистическом дискурсе. Положения, приводимые в статье, иллюстрируются на материале немецкоязычных лингвистических статей.

N. S. SUPONITSKAYA

St. Petersburg State University

FOCUS PARTICLES AS PROJECTIONS OF THE COMMUNICATIVE SPACE INTERACTION INTO SCIENCE LINGUISTIC DISCOURSE

Keywords: language of science, scientific text, linguistic discourse, ego-reference, implication, focus particles.

The article explores the potential of focus particles in German science discourse. It gives an analysis of focus particles in scientific communication with their syntactic, semantic, and information structural properties based on pragmatic knowledge and the discourse context of the article. The study shows that focus particles present a special way of an implicit ego-reference, relying on the egocentric categorical semantics, linked to the sphere of the speaker.

Научный лингвистический дискурс с коммуникативно-прагматической точки зрения характеризуется тем, что на передний план в профессиональной коммуникации выводится объект исследования и научные результаты, а не познающий субъект [6]. Вместе с тем Т.Штайнхофф справедливо отмечает, что «современные научные тексты относятся к «способоориентированным» (verfahrensorientiert), где языковые средства служат не только для объективного отображения объекта, ради которого это знание и добывается, но и для описания самого процесса формирования знания

[12, S.12]. Поэтому образ автора всегда незримо присутствует в структурах аргументации и благодаря многообразным языковым средствам, которые обладают, с точки зрения Е. В. Падучевой, «скрытой валентностью на говорящего» [5, с.4], домысливается адресатом в контексте научного сообщения.

Различные средства скрытой эгореферентности научного текста в данной статье понимаются как «грамматические группировки лексики, номинативно задействованные на отражении в структуре своего лексико-семантического значения референциальных связей с автором научного сообщения в контексте ситуации познания» [2, с.53].

Благодаря системному рассмотрению авторизирующих средств, индуцирующих скрытое присутствие автора-исследователя, стало возможным определить доминирующий механизм имплицитной эгореферентности на материале немецкоязычных лингвистических статей и монографий [7, с.133]. Большинство таких средств вовлечено в процесс контекстной актуализации автора на основе семы антропонимичности, которая входит в семантическую структуру предикатов речемыслительной деятельности, абстрактных существительных, модально-эпистемических компонентов. Кроме того, она опирается на лексические единицы, которые благодаря своей эгоцентрической грамматической семантике указывают на активную мыслительную и организующе-структурирующую деятельность автора в процессе создания научного текста. К таким средствам относятся, например, рационально-оценочные лексемы и коннекторно-связующие единицы текста.

В количественном отношении реляционные единицы текста встречаются гораздо чаще, чем другие способы имплицитной эгореферентности. (Доля высказываний с коннекторами в монографиях составила 21,7%, в научных статьях — 19,4% от общего количества проанализированных текстовых предикаций в 59 270 единиц) [7, с.134]. Среди данных лексических имплицитно-авторизирующих средств важную роль играют фокусные частицы.

В лингвистике фокусными частицами (англ. „focusing adjunct“, „focuse particle“, нем. „Fokuspartikel“) принято называть такие частицы, которые могут указывать на пресуппозиции и фокусировать внимание читателя на конкретные и релевантные (фокус высказывания) для определенного контекста имплицитные элементы смысла [9; 11]. В этой связи можно утверждать, что фокусные

частицы входят, по К. Бюлеру, в систему «указательного поля» (*Zeigefeld*), которое трактуется как «предпочтительная техника наглядного языка, самая его суть» [1, с. 76].

Благодаря метадискурсивной функции логического структурирования и организации данные единицы становятся проекциями коммуникативного пространства интеракции в содержательную структуру текста. В коммуникативном контексте они приобретают сигнал научного речемыслительного процесса и тем самым выступают как следы авторского присутствия в тексте.

Согласно Э. Хентчель и Х. Вайдт, фокусные частицы представляют собой относительно гетерогенную группу лексических единиц [10, S. 291]. В отличие от «интенсификаторов / усилительных частиц» (*Gradpartikel*) фокусные частицы крайне редко имеют стилистическую функцию градации [8, S. 589].

Исследование показало, что в научном тексте (в немецкоязычной статье по лингвистике) представлено два типа фокусных частиц:

- 1) рестриктивные фокусные частицы (*nur, allein, einzig*);
- 2) аддитивные фокусные частицы (*auch, sogar, gleichfalls*).

Рестриктивным (экслюзивным) фокусным частицам присущи следующие основные функции.

1. Функция выделения и подчеркивания релевантной информации.

Da die Sätze von Experiment 2 kausatives „lassen“ enthalten, sollten folglich nur Sätze mit Ersatz-Infinitiv akzeptiert werden (Bader, S. 19).

Nur die Hyponyme „Zeugen, Untersuchungsberichte, Atteste“ sind vorgelagert. Üblicherweise wird das Hyponym durch das Hyperonym ersetzt (Engberg, Luttermann, S. 88).

Частица *nur* становится сигналом авторской позиции относительно границ исследования, указателем на конкретную научную область, на которой сосредоточено внимание автора.

2. Функция конкретизации релевантной информации.

В сложноподчиненных предложениях с придаточным условием фокусная частица зачастую выполняет конкретизирующую функцию в составе высказывания с рационально-оценочным предикатом. Модусом рациональной оценки выступают при этом оценка достоверности сообщаемого знания.

*Diese Umkehr der traditionellen Sichtweise ist natürlich **nur dann** plausibel, wenn gezeigt werden kann, dass auch diese scheinbar regelhaften und abstrakten Strukturen tatsächlich nicht-kompositionelle Bedeutungen haben* (Metten, S. 43).

*Das Verhältnis zwischen Daten und Theorie lässt sich **nur dann** sinnvoll bestimmen, wenn die Konzepte, mit denen gearbeitet wird, auf theoretischer Seite angemessen expliziert und auf empirischer Seite angemessen operationalisiert werden* (Meyer, S. 141).

Подобный акцентирующий оттенок значения появляется и в предложениях с придаточными причины. Такая причинная взаимобусловленность с подчеркнутым обоснованием указывает адресату на интенцию автора научного текста сфокусировать свое внимание и внимание адресата на определенной грани научной дискуссии.

*Sie unterscheiden sich nach Ansicht der Konstruktionsgrammatik **nur deshalb** scheinbar von idiomatischen Wendungen, weil ihre Bedeutungen allgemeiner und ihre formalen Verhaltensweisen flexibler sind* (Stefanowitsch, S. 572).

Сходное значение имеет фокусная частица *allein*. Однако чаще она встречается в предложении с отрицанием:

*Die Besonderheit der Morphologie besteht vielleicht darin, dass sie **nicht allein** nach Kategorien, sondern nach Kategorien mit phonologischer Form generalisiert, und so automatisch zu Unterklassen führt, anders als die Syntax* (Wunderlich, S. 254).

Аддитивные (инклюзивные) фокусные частицы функционально отличаются от первого типа тем, что они позволяют дополнить мысль автора, включить в рассуждения иные примеры, не противопоставляя одну мысль другой. Им свойственны следующие основные функции.

1. Функция дополнения новой релевантной информацией.

Наиболее часто встречается в научных статьях частица *auch* с функцией дополнения релевантной для текущего анализа информации:

***Auch** die Berücksichtigung sowohl der denotativ-semantischen als auch der signifikativ-semantischen Rollen erweist sich für meine Analyse als sehr nützlich* (Mollica, S. 357).

Однако иногда за счет предлога *neben* происходит смещение фокуса в сторону информации, вводимой инклюзивной частицей, при этом по значимости ни одна из частей высказывания не уступает другой.

Neben kognitiven spielen auch sozio-pragmatische Faktoren eine nicht unwesentliche Rolle, wenn es um die Erklärung von Markiertheitsverhältnissen geht (Morphosozio Pragmatik) (vgl. Michel i. Dr. b) (Elsen, S. 165).

Синонимичной фокусной единицей, которая встречается гораздо реже в научных текстах, является частица *gleichfalls*.

Üblich ist sie gleichfalls beim Ersatzinfinitiv von „lassen“, „heißen“, „machen“, „helfen“ oder einem Wahrnehmungsverb (sehen, hören, fühlen, spüren) (Bader, S. 7).

В статьях также наблюдается использование сложных союзов, в состав которых могут попадать и фокусные частицы:

Die gegenwärtig voranschreitende Ästhetisierung alltagsweltlicher Erscheinungen ist dabei eng an die Medialisierung unserer kulturellen Umwelt gebunden, die nicht nur Wahrnehmungsweisen verändert, sondern gleichfalls neue Atmosphären des Befindens hervorbringt (Metten, S. 54).

2. Функция убеждения в достоверности знания.

Что касается семантико-функционального потенциала фокусной частицы *sogar*, то речь идет об экспликации уверенности автора в достоверности нового знания, показывающего убежденность в истинности суждения. В этом смысле они функционально подобны модальным эпистемическим словам, актуализирующим дискурсивные позиции автора-исследователя по ходу разворачивающейся аргументации [3; 4]. Приведем некоторые примеры.

Alle drei Muster sind in den Posts des Language Log mehrfach vertreten, der letzte Typ sogar recht häufig (Meiler, S. 59).

Andererseits lässt sich für viele Innovationen in dem uns interessierenden Bereich zeigen, dass sie als solche nicht nur intentional, sondern sogar reflektiert und im Detail geplant eingeführt werden (Stefanowitsch 2009, 581).

Таким образом, благодаря фокусным частицам обеспечивается не только поступательное движение, но и логическое следование

информационного потока. Последовательность и аргументированность в изложении научной информации выступают как одни из главных требований в научной коммуникации и как типичная черта доминирующего здесь аргументативного дискурса. Фокусные частицы помогают правильно расставить правильно акценты и зафиксировать речемыслительный процесс обработки предметных связей, обнаруживаемых автором-исследователем в научном объекте.

При анализе функционирования фокусных частиц нельзя рассматривать их изолированно, только лишь как неотъемлемую составную часть текстового высказывания (текстовой пропозиции) и ситуативного контекста. Эти универсальные закономерности в организации содержания языковых образований являются проявлением того, что содержание формируется в сознании адресата всегда на фоне взаимодействия конкретного речевого высказывания с вербальным окружением, контекстом и речевой ситуацией, т.е. с прагматическим контекстом. Автор кодирует определенный сегмент информации и предполагает, что читатель расшифрует и адекватно воспримет сказанное. Способность фокусных частиц опосредованно реферировать к автору научного текста, а также помогать адресату в поиске скрытых смыслов подтверждает тот факт, что они являются языковыми маркерами коммуникативного пространства интеракции в текстах научного дискурса и сигнализируют об устойчивых нормах ведения эффективной аргументации в данной коммуникативной практике.

Литература

1. Бюлер, К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М.: Прогресс, 2000. 528 с.
2. Нефёдов С. Т. Имплицитная авторизованность научного текста // Научное мнение. 2013. № 10. СПб.: Санкт-Петербургский научный консорциум. С. 51–57.
3. Нефёдов, С. Т. Эпистемические «сдвиги» в модальности научного текста // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2016. № 9. С. 133–140.
4. Нефёдов, С. Т. Дискурсивные функции модальных слов в научной аргументации // Университетский научный журнал. 2016. № 21. С. 34–42.
5. Падучева, Е. В. Эгоцентрические валентности и деконструкция говорящего // Вопросы языкознания. 2011. № 3. С. 3–18.
6. Супоницкая, Н. С. Категория авторизации в лингвистике научной

речи // Университетский научный журнал. 2016. № 18. С. 209–218.

7. Супоницкая, Н. С. Способы языкового маркирования имплицитного «присутствия» автора в научном тексте // Филологические науки: вопросы теории и практики. 2016. № 7 (61): в 3 ч. Ч. 1. С. 133–138.

8. *Duden*. Die Grammatik. Unentbehrlich für richtiges Deutsch. Mannheim, Zürich: Dudenverlag, 2009. 1343 S.

9. *Graefen*, G. Ein Beitrag zur Partikelanalyse — Beispiel: doch // Linguistik Online. 2000. Bd. 6, N 2. URL: <http://www.bop.unibe.ch/linguistik-online./article/view/1009> (дата обращения: 25.01.2017).

10. *Hentschel*, E., *Weydt*, H. Handbuch der deutschen Grammatik. Berlin: de Gruyter, 1994, 524 S.

11. *König*, E. Gradpartikeln // Semantik: Handbuch zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft. (=HSK 6). Berlin, New York: de Gruyter, 1991. S. 786–803.

12. *Steinhoff*, T. Wissenschaftliche Textkompetenz: Sprachgebrauch und Schreibleitung in wissenschaftlichen Texten von Studenten und Experten. Tübingen: Niemeyer, 2007. 460 S.

Источники иллюстративного материала

Bader — *Bader*, M. Das Verb lassen im Deutschen: Zum Zusammenspiel von Auxiliarinversion und Ersatzinfinitiv // Zeitschrift für Sprachwissenschaft. 2014. Bd. 33 (1). S. 1–44.

Elsen — *Elsen*, H., *Michel*, S. Beispiel Wortbildung. Die Erhebung und Interpretation von Daten // Zeitschrift für Sprachwissenschaft. 2009. Bd. 28. S. 163–168.

Engberg, Luttermann — *Engberg*, J., *Luttermann*, K. Informationen auf Jugend-Webseiten als Input für Wissenskonstruktion über Recht // Zeitschrift für angewandte Linguistik. 2014. Bd. 60 (1). S. 67–91.

Meiler — *Meiler*, M. Kommunikationsformenadressen oder: Prozeduren des Situationsvollzugs am Beispiel von Weblogs // Zeitschrift für angewandte Linguistik. 2013. Bd. 59 (1). S. 51–106.

Metten — *Metten*, Th. Zur Analyse von Atmosphären in Diskursen. Eine diskurslinguistische Untersuchung kollektiver Befindlichkeiten am Beispiel des Vulkanausbruchs in Island // Zeitschrift für angewandte Linguistik. 2012. Bd. 56 (1). S. 33–65.

Meyer — *Meyer*, M. Sprachliche Wohlgeformtheit eine kritische Bestandsaufnahme // Zeitschrift für Sprachwissenschaft. 2009. Bd. 28. S. 141–150.

Mollica — *Mollica*, F. Der Dativus Ethicus im Deutschen aus konstruktionsgrammatischer Sicht // Zeitschrift für Germanistische Linguistik. 2014. Bd. 42 (3). S. 349–378.

Stefanowitsch — *Stefanowitsch*, A. Bedeutung und Gebrauch in der Konstruktionsgrammatik: Wie kompositionell sind modale Infinitive im Deut-

schen? // Zeitschrift für Germanistische Linguistik. 2009. Bd. 37 (3). S. 565–592.

Wunderlich — *Wunderlich, D.* Spekulationen zum Anfang von Sprache // Zeitschrift für Sprachwissenschaft. 2008. Bd. 27. S. 229–265.

References

1. Biuler, K. *Teoriia iazyka. Rerezentativnaia funktsiia iazyka* [Language theory. Representative language function]. Moscow, Progress Publ., 2000. 528 p. (In Russian)

2. Nefedov S. T. Implitsitnaia avtorizovannost' nauchnogo teksta [Implicit authorisation of scientific text]. *Nauchnoe mnenie*, 2013, no. 10. St. Petersburg, pp. 51–57. (In Russian)

3. Nefedov, S. T. Epistemicheskie «sdvigi» v modal'nosti nauchnogo teksta [Epistemic “shifts” in modality of the academic text]. *Nauchnoe obozrenie: gumanitarnye issledovaniia*, 2016, no. 9. Moscow, Nauka obrazovaniia Publ., pp. 133–140. (In Russian)

4. Nefedov, S. T. Diskursivnye funktsii modal'nykh slov v nauchnoi argumentatsii [The Discursive Functions of Modal Words in the Academic Argumentation]. *Universitetskii nauchnyi zhurnal*, 2016, no. 21. St. Petersburg, pp. 34–42. (In Russian)

5. Paducheva, E. V. Egotsentricheskie valentnosti i dekonstruktsiia govoriashchego [The egocentric valence and the deconstruction of speaker]. *Voprosy iazykoznaviia*, 2011, no. 3, pp. 3–18. (In Russian)

6. Suponitskaia, N. S. Kategoriia avtorizatsii v lingvistike nauchnoi rechi [Category of authorisation in Academic writing]. *Universitetskii nauchnyi zhurnal*, 2016, no. 18. St. Petersburg, pp. 209–218. (In Russian)

7. Suponitskaia, N. S. Sposoby iazykovogo markirovaniia implitsitnogo «pritsutstviia» avtora v nauchnom tekste [The ways of the language marking of the author's implicit “presence” in the scientific text]. *Filologicheskie nauki: voprosy teorii i praktiki*, 2016, no. 7 (61): in 3 parts. Pt. 1. Tambov, Gramota, pp. 133–138. (In Russian)

8. Duden. *Die Grammatik. Unentbehrlich für richtiges Deutsch*. Mannheim, Zürich: Dudenverlag, 2009. 1343 S.

9. Graefen, G. Ein Beitrag zur Partikelanalyse — Beispiel: doch. *Linguistik Online*, 2000. Bd. 6, N 2. URL: <http://www.bop.unibe.ch/linguistik-online/article/view/1009> (дата обращения: 25.01.2017).

10. Hentschel, E., Weydt, H. *Handbuch der deutschen Grammatik*. Berlin: de Gruyter, 1994, 524 S.

11. König, E. Gradpartikeln. *Semantik: Handbuch zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft*. (=HSK 6). Berlin, New York: de Gruyter, 1991. S. 786–803.

12. Steinhoff, T. *Wissenschaftliche Textkompetenz: Sprachgebrauch und Schreibentwicklung in wissenschaftlichen Texten von Studenten und Experten*. Tübingen: Niemeyer, 2007. 460 S.

Супоницкая Наталия Семеновна

старший преподаватель кафедры немецкой филологии СПбГУ

Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.

Suponitskaya Natalia Semenovna

Senior teacher of German Philology Department, St. Petersburg State University

Address: 7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: natalia.suponitskaya@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ

<i>С. Т. Нефёдов, И. Е. Езан</i> ДИСКУРС В ФОКУСЕ ЛИНГВИСТИКИ	5
--	---

ЧАСТЬ I. ЛИНГВОДИСКУРСИВНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ И ТРАНСТЕКСТОВЫЙ АНАЛИЗ ДИСКУРСА

<i>С. Т. Нефёдов</i> ДИСКУРС: НАПРАВЛЕНИЯ, ШКОЛЫ, МЕТОДОЛОГИЯ ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА	11
<i>Е. А. Гончарова</i> ДИСКУРСИВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ СТИЛЯ	35
<i>В. А. Андреева</i> ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДЕСКРИПТИВА	52
<i>К. Р. Новожилова</i> РЕФЕРЕНТНАЯ СИТУАЦИЯ В НАРРАТИВНОМ ДИСКУРСЕ И ЕЕ ТЕКСТУАЛИЗАЦИЯ	63
<i>К. А. Филиппов, Л. Н. Григорьева</i> СТАНОВЛЕНИЕ УЧЕБНО-ГРАММАТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ГЕРМАНИИ И РОССИИ XVIII ВЕКА.....	73
<i>И. Е. Езан, Е. А. Ковтунова</i> АГИТАЦИОННАЯ ЛИСТОВКА В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ.....	85

ЧАСТЬ II. ВНУТРИТЕКСТОВЫЙ АНАЛИЗ ДИСКУРСОВ

<i>Г. А. Баева</i> ДИСКУРСИВНЫЕ СЛОВА КАК МАРКЕРЫ УСТНОЙ РЕЦЕПЦИИ В СРЕДНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	99
<i>Л. Ф. Бирр-Цуркан</i> ОБРАЩЕНИЕ КАК ОРГАНИЗУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ В ЭПИСТОЛЯРНОМ ДИСКУРСЕ.....	115
<i>И. А. Вороновская</i> ДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ ПАРАТЕКСТОВ НАУЧНОГО СТИЛЯ (НА ПРИМЕРЕ АВТОРСКОГО ПРЕДИСЛОВИЯ К НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫМ МОНОГРАФИЯМ ПО ЛИНГВИСТИКЕ)	132

<i>К. В. Манерова</i> НАРУШЕНИЕ МАКСИМ ГРАЙСА В РЕЛИГИОЗНОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКИХ И РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ РЕЛИГИОЗНОЙ ТЕМАТИКИ).....	145
<i>А. В. Мельгунова</i> ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСА РЫНКА ТРУДА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЙ ПРЕССЫ)	161
<i>Е. С. Степанов</i> КРИТЕРИИ ИЗУЧЕНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН В ДИСКУРСЕ СМИ.....	171
<i>Н. С. Супоницкая</i> ФОКУСНЫЕ ЧАСТИЦЫ КАК ПРОЕКЦИИ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА ИНТЕРАКЦИИ В НАУЧНЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС.....	181

CONTENTS

<i>S. T. Nefedov, I. E. Ezan</i> DISCURS IN THE FOCUS OF LINGUISTIC.....	5
---	---

THE METHODOLOGY OF LINGUISTIC DISCOURS AND THE TRANSTEXTUAL DISCURS ANALYSIS

<i>S. T. Nefedov</i> DISCOURSE: RESEARCH APPROACHES, ACADEMIC SCHOOLS, METHODOLOGY OF DISCOURSE ANALYSIS	11
E. A. Goncharova DISCURSIVE PARAMETERS OF STYLE	35
V. A. Andreeva THE NARRATIVE POTENTIAL OF THE DESCRIPTIVE	52
K. R. Novozhilova REFERENTIAL SITUATION IN THE NARRATIVE DISCOURSE AND ITS TEXTUALIZATION	63
K. A. Filippov, L. N. Grigorieva DEVELOPMENT OF EDUCATIONAL GRAMMAR DISCOURSE IN XVIII CENTURY GERMANY AND RUSSIA	73
I. E. Ezan, E. A. Kovtunova CAMPAIGN LEAFLETS IN MODERN GERMAN POLITICAL DISCOURSE	85

INTRATEXTUAL ANALYSIS OF DISCOURSE

G. A. Baeva DISCOURSE MARKERS OF ORAL RECEPTION IN THE MIDDLE HIGH GERMAN LITERATURE.....	99
L. F. Birr-Tsurkan ADDRESS AS AN ORGANISING ELEMENT IN EPISTOLARY DISCOURSE	115
I. A. Voronovskaya DISCOURSE MARKERS OF SCIENTIFIC STYLE PARATEXTS ILLUSTRATED BY AUTHOR'S PREFACE TO GERMAN LINGUISTIC MONOGRAPHS.....	132

K. V. Manerova	
THE VIOLATION OF GRICEAN MAXIMS IN RELIGIOUS DISCOURSE: A CASE STUDY OF THE GERMAN AND RUSSIAN RELIGIOUS PHRASEOLOGY	145
A. V. Melgunova	
LEXICAL FEATURES OF THE LABOUR MARKET DISCOURSE (IN THE GERMAN PRESS)	161
E. S. STEPANOV	
CRITERIA OF THE STUDY OF PRECEDENT NAMES IN THE MASS MEDIA DISCOURSE.....	171
N. S. SUPONITSKAYA	
FOCUS PARTICLES AS PROJECTIONS OF THE COMMUNICATIVE SPACE INTERACTION INTO SCIENCE LINGUISTIC DISCOURSE.....	181

Научное издание
НЕМЕЦКАЯ ФИЛОЛОГИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
Вып. VII

ДИСКУРСИВНЫЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВЫХ ФЕНОМЕНОВ

Редактор *Е. П. Парфенова*
Корректор *А. С. Яшина*
Компьютерная верстка *Е. М. Воронковой*

Подписано в печать 18.04.2018. Формат 60×84¹/₁₆.
Усл.-печ. л. 13,02. Тираж 70 экз. Заказ № .

Издательство Санкт-Петербургского университета. 199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, 11.
Тел. (812)328-96-17; факс (812)328-44-22

publishing@spbu.ru

publishing.spbu.ru

Типография Издательства СПбГУ. 199034, С.-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.